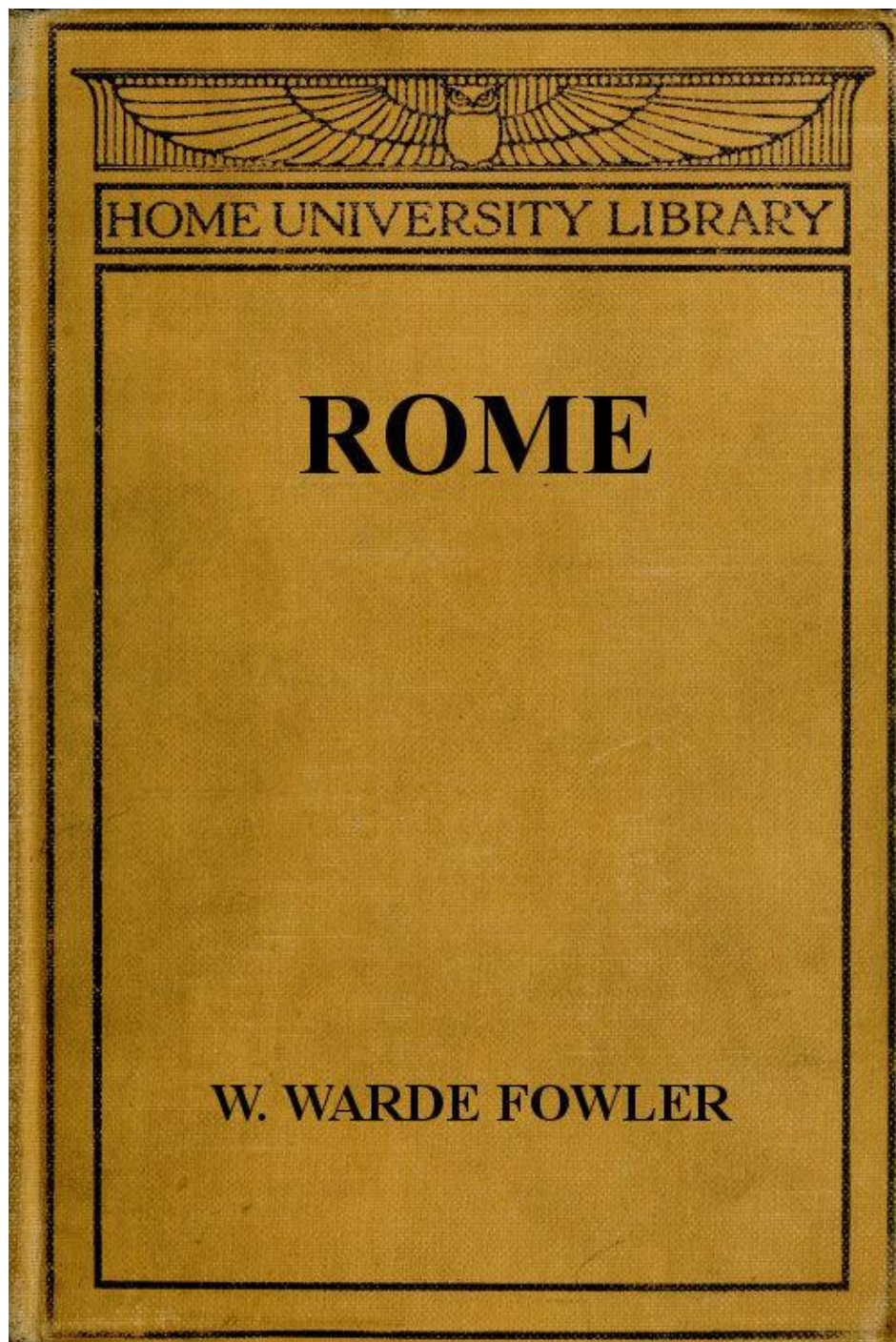

Рим

У. Уорд Фаулер

The Project Gutenberg eBook of Rome

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее в соответствии с условиями Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Рим

Автор: W. Warde Fowler

Дата выхода: 23 февраля 2018 [eBook #56630]

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Стивеном Хатчерсоном и командой Online Distributed Proofreading Team at <http://www.pgdp.net> (This file was created on the basis of images, generously provided by The Internet Archive/American Libraries.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА РИМ ***

ДОМАШНЯЯ УНИВЕРСИТЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА СОВРЕМЕННЫХ ЗНАНИЙ
№ 30

Редакторы:

ГЕРБЕРТ ФИШЕР, М.А., Ф.Б.А.

Профессор Гилберт Мюррей, Litt.D., LL.D., F.B.A.

Профессор Дж. АРТУР ТОМСОН, магистр искусств.

Профессор УИЛЬЯМ Т. БРЕВСТЕР, М.А.

16то ткань, 50 центов *нетто*, по почте 56 центов

ИСТОРИЯ И ГЕОГРАФИЯ

Уже опубликовано

РАССВЕТ ИСТОРИИ

Дж. Л. Майрес

РИМ

В. Уорд Фаулер

ПАПСТВО И СОВРЕМЕННОСТЬ

Уильям Барри

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЕВРОПА

Х. У. К. Дэвис

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Хилер Беллок

ИРЛАНДСКАЯ НАЦИОНАЛЬНОСТЬ

Миссис Дж. Р. Грин

КАНАДА

А. Г. Брэдли

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Фредерик Л. Пэксон

ИСТОРИЯ НАШЕГО ВРЕМЕНИ (1885-1911)

К. П. Гуч

ПОЛЯРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ (с картами)

У. С. Брюс

ОТКРЫТИЕ АФРИКИ

Сэр Х. Х. Джонстон

ЦИВИЛИЗАЦИЯ КИТАЯ

Г. А. Джайлс

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ВОЙНЫ И МИРА
СОВРЕМЕННАЯ ГЕОГРАФИЯ
Вопросы будущего
КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ
ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ
РЕФОРМАЦИЯ
КРАТКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ
НАРОДЫ И ПРОБЛЕМЫ ИНДИИ
ФРАНЦИЯ НАШИХ ДНЕЙ
ЭВОЛЮЦИЯ ГОРОДОВ
ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ
КОЛОНИАЛЬНЫЙ ПЕРИОД
ОТ ДЖЕФФЕРСОНА ДО ЛИНКОЛЬНА
РЕКОНСТРУКЦИЯ И СОЮЗ (1865-1912)
ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА

Г. Х. Перрис
Марион Ньюбигин

Герберт Фишер
Гилберт Мюррей
Принципал Линдсей
Профессор Милюков
Сэр Т. У. Холдернесс
Габриэль Монод
Патрик Геддес
Ф. Л. Гриффит
Чарльз М. Эндрюс
Уильям Макдональд
Пол Л. Хаворт
В. Р. Шепард

РИМ

УОРД ФАУЛЕР, М.А.
АВТОР КНИГ "ЖИЗНЬ ЮЛИЯ СЕЗАРА", "ГОРОДА-ГОСУДАРСТВА ГРЕКОВ И РИМЛЯН",
"ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ РИМА В ЭПОХУ ЦИЦЕРОНА" И ДР.

НЬЮ-ЙОРК
ГЕНРИ ХОЛТ И КОМПАНИЯ
ЛОНДОН
УИЛЬЯМС И НОРГЕЙТ

Авторское право, 1912 г,
ПО АДРЕСУ
ГЕНРИ ХОЛТ И КОМПАНИЯ
УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ПРЕССА, КЕМБРИДЖ, США.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА. СТРАНИЦА

I Вступление	7
II Продвижение Рима в Италии	28
III Воспитание римского характера	55
IV Борьба с Карфагеном и Ганнибалом	84
V Господство и вырождение	111
VI Революция: Акт I.	136
VII Революция: Акт II.	161
VIII Август - возрождение римского духа	187
IX Жизнь в Римской империи	212
X Империя при Антонинах - заключение	229
Библиография	253
Указатель	255

РИМ

ГЛАВА I ВВЕДЕНИЕ

Предположим, что обычный англичанин, не имеющий специальных знаний по классической истории, рассматривает коллекцию римских древностей в витринах музея. Скорее всего, он не станет долго задерживаться на этих витринах, а перейдет к чему-то более интересному. Предметы, на которые он смотрит, в большинстве своем не поражают воображение и не красивы, и одни и те же представлены для его осмотра снова и снова в виде коллекций из различных римских мест. В основном это полезные вещи, орудия труда и утварь всех видов, а также фрагменты военного оружия и доспехов. Монеты не вызывают у него никакого восторга, поскольку, помимо того, что, не будучи истолкованными, они не могут рассказать ему никакой истории, они не вызывают у него восхищения красотой дизайна и исполнения. Если бы, , он посетил музей в Риме, то нашел бы в нем множество красивых вещей; но это работы греческих художников, завезенные богатыми или со вкусом римлянами в более поздние века истории Рима. Обычная коллекция подлинных римских древностей, вероятно, произвела бы тот эффект, который я описываю. По всей видимости, люди, оставившие после себя эти вещи, руководствовались не красотой, а полезностью.

Тот же мотив будет подсказан нам, если мы посетим любую из крупных римских работ в этой стране или на континенте. Большинство из нас знают, как выглядит римская дорога, проложенная прямо через холмы и долины и предназначенная в основном для военных целей, чтобы войска могли быстро передвигаться и осматривать местность по мере продвижения. В раскопанных городах мы обычно видим, что самыми просторными и впечатляющими зданиями были залы собраний (*basilicæ*), в которых велись всевозможные дела, особенно связанные с законом и правительством. Очень часто, хотя и не в сравнительно бедной провинции Британии, эта характеристика полезности сочетается с другой - солидностью и внушительными размерами. На этом хорошо обводненном острове римлянам не требовалось акведуков, чтобы обеспечить постоянный приток воды в свои города, но в Италии и на юге Франции эти великие сооружения порой излишне огромны и внушительны. Даже когда они уходили с пути строгой утилитарности, как в их триумфальных арках и воротах, за которыми мы должны ехать в Трир в Германии, или в Оранж на юге Франции, или в саму Италию, они твердо придерживались принципов солидности и внушительных размеров. Один писатель, хорошо знавший их искусство, сказал, что их представление о высшем из всех вещей, их *summum bonum*, было не красивым, а мощным, и что они думали, что как народ получили это представление с небес.

Было бы неверно утверждать, что в римском искусстве нет красоты; но в соответствии с тем, что только что было сказано, даже в лучших его образцах прослеживается сильная тенденция к реализму, к фактичности. В своей скульптуре они были особенно сильны в портретах, а при изображении сцен человеческой жизни они никогда или редко идеализировали. Сцена битвы или изображение на камне жизни в городе переполнены фигурами, просто потому, что так было на самом деле, и работа лишена того отдыха для глаз, который так часто дает совершенная группировка греческого художника. Так же и в литературе; вся их величайшая поэзия имеет сугубо практическую цель и непосредственно касается человеческой жизни. Великая философская поэма Лукреция была призвана избавить римлян от религиозного суеверия; цель "*Энеиды*" Вергилия, о которой я расскажу в другой главе, - вернуть выродившемуся римлянину того времени чувство долга в доме и государстве. Их единственным оригинальным изобретением в литературной форме была сатира, под которой они подразумевали комментарии, дружеские или враждебные, к окружающей их человеческой жизни. Их мифы и легенды, которых не было так много, как в Греции, касались в основном основания городов или героических поступков людей.^[1] В целом они больше всего преуспели в ораторском искусстве и истории, а их проза достигла совершенства раньше, чем поэзия.

Здесь следует упомянуть еще одну черту их характера, которая полностью соответствует остальным и часто ускользает от внимания. Если в произведениях своих рук и мозга они не были людьми с богатым воображением, то мы вполне можем понять, что они не обладали этим даром и в практической жизни. Воображение в действии принимает форму авантюризма, как мы можем видеть в нашей собственной истории; литературная изобретательность елизаветинской Англии имеет свой аналог в авантурных плаваниях елизаветинских моряков. Римляне не были авантурным народом; им не хватало воображения, чтобы быть таковыми. Они, правда, проникали в неизвестные страны; Сезар достиг Британии и перекинул мост через Рейн, но этот великий человек, истинный римлянин по рождению, обладал скорее научным, чем романтическим темпераментом. Он поступал так, как поступали почти все римляне-завоеватели до него и должны были поступать после него, - он продвигался вперед твердым шагом, надежно прокладывая себе путь позади и тщательно прощупывая впереди себя. Его книга о войнах в Галлии написана без доли воображения и в сугубо практических целях. В поколении, предшествовавшем Сезару, есть,

правда, исключение, настолько поразительное, что оно, можно сказать, подтверждает правило; тот, кто прочтет очаровательную жизнь Сертория, италийца с гор центральной Италии, у Плутарха, найдет в его истории и романтику, и приключения.

Таким образом, становится ясно, что в этом томе мы имеем дело с народом не воображения, а действия: народом, который был очень жив к нуждам и трудностям человеческой жизни. Римляне были, по сути, самыми практичными людьми в истории, и это позволило им восполнить то, чего не хватало цивилизации Средиземноморского бассейна в работах греков. Они сами хорошо знали это качество и гордились им. Мы находим его выражение у старшего Катона в начале лучшего века римской литературы; его идеал римлянина - *vir fortis et strenuus* - человек сильного мужества и активной энергии. Тацит в более поздний период этой литературы говорит, что все замыслы и поступки должны быть направлены на практические цели жизни (*ad utilitatem vitæ*). Находясь на полпути между этими двумя понятиями, великие латинские поэты постоянно воспевают выносливость и практические добродетели, которые сделали Рим великим, а Италию - великой под руководством Рима. "Род выносливый, мы несем наших детей к ручьям и закаляем их в горькой, ледяной воде; мальчиками они проводят бодрые ночи за погоней и утомляются от вихря, но в зрелом возрасте, неутомимые трудом и приученные к бедности, они покоряют землю своими мотыгами или сотрясают города на войне" (Virg., *Æn.* ix. 607 и далее). Эти строки, хотя и относятся к итальянскому народу, должны были напомнить римлянину о жизни, которая когда-то была его жизнью. Слова, которыми римляне восхищались, выражая свои национальные черты, говорят об одном и том же: *gravitas* - серьезность характера, которая является внешним признаком твердой цели; *continentia* - самоограничение; *industria* и *diligentia* - слова, которые мы унаследовали от них и которые не нуждаются в объяснении; *constantia* - настойчивость в поведении; и, наконец, *virtus* - мужественность, которая первоначально означала активность и мужество, а с развитием цивилизации приобрела более широкий и этический смысл. Можно было бы привести тысячи цитат, чтобы доказать искреннее восхищение этого народа своими благородными качествами. В качестве примера можно привести житие старшего Катона, написанное Плутархом, которое можно читать на английском языке так же хорошо, как и в греческом оригинале, и которое дает хорошее представление о них.

Но важно отметить, что этот жесткий и практичный поворот римского ума был в некотором роде любопытно ограничен. Нельзя сказать, что они преуспели в промышленности или торговле. Сельское хозяйство было их первоначальным занятием, и торговые гильдии существовали в Риме уже в самом начале его истории; но история их сельского хозяйства довольно печальна, и Рим так и не стал великим промышленным городом. Их первая книга о земледелии была переведена с карфагенского языка, а методы торговли они переняли в основном у греков. Их гений к практической работе влек их в другом направлении: к искусству и методам дисциплины, закона, управления.

Мы видим, как этот особый дар проявляется на всех этапах их развития: в земледельческой семье, которая была зародышем всего их последующего роста, в городе-государстве, выросшем из этого зародыша, и в империи, основанной лидерами города-государства и организованной Августом и его преемниками. Это видно и в их военной системе, которая принесла им империю; они сражались не просто ради добычи или славы, а ради четко осознанных практических целей. Как говорит Тацит об одном германском племени, обладавшем чем-то вроде этого дара, римляне не столько выходили на битву, сколько воевали. Правда, они постоянно совершали ошибки и терпели поражения; они часто "продирались" сквозь трудности, как и мы сами; но они отказывались признавать поражение

и извлекали выгоду из неблагоприятной судьбы. Прислушайтесь еще раз к словам старого Катона; в книге *"Истоки Рима"*, написанной для своего сына, он писал: "Невзгоды укрощают нас и учат нашей истинной линии поведения, в то время как удача склонна сбивать нас с пути благоразумия". Так они шли от поражения к победе, завоеваниям и правлению. Стоит не только запомнить, но и выучить наизусть знаменитые строки, в которых Вергилий подытоживает представление римлянина о своей работе в мире: "Другие будут лепить свои бронзы.

"Иные бронзу лепят, чтоб дышала нежнее грация,

Из мрамора черпать, не сомневаюсь, живую жизнь лица,

И в суде более ловко, с мудрыми жезлами,

Проследить небесный ход и изменения, предсказать нам восход звезд.

Ты, о римлянин, помни, царствовать над всеми расами!

Это твои искусства, твоя слава, пути мира, которые ты должен провозгласить,

Милосердие к падшим проявлять, гордых с боем укрощать!"

Энеида, vi. 847-853

(перевод Боуэна).

Именно эта власть управления, которая сама по себе подразумевает привычку к дисциплине, выделила Рим как естественного преемника Греции в европейской цивилизации; и она естественным образом из чисто практических наклонностей первых римлян, которых в их постоянной деятельности не сдерживали ни фантазия, ни размышления, ни культура. Без нее мы можем сомневаться, сохранились бы для нас работы греков, когда бури с севера, нашествия варварских народов, наконец, обрушились на солнечные земли, наполненные духом греческой мысли и божественными произведениями греческих художников. Римской дисциплине, закону и правительству мы обязаны не только тем, что и сейчас ежедневно приносит нам практическую пользу, но и сохранением того, чем мы еще обладаем из сокровищ эллинского гения.

По этой причине я предполагаю, что большинство читателей возьмутся за эту книгу после того, как познакомятся с историей и мыслями греков. Это правда, что историю двух народов лучше всего рассматривать как одно большое целое; есть общее сходство в их институтах; форма государства и идеи правления, с которыми каждый из них вырос до зрелости, были в основном одинаковыми. Но римское умственное развитие было гораздо медленнее греческого, и Греция уже начала терять свою жизненную силу, когда Рим был еще неграмотен и не мог адекватно записать свою историю. Таким образом, греческое влияние первым сказалось на мире; бассейн Средиземноморья уже был пронизан греческим духом, когда на него начало действовать римское влияние; и не может быть никаких сомнений в том, что тот, кто начинает с римской истории, а затем переходит к греческой, нарушает естественный порядок вещей.

Я также предположу, что те, кто начал читать эту книгу, обладают некоторыми знаниями о Средиземноморском бассейне, который является ареной греко-римской истории; такими, которые можно получить при частом созерцании хорошей карты. Они будут знакомы с

Сицилией и южной Италией, которые изобиловали греческими поселениями, когда началась римская история. Они, вероятно, осознают, насколько короток путь от Италии до Африки, независимо от того, взята ли Сицилия в качестве ступеньки или нет; Катон мог показать римскому сенату свежие фиги, выращенные на территории Карфагена. Они поймут, что от "пятки" Италии до Эллинского полуострова можно добраться за одну ночь, как это сделал Сезар, когда высадил свою армию в Бриндизи, чтобы напасть на соперника; такие географические факты имеют огромное значение для объяснения не только внешней политики Рима, но и развития его культуры. И, таким образом, они начнут интересоваться судьбой итальянского полуострова, о котором греческая история мало что могла им рассказать. Оставив этот вопрос на время, они захотят узнать, почему греки не колонизировали центр и север Италии так же, как юг и юго-запад, а оставили достаточно места, чтобы там вырос новый тип цивилизации. И прежде всего, они захотят узнать, как и почему одному городу на западном побережье удалось создать в Италии великую державу, совершенно независимую от Греции и призванную в конечном итоге вытеснить ее, которая может рассматриваться как фактор, почти столь же важный в становлении нашей современной цивилизации, как и сама Эллада.

На этот последний вопрос я попытаюсь ответить в предыдущей части этой книги; в последующих главах мне придется заняться другим - как этот единственный город-государство сумел скрепить всю средиземноморскую цивилизацию, причем достаточно прочно, чтобы обеспечить ей безопасность на несколько веков против нецивилизованных врагов на севере и полумодернизированных врагов на востоке. Но пока давайте разберемся, почему греки не пропитали Италию своей цивилизацией так же, как Сицилию: как получилось, что они оставили место для новой силы, способной в конечном итоге защитить их и их дело от разрушения. Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны рассмотреть природу итальянского полуострова и характер рас, живших в то время на нем.

Дело в том, что хотя проницательный торговый грек и захватил все лучшие гавани на длинном и узком полуострове, все они находились на южном побережье, в районе "пятки" Италии, или на юго-западном побережье, в вулканическом районе современного Неаполя, который сам был одним из греческих поселений. Восточное побережье к северу от "каблука" почти лишено гаваней, в чем может убедиться любой, кто отправится по железной дороге в Бриндизи по пути в Египет или Индию. *Италия - горная страна*, и этот факт никогда не забывается в римской истории, а ее горы, длинная цепь Апеннин, имеют свой позвоночный хребет гораздо ближе к восточному, чем к западному побережью, и спускаются к морю с этой стороны так резко, что на больших расстояниях дорога или железная дорога только-только находит проход. На всем восточном побережье греков ничто не манило селиться, а поскольку они редко или вообще никогда не проникали далеко вглубь страны от своих поселений, их влияние никогда не распространялось на этот горный регион из многочисленных приморских городов *Magna Græcia*, как называлась их часть Италии. На берегу Неаполитанского залива у них было больше шансов; здесь была богатая плодородная равнина, простирающаяся до холмов, которые с этой стороны спускаются менее круто, чем с восточной; об этой равнине мы еще услышим как о равнине Кампании, в которой греческое влияние было очень сильным и активным, способным проникать за ее пределы на север. Но к северу от нее они не оставили постоянных поселений; хороших гаваней не хватает, а те, что есть, были заняты примерно в восьмом веке до нашей эры народом, в то время таким же предприимчивым, как и они сами, - этрусками. Они тоже были недавними переселенцами на полуостров с востока, и вместе с греками они составляли единственное препятствие для роста исконно итальянской власти - власти, принадлежащей более древним расам, которые

уже давно обосновались здесь. Греки, как мы видели, вряд ли могли помешать такому росту, а вот могли ли этруски, нам еще предстоит узнать.

На самом деле именно этруски впервые дали итальянскому народу шанс превратиться в великую средиземноморскую державу; чтобы понять, как это произошло, мы должны взглянуть на хорошую карту центральной Италии, которая дает представление о высотах в этой части полуострова. Глядя на такую карту, легко заметить, что длинная, узкая нога Италии перерезана надвое посередине рекой Тибр, единственной рекой значительных размеров и реального исторического значения к югу от По. Он образован из нескольких потоков, которые спускаются с центрального массива Апеннин, ныне называемого Абруцци, но вскоре собирается в быструю, хотя и неширокую реку, и выходит из этого горного района примерно в пяти-двадцати милях от моря, в то, что мы сейчас называем римской Кампаньей, Лациумом древних времен; огибая северный край этого сравнительно ровного района, он впадает в море, не образуя естественной гавани, примерно на полпути к западному побережью полуострова. К северу от него и на равнине располагался ряд городов, более или менее независимых друг от друга, составлявших этрусский народ, происхождение которого нам до сих пор точно не известно, а язык так и не удалось расшифровать по оставленным им надписям; загадочная раса, активная в войне и торговле, покорившая, но не истребившая окружающее туземное население. К востоку и югу от Тибра, простираясь вдоль горной местности и ее западных окраин, жила раса выносливых горцев, разбитых, как это обычно бывает у горных народов, на множество общин без какого-либо принципа сплоченности, кроме принципа различных племен, к которым они принадлежали. Северная часть этих выносливых горцев была известна как умбрийцы и сабины, южная - как самниты или осканцы. Все они говорили на диалектах одного языка, схожего с тем, на котором до сих пор говорит большинство европейских народов. Наконец, непосредственно к югу от Тибра, в последней части его течения, занимая равнину, простирающуюся между горами, рекой и морем, поселилась другая ветвь этого же народа, говорившая на другом диалекте, которому суждено было навсегда стать известным как латинский. Эти три подрасы одного большого народа - умбрийцы, самниты и латины - имеются в виду, когда мы говорим о коренном населении Италии в отличие от греческих или этрусских переселенцев. Несомненно, они не были коренными жителями страны, но о более древних запасах история не знает ничего, что касалось бы нас в этой книге. Именно этим народам суждено было стать главными в Средиземноморском бассейне, а со временем и управлять всем цивилизованным миром.

Сразу же следует уяснить, что завоевание этого господства не было делом рук только одного из этих народов, латинов, или только одного города латинов, *то есть* Рима. Это была работа всех тех групп, которые я назвал исконно итальянскими. Рим - удобное слово, и Рим все время был лидером в действии и организующей силой; но материальный, а со временем и мозговой, вклад внесли все эти народы вместе взятые. Сначала им пришлось подчиниться великому вождю и организатору, Риму, против чего, как мы увидим, они долго боролись; но не успели они подчиниться, как были добавлены к счету итальянского развития и, за редким исключением, играли свою новую роль с хорошим мужеством.

Вот и все, что касается итальянских народов, которые должны были вытеснить греков в мировой истории. Но давайте на мгновение вернемся к Тибру и обратим внимание на последние пять с половиной километров его течения, где он отделяет равнину Лациума от этрусского народа на севере. Латиноязычное население подвергалось гораздо большей опасности со стороны этрусов, чем умбрийские и самнитские горцы; ничто, кроме реки, не стояло между ними и их врагами, а враги, несомненно, были, стремясь продвинуться дальше на юг, как датчане в Англии в девятом веке нашей эры. У латинян, правда, была

великолепная природная крепость посреди равнины, в потухшем вулкане горы Альбан, на высоте около 3000 футов над уровнем моря; и здесь, согласно достоверной традиции, находился их первоначальный главный город, Альба-Лонга. Но это было бесполезно против захватчиков с севера; именно река стала жизненно важной проблемой Лациума, когда этруски обосновались к северу от него. В одном месте, примерно в двадцати милях по воде от устья реки, находилась группа небольших холмов, возвышавшихся на высоту около 160 футов, три из которых были почти изолированы и примыкали к потоку, а остальные на самом деле являлись частью равнины на юге, северные стороны которой несколько круто обрывались к Тибру. Здесь же находился остров в реке, который мог дать врагу возможность легко переправиться. На этом месте в неопределенное время, но несомненно в качестве крепости против этрусской власти, возник город под названием *Рома*; и с тех пор он известен под тем же названием. Вполне вероятно, что это был форпост, основанный городом Альба-Лонга, который в конце концов сам исчез из истории; такова была традиция последующих дней. Если мы можем принять мотив основания - защиту Лациума от врага, то нам не нужно беспокоиться о многочисленных легендах, связанных с ним.

Рим начал свою удивительную карьеру как военный форпост сродного ему народа и лицом к лицу с врагом, с которым у него не было никаких отношений. Если бы она смогла удержать свои позиции, ее, очевидно, ждало бы большое будущее. Позиция на Тибре была стратегически лучшей в Италии. Как сказал один великий римский историк, он находится в самом центре полуострова. К морю можно было легко добраться как по суше, так и по воде, а путь в центральную Италию лежал через долину Тибра - единственный большой естественный вход с моря. Она находилась достаточно далеко от моря, чтобы быть в безопасности от налетчиков, и в то же время достаточно близко, чтобы иметь связь с другими народами посредством судоходства. Если враги нападали на нее с разных направлений вглубь страны, она могла действовать против них по тому, что на военном языке называется "внутренними линиями" - она могла наносить удары одновременно с общей базы. С моря на нее не осмеливалась напасть ни одна держава, пока в дни ее вырождения Генсерик не высадился в Остии в 455 году н.э. В целом можно сказать, что ни один другой город в Италии не имел такого шанса, с точки зрения положения, доминировать всей Италии, и что в те ранние дни ее истории этруски невольно научили ее, как использовать это великое преимущество. Как королевство западных саксов и их господство в Англии было создано суровой необходимостью противостоять датчанам, так и римляне стали ведущим народом Италии благодаря тому, что им пришлось противостоять этрускам.

В следующей главе я предлагаю в общих чертах рассказать историю (а подробно ее рассказать невозможно за недостатком знаний) продвижения римской державы к лидерству в Италии. Затем я попытаюсь объяснить качества и организацию, которые позволили ей использовать свои шансы.

ГЛАВА II

ПРОДВИЖЕНИЕ РИМА В ИТАЛИИ

В прошлой главе я говорил, что если бы Рим смог удержать линию нижнего Тибра против этрусков, то перед ним открылись бы большие возможности для продвижения. Как долго она ее удерживала, мы не знаем, но вряд ли стоит сомневаться, что со временем - вероятно, в шестом веке до нашей эры - она потеряла ее и даже сама попала в руки врага. Об этом не рассказывается в ее легендарных анналах, но у нас есть и другие убедительные свидетельства. Три последних царя Рима, похоже, были этрусками. Великий храм Юпитера на Капитолийском холме, основанный в это время, был выполнен в этруском стиле и

построен на фундаменте из этрусской кладки, часть которой до сих пор можно увидеть в саду немецкого посольства в современном Риме. Ниже этого храма, по направлению к реке, проходила улица, называемая улицей этрусков, и другие признаки завоевания, которые нет необходимости здесь приводить. В целом можно считать, что этот упорный враг перешел Тибр выше по течению, где уже имел опору, и таким образом захватил город во фланг и тыл.

К счастью, этруски не имели привычки разрушать захваченные города: они занимали их и использовали в своих целях. Похоже, они использовали Рим для распространения своего влияния на Лаций: они построили храм Юпитера на холме Альбан, старом центре латинской лиги, и есть веские доказательства того, что они сделали Рим главой другой, более поздней лиги с религиозным центром в храме Дианы, которая изначально не была римским божеством, на холме Авентин, возвышающемся над Тибром. Все события этого этрусского периода очень туманны и сомнительны, но похоже, что сама потеря линии обороны лишь дала завоеванному городу новую жизнь, расширив кругозор и открыв новые возможности. Но должна ли она была оставаться этруским городом? Этот вопрос напоминает нам о кризисе в нашей собственной истории: должна ли была Англия стать норманно-французской страной после Завоевания?

Похоже, что в это время этрусков с севера преследовали галльские племена, которые уже распространились по северо-западу Европы, завоевывали долину реки По и продвигались все дальше на юг. Этим можно объяснить тот несомненный факт, что в конце VI века до н. э. Риму все же удалось сбросить этруское иго: старые римские семьи объединились, чтобы изгнать чужеземного царя и основать аристократическую республику. Отныне само имя царя (*rex*) вызывало у римлян отвращение, а власть перешла в руки двух ежегодно избираемых магистратов, обладавших абсолютной властью в качестве предводителей на войне и ограниченной властью в пределах города. В следующей главе я расскажу об этой новой форме правления более подробно, а здесь достаточно сказать, что они назывались консулами и что у них был совещательный орган (как, вероятно, и у царей до них) из глав знатных семей, называемый *сенатом*, или органом пожилых людей. Сейчас мы продолжим рассказ о продвижении Рима в Италии.

Согласно легенде, этруски предприняли энергичную попытку вернуть Рим. Это живописная история, которая замечательно рассказана в одном из знаменитых *"Сказаний о Древнем Риме"* Маколея. Но мы должны обойти ее стороной, поскольку у нас нет возможности проверить ее правдивость. Вскоре после этого мы наталкиваемся на то, что кажется реальным историческим фактом, - договор между Римом и другими латинскими городами, текст которого сохранялся на протяжении многих веков. Этот договор ясно показывает, что отныне мы должны считаться с Римом и Лациумом как с одной державой в Италии; и это первый реальный шаг вперед в продвижении Рима. В первую очередь он гарантировал взаимную поддержку в войне; Рим нуждался в поддержке против этрусков, а латинские города на южном конце равнины могли подвергнуться нападению горных племен с востока и юга. Еще более важным свидетельством развития цивилизации стало утверждение общей системы частного права. Любой гражданин латинского города (включая, конечно, Рим) должен был иметь возможность покупать и продавать, владеть и наследовать имущество в любом другом городе в полной уверенности, что его защищает закон этого города; а если он женился на женщине из другого города, его брак был законным, и его дети могли наследовать его имущество в соответствии с законом.^[2] Это было большим шагом к созданию единого государства на всей территории Лациума. Все общины находились в равных условиях и имели определенные правовые отношения друг с другом, а это два главных признака настоящей федерации. Все федерации были улучшением по сравнению с

изоляцией одного города-государства, который был беспомощен в те дни волнений и вторжений. Эта выглядит как работа государственного деятеля; и если этим государственным деятелем был римлянин Спурий Кассий, как утверждает традиция, то Рим одержал свою первую победу в искусстве государственного управления и дипломатии, с помощью которых ему суждено было править миром.

Прежде чем мы продолжим наш рассказ, давайте обратим внимание на то, насколько хорошо Лациум был географически приспособлен для создания федерации по сравнению с более гористыми районами Италии. Лаций был равниной, как и следует из его названия, и, подобно греческой Беотии, естественно подходил для федеративного союза, в то время как племенам, живущим в высокогорьях, всегда было трудно объединиться. Опять же, латиняне были втиснуты сравнительно небольшое пространство между холмами и морем, и их сила была сконцентрирована их положением: в то время как этруски и различные итальянские племена постоянно продвигались вперед в поисках лучших мест, теряя при этом свою силу и сплоченность.

В этих ранних федерациях городов всегда существовала тенденция к тому, что один конкретный город становился лидером, так же как и в современных федерациях, например, в Швейцарии, существует постоянная тенденция к расширению влияния центральной власти. В Лациуме, несомненно, Рим очень скоро стал занимать главенствующее положение. Ее положение на Тибре и постоянное напряжение, которому она подвергалась, сопротивляясь этрускам, давали ей преимущество перед другими латинскими городами, которым приходилось менее постоянно противостоять раздражению со стороны менее высокочивилизованных врагов. Я имею в виду, что у римлян нервы и мозг были так постоянно напряжены, что они развили в себе не только грубую храбрость, но и выносливость, дипломатическое искусство и дальновидность. В течение целого столетия после изгнания этрусских царей им приходилось вести непрерывную борьбу с великим этруским городом Вейи, который находился всего в нескольких милях к северу от реки, на очень высокой местности, и с небольшим городом Фидене на Тибре выше Рима, который вейяне могли использовать для нападения на них с этой стороны. Неудивительно, что когда им наконец удалось взять Вейи, они сожгли их дотла. Говорят, что они подумывали о том, чтобы самим переселиться на это возвышенное место и отказаться от позиции на Тибре; но они благоразумно отказались от этой идеи, и Вейи были разграблены, а ее богиня Юнона привезена в Рим. В настоящее время на этом месте царит запустение.

Именно эта длительная борьба, в которой латиняне, конечно же, были призваны на помощь, поставила Рим в положение лидера лиги, и с момента ее окончания мы видим, как изменилось его отношение к латинянам. Вполне вероятно, что она уже давно стала властной и непопулярной среди других городов, но об этом, если это было так, у нас нет никаких подробностей. Известно лишь, что в начале четвертого века до нашей эры, когда на Рим обрушилось страшное бедствие, латиняне не смогли ей служить.

Этим бедствием был захват и разграбление Рима бродячим племенем галлов с севера, которые спустились в долину Тибра, застали римлян врасплох и полностью разгромили их у маленькой реки Аллии, в двенадцати милях от города. Эти галлы были грозны в бою и изрядно напугали римлян; но, как и другие кельтские народы, они не смогли создать прочное государство или использовать свои победы. Они исчезли так же быстро, как и пришли, и не оставили после себя ничего, кроме неизгладимой памяти об ужасе, который они внушали, и множества историй об агонии этой катастрофы. Наиболее характерные из них свидетельствуют о почитании римлянами, возможно, величайшего политического института - Сената. Граждане бежали в Капитолий, где им удалось продержаться до прихода помощи;

тем временем пожилые сенаторы, мужчины, вышедшие из боевого возраста, решили встретить свою смерть и посвятили себя, согласно старой религиозной практике, к которой прибегали в случае крайней опасности, inferнальным божествам. Каждый из них занял свое место в государственных одеждах у дверей своего дома. Там их находили галлы и удивлялись, принимая за нечто большее, чем люди. Наконец один галл осмелился погладить бороду одного из них по имени Папирий, который тут же ударил его своим жезлом из слоновой кости: он был мгновенно убит, а из остальных в живых не осталось ни одного. Не стоит спрашивать, правдива эта история или нет, так как проверить ее невозможно: но она истинно римская по духу и с религиозной точки зрения соответствует другим рассказам о самопожертвовании человека ради государства.

Этот опыт был ужасной дисциплиной для римлян, но не успели галлы уйти, как они начали применять его на практике. Они поняли, что должны более эффективно защитить страну к северу от них, и сделали это, сделав большую часть ее римской территорией и основав там две колонии, *то есть* крепости с гарнизонами на военных дорогах. Затем они обратились к своим единомышленникам, которые, возможно, испытывали тайное удовлетворение от унижения вождя, которому они завидовали, и теперь, особенно в двух соседних больших городах Тибуре и Пренесте (Тиволи и Палестрине), начали поднимать открытое восстание. Зная, что произошло впоследствии, можно сказать, что эти латинские города стояли на пути итальянского прогресса: но для древнего города-государства независимость была самой солью жизни.

Все государственные записи и материалы для истории, кроме тех, что были высечены на камне, были уничтожены при взятии и сожжении Рима галлами, так что до сих пор римская "история" не заслуживает такого названия. Но с этого времени сохранились некоторые официальные записи, и мы постепенно переходим в эпоху, которую действительно можно назвать исторической. В деталях она все еще будет вызывать сомнения, в основном из-за склонности римских ведущих семей прославлять деяния своих предков в ущерб истине и передавать ложные сведения в эпоху, когда история впервые стала записываться. Но в четвертом и третьем веках до нашей эры все становится достаточно ясным в общих чертах. В прошлой главе я говорил, что римляне были поразительно лишены способности к воображению. Но ни один народ не может быть полностью лишен воображения, и очень интересно наблюдать, как римляне использовали свои умеренные возможности, придумывая подробности благородных поступков и почетных заслуг перед государством. Как ни провокационно это выглядит для нас, и провокационно даже для самого римского историка Ливия, который был хорошо осведомлен об этом, эта привычка имеет свою ценность как черта жизни и характера старого Рима.

Но я должен вернуться к истории продвижения Рима в Италию. Кажется очевидным, что после галльского вторжения латиняне становились все более недовольными римской политикой, которая, вероятно, была направлена на использование всех ресурсов лиги и в то же время на полный контроль над ее отношениями с другими державами. У нас есть текст на греческом языке, сохраненный историком Полибием, договора с Карфагеном, в то время величайшей морской державой Средиземноморья, который хорошо иллюстрирует это: дата - 348 год до н. э. Рим выступает от имени Лациума в переговорах по этому договору; Карфаген обязался не беспокоить латинские города, *если они останутся верными Риму*; даже вернуть под власть ведущего города любую восставшую латинскую общину, которая может попасть в их руки. Это ясно показывает, что восстание ожидалось, и через несколько лет оно стало всеобщим. Но, несмотря на поддержку кампанцев на богатой вулканической равнине дальше к югу, а также на опасность, настолько большую, что она породила еще одну

историю о "посвящении" римского консула inferнальным божествам от имени государства, латины были полностью разбиты в битве при Везувии, и римляне смогли так изменить лигу, чтобы лишить ее всех реальных претензий на то, чтобы называться федерацией.

Мы видели, что любой гражданин латинского города мог покупать и владеть собственностью, жениться и иметь законных детей в любом другом латинском городе, зная, что он защищен законом при осуществлении этих прав. Но после восстания все изменилось. Гражданин мог пользоваться этими правами в своем городе или в Риме, но нигде больше, в то время как римлянин мог пользоваться ими везде. Например, гражданин Пренесты мог пользоваться ими в Пренесте или Риме, но не в соседних городах Тибуре или Тускулуме: в то время как римлянин мог вести дела во всех этих городах, и во всех его делах ему помогал римский закон, который теперь постепенно стал проникать во весь Лаций. Таким образом, у Рима была монополия на ведение дел с другими городами, которые были фактически изолированы друг от друга. Нам такая политика кажется жестокой и эгоистичной, и сама по себе она такой и была. Но мы должны помнить, что Рим был практически уничтожен с лица земли, а латины, насколько нам известно, не сделали ничего, чтобы помочь ему. Чтобы противостоять еще одному такому нападению галлов, Риму было совершенно необходимо контролировать все военные ресурсы Лациума, а это было невозможно в условиях свободной и равноправной федерации. Она подвергалась нападениям не только со стороны галлов, но и этрусков, и, как мы увидим далее, самнитов, и, если мы обнаружим, что в борьбе за существование она порой была несправедлива, мы можем вспомнить, что едва ли найдется успешная нация, о которой нельзя было бы сказать то же самое. Она видела, что Лациум должен стать римским, если Рим или латины хотят выжить, и разработала принцип изоляции с этой целью.

С этого времени все латины служили в римских армиях номинально как союзники, но на самом деле как подданные; а все латины, ставшие римскими гражданами, служили в римских легионах. Когда основывалась военная колония, она могла быть либо римской, либо латинской; но латинская колония не обязательно означала собрание латинов; в нее мог попасть любой - римлянин, латин или другой, кто бросал свой жребий вместе с новым городом и принимал два описанных выше права - торговое и брачное. Таким образом, термин "латинянин" стал означать не столько человека определенного происхождения, сколько человека с определенным правовым положением, и так продолжалось на протяжении многих веков, в то время как новая держава, поднимавшаяся на первый план в мире, стала называться не латинской, а римской.

Последняя и решающая битва с латинами получила свое название, как мы видели, от горы Везувий, и читатель, знакомый с картой Италии, спросит, как она произошла так далеко к югу от Лациума, на большой и плодородной равнине Кампании, недалеко от современного города Неаполь. Ответ заключается в том, что к могущественному государству, каким сейчас становился Рим, в случае беды могут обратиться более слабые общины; и кампанцы, на которых напали горцы из центральной горной области Самнитов, обратились за помощью к Риму. Помощь была оказана, но римляне сочли необходимым заключить мир с самнитами, оставив кампанцев в беде, а затем последние бросили свой жребий латинам, и война латинов перекинулась на юг Кампании. В конце этой войны с ними поступили так же, как и с латинами; таким образом, Рим оказался неоспоримым хозяином территории, включавшей равнины западной Италии и все ее самые ценные земли, и конфедерации, в которой все преимущества были на его стороне, а все ресурсы членов были под его контролем.

Но быть хозяйкой этих двух равнин еще не означало быть хозяйкой Италии. Эти равнины, особенно южную и более ценную, нужно было защищать от горцев центрального нагорья

полуострова - региона, который читатель должен на этом этапе нашего повествования внимательно изучить на своей карте. К концу латинской войны эти горцы, самниты, как их называли римляне, перестали совершать набеги на Кампанскую равнину, поскольку им, в свою очередь, пришлось защищать южную Италию от неожиданного врага. Сильный и богатый греческий купеческий город Тарентум, расположенный прямо под "пяткой" Италии, которому суждено было сыграть важную роль в истории Италии на протяжении следующего столетия, в последнее время подвергался набегам самнитов и родственных им луканцев к югу от них, и призвал на помощь греков из-за океана. Здесь мы соприкасаемся с греческой историей, как раз в то время, когда Александр Македонский был ведущей фигурой в греческом мире. Спартанский царь пришел на помощь Тарентуму и погиб; затем к нему обратился Александр Эпирский, дядя великого завоевателя, и после успешной борьбы с самнитами он был убит. Говорят, что Рим пришел к соглашению с ним, и это вполне вероятно; в большом совете в Риме наверняка были люди, которые уже привыкли смотреть далеко вперед и быть в курсе того, что происходит далеко в Италии и даже за итальянскими морями. Долгая борьба за существование научила ее маститых государственных деятелей искусству дипломатии, и мы не удивляемся, узнав, что после смерти Александра она начала заключать союзы в далекой стране между самнитами и Тарентумом, большая часть которой была богата и плодородна, чтобы, когда наступит неизбежная борьба с горцами, она могла заключить их между двумя врагами - собой и Лациумом на севере и западе, апулийцами и греками на юге и востоке. Казалось, что ее сила и престиж должны постоянно идти вперед или полностью рухнуть; с такой же альтернативой столкнулись англичане в Индии в XVIII веке и позже. Ни в том, ни в другом случае наступающая держава не осознавала в полной мере, каким будет будущее.

Неизбежная борьба с самнитами наступила и продолжалась много лет. Нам нет нужды описывать ее в деталях, да и сами подробности в том виде, в каком они дошли до нас, не заслуживают доверия; но один эпизод из нее рассказан так ясно и стал таким известным, что заслуживает места в нашем очерке как иллюстрация того жесткого чувства национальной выгоды, без оттенка рыцарства, которое постепенно становится руководством к действию для римлян в их продвижении к всеобщему владычеству.

Сильная римская армия под командованием обоих консулов продвигалась на юг через горы и попала в ловушку в расщелине, называемой Каудинские развилки,^[3] название которой римляне никогда не забывали. Все попытки спастись были тщетны, и они были вынуждены капитулировать. Условия, продиктованные самнитским полководцем Понтием, были таковы: консулы должны были от имени сената согласиться эвакуировать Самниум и Кампанию, а также крепости (*coloniæ*), которые были там установлены, и заключить мир с самнитами как с равной державой. Консулы связали себя торжественным обрядом, и войско было отпущено домой, после того как его отправили под ярмом, *то есть* под своеобразной аркой, состоящей из одного копыя, опирающегося на два вертикальных: это был старый итальянский обычай обращения с покоренной армией, который, возможно, первоначально имел религиозное значение. Когда опозоренные легионы достигли Рима и консулы созвали сенат, чтобы ратифицировать свой союз с Понтием, отцы, как их называли, категорически отказались это сделать. Консулы и все, кто взял на себя ответственность за условия, были отправлены обратно к Понтию в качестве пленников, *но не армия*. Его возмущение было велико, ведь он понимал, что Самниум потерял свой шанс и больше никогда его не получит. Конечно, консулы не имели права связывать сенат, и условия самнитов были такими, которые сенат не мог принять как результат одной катастрофы, вызванной ошибкой генерала: так римляне не вели войны. Но опозоренную армию тоже следовало отправить назад, и сенат и народ это знали. Речь, которую поздний римский историк вкладывает в уста

Понтия, чтобы выразить его возмущение, показывает, что чувство стыда за этот бесчестный поступок сохранялось в памяти многих поколений.

Последней попыткой в этой долгой борьбе с Римом была отчаянная попытка объединить силы самнитов, этрусков и галлов: предполагалось разделить ее армии и таким образом разгромить ее в деталях. Но и это не удалось, и, не вдаваясь в сомнительные истории боевых действий, мы можем спросить, почему так произошло. Несомненно, Римская держава некоторое время находилась в очень большой опасности; но в конце концов она победила, и это хороший момент для того, чтобы задуматься о преимуществах, которые обеспечил Риму его организаторский гений; преимущества, которые, казалось, не смогла приобрести ни одна другая италийская держава.

Во-первых, она научилась с выгодой использовать свое географическое положение; на север, юг и восток она могла посылать армии для одновременного удара в разных направлениях; и она должна была придумать какое-то средство (хотя мы не знаем его метода) для поддержания связи между этими армиями. Судя по рассказам, полководцы этого периода принадлежали к очень немногим знатым семьям, члены которых всю свою жизнь посвятили борьбе - не только сражениям, но и ведению войны: особенно выделяются Фабии и Папирии. Эти ветераны должны были досконально знать военное искусство, как оно тогда применялось в Италии, а также особенности страны, в которой им приходилось сражаться.

Во-вторых, усилия этих крепких старых героев были прекрасно поддержаны домашним правительством, *то есть* сенатом, потому что это собрание состояло из людей с таким же военным опытом, а лидеры среди них сами были генералами, людьми, которые были консулами и руководили армиями. Хотя в это время, как мы увидим, наблюдалась сильная тенденция к народному правлению, в направлении войны мы не находим никаких признаков того, что монополия старых семей была поставлена под сомнение; а поскольку их интересы и опыт были одинаковыми, они могли действовать сообща с единодушием, которое, вероятно, было неизвестно их врагам. Тот факт, что Рим в это время, да и вообще во все времена, вел переговоры и поддерживал связь с *аристократией* в итальянских городах, показывает, насколько полностью знатные семьи получили контроль над управлением дипломатией, а также войной.

В-третьих, Рим уже начал осваивать искусство закрепления завоеванной страны с помощью военных дорог и крепостей (*coloniae*): искусство, которого он твердо придерживался на протяжении всей своей истории, и о котором красноречиво свидетельствует география даже римской Британии. Моим читателям будет полезно обратить внимание на три из этих колоний, которые были основаны во время этой долгой войны; они далеко не единственные, но хорошо показывают масштабы римской власти в Италии в это время, а также средства, предпринятые для ее обеспечения. Первый - Нарния, расположенная далеко в долине Тибра (основана в 299 г. до н. э.) на военной дороге, известной впоследствии как Фламиниев путь: этот был форпостом, имевшим быструю связь с Римом, как против этрусков, так и против галлов. Вторая, Фрегелла, город с печальным будущим, находилась примерно в семидесяти милях к юго-востоку от Рима, на дороге, называемой Латинским путем, но за пределами собственно Лациума, занимая, по сути, проход между Лациумом и Кампанией; она занимала прекрасное положение у слияния двух рек и со временем стала самым процветающим городом. Третью колонию мы должны искать гораздо южнее на карте, на юго-восточном конце массива Самнитского нагорья: это была Венусия с 20 000 колонистов, призванная отделить самнитов от греков и других жителей пятки и носка Италии. Он стоял на самой знаменитой из всех великих дорог, Виа Аппия, которая после выхода из Рима проходила

ближе к побережью, чем Латинский путь, но соединялась с ним в Кампании, а затем шла через холмистую страну в Венусию и в конечном итоге в Брундизиум (Бриндизи), который также стал колонией пятьдесят лет спустя.

Эти три преимущества, рассмотренные должным образом, помогут читателю в некоторой степени понять, как приз итальянского президентства достался Риму, а не другому городу: и они также объяснят, почему Рим вышел невредимым и сильным, как никогда, из другой опасности, которая теперь должна была угрожать его существованию.

Большая колония Венусия, как мы видели, должна была отделить греков южной Италии от горцев Самниума. Из греческих городов самым могущественным был Тарентум, которым в то время правила эгоистичная и плохо воспитанная демократия, склонная постоянно беспокоить своих соседей. Рано или поздно Рим должен был столкнуться с Тарентумом, но сенат старался избежать этого, зная, что тарентинцы обратятся за помощью к какой-нибудь греческой державе за морем. Сейчас по другую сторону Адриатики, в Эпире, находился царь греческого происхождения, который искал возможность прославиться, подражая Александру Великому; чудесная карьера Александра пробудила в вольноотпущенниках поколения, пришедшего ему на смену, беспокойный дух приключений. Пирр, похоже, воображал, что сможет выступить в роли рыцаря-избавителя, освободив западных греков от варваров - от римлян, то есть от карфагенян, которые в тот момент были в союзе. Когда наступила неизбежная ссора с Римом, и Тарентум пригласил его, он пересек море с небольшим, но способным отрядом, решив покончить с этой новой силой, грозившей поглотить греческие города. Но ему предстояло узнать, а через него и всему греческому миру, что новая держава сделана из более прочного материала, чем все, что еще возникало в бассейне Средиземного моря.

Пирр начал с победы недалеко от Тарентума; она была одержана главным образом благодаря слонам, которых он привел с собой, чтобы напугать римскую кавалерию. Это поколебало лояльность многих итальянских общин, но сенат остался непоколебим. Самый искусный дипломат на службе у Пирра не произвел никакого впечатления на этот корпус решительных людей, приученных долгим опытом смотреть на одно поражение лишь как на "досадный инцидент" в долгой войне. "Рим никогда не ведет переговоров, пока чужие войска находятся на итальянской земле", - так, по преданию, сказал престарелый Аппий Клавдий греческому посланнику в доме сената. Тогда Пирр попытался пойти на Рим; но ему, как и другим последующим захватчикам, пришлось узнать, что чем ближе он приближался к городу, тем сложнее становилась его задача. Вторая победа оказалась не столь решительной и почти бесплодной, и Пирр неразумно эвакуировался из Италии. Тарентум, не пожелавший подчиниться его дисциплине, обернулся против него, и теперь этот непокорный город пал жертвой римской власти. Царь отправился на Сицилию, чтобы освободить сицилийских греков от Карфагена, и это ему блестяще удалось, но и там непостоянные греки устали от него. Вернувшись в Италию, он провел еще одно сражение с римлянами, при Беневентуме в Самниуме, и проиграл его. Потерпев поражение повсюду, он покинул Италию, где Рим еще прочнее, чем когда-либо, утвердил свое господство на всем полуострове: ведь Тарентум с его прекрасной гаванью, почти неприступной цитаделью и флотом вскоре перешел в руки римлян.

Теперь почти весь Итальянский полуостров был римским; или, возможно, правильнее сказать, что Рим стал итальянским государством. Это была замечательная работа: возможно, самая замечательная из всех, которых когда-либо добивался Рим. Военная часть его была результатом главным образом *constantia*, стойкого упорства и отказа принять поражение; политическая организация была результатом здравого смысла и доброго нрава в сочетании

с негибимой волей и проницательным восприятием реальных и постоянных интересов Рима. В третьем веке до нашей эры, к которому мы сейчас подошли, Италию можно описать как своего рода федерацию, в которой каждый город имеет свой собственный союз с ведущим городом и не имеет союза с любым другим. Каждый из них имеет собственное правительство и управляет собственными законами, но предоставляет все свои военные ресурсы в распоряжение римского правительства. Боевой силой будущего должна была стать Италия под руководством Рима, а все вопросы внешней политики решались только Римом. Не было никакого общего совета всей конфедерации. Римский сенат контролировал постоянно растущую массу подробных и разнообразных дел, имея дело с латинянами, италийцами старого образца, этрусками, греками и галлами. Как велись эти дела, мы не можем сказать: не сохранилось ни одной современной записи о них. Один взгляд на этот удивительный сенат за работой стоил бы всех описаний битв того века.

К концу третьего века до нашей эры этот сенат, вместо того чтобы направлять дальнейшее неуклонное движение вперед, был вынужден защищать государство от захватчиков в самой ужасной борьбе не на жизнь, а на смерть, которую когда-либо переживал какой-либо народ. Но в следующей главе я должен сделать паузу, чтобы попытаться объяснить, в чем заключалась нервная сила, умственные и материальные волокна народа, которому суждено было править миром.

ГЛАВА III ВОСПИТАНИЕ РИМСКОГО ХАРАКТЕРА

Я уже упоминал о некоторых внешних обстоятельствах, которые дали Риму раннюю подготовку в войне и дипломатии, и в частности о его географическом положении, подвергавшем его постоянным нападениям, но дававшим хорошие шансы нанести ответный удар и продвинуться вперед. Но чтобы достичь всего того, что было рассказано о ней в последней главе, несомненно, требовалось нечто большее. В этом народе, как в отдельности, так и в целом, должно было быть какое-то качество, позволяющее ему выдержать столько бурь и стрессов и выйти из катастрофы с новыми силами, чтобы взяться за дело завоевания и управления. Не стоит, правда, полагать, что жители одного города от природы обладали более сильным характером, чем другие, чем их сородичи из латинских городов или другие итальянцы той же великой расы. Все эти иммигранты, распространившиеся задолго до начала истории по первобытному населению, о котором мы почти ничего не знаем, вероятно, были во многом одинаковы по физическому и умственному развитию; этот факт поможет нам понять, как все они в конце концов смогли объединиться в центре великой империи. Но качества или характер, которые я попытаюсь объяснить в этой главе, были сильнее запечатлены на гражданах Рима, чем на гражданах других городов, из-за более постоянного требования к ним в ее случае; ведь все наши качества и привычки можно сделать более надежными и прочными путем постоянных упражнений.

Дисциплина и долг - два слова, которые лучше всего объясняют, если не выражают в точности, качество, которое здесь имеется в виду; привычка подчиняться власти, которая является необходимым условием власти управления, и то чувство долга, которое лежит в основе привычки и власти. Эту склонность к дисциплине и это чувство долга можно проследить как в частной, так и в общественной жизни раннего Рима, в жизни семьи и в жизни государства. Сразу оговоримся, что индивид как таковой еще не был важным элементом общества; общество было основано на системе групп, и индивид не играл в нем никакой роли в эти ранние времена, кроме как в качестве члена группы, либо родственной

группы (*gens*), либо местной и административной группы (*pagus, curia*). Но единственной группой, о которой пойдет речь в этой небольшой книге, самой маленькой из всех, была *семья*, еще одно из тех бессмертных слов, которые мы унаследовали от латинского языка. Сначала мы расскажем о ней, чтобы выявить дисциплину и обязанности семейной жизни: затем мы перейдем к государству и проследим, как те же привычки воспроизводятся в более сложном социальном и политическом союзе.

Слово *familia* означало не совсем то, что мы понимаем под семьей; возможно, ближе к нему было бы слово *household*, если понимать под *household* группу людей, обеспечивающих себя землей. Оно означало не только отца, мать и детей, но и их иждивенцев, как подневольных, так и свободных. К свободным относились рабы (*servi*), военнопленные и дети таких пленных, а также лица, лишившиеся свободы из-за долгов; к свободным - клиенты, которые по каким-то причинам оказались в более низком положении и искали у *familia* пропитания и защиты. И наша картина не будет полной, если мы не примем во внимание также божественных членов группы, живущих в доме или на земле, к которым человеческие члены обращались за защитой и процветанием во всех сферах жизни. Главными среди них были дух огня очага, Веста; Пенаты, духи кладовой и ее содержимого; Лар, дух-хранитель обрабатываемой земли или, как считают некоторые, ушедшего предка; и Гений главы семьи, который позволял ему рожать детей и таким образом продолжать коллективную жизнь группы. Хотя эти духи - их еще трудно назвать божествами - естественно, кажутся нам просто фантазиями примитивного римского разума, для самого этого разума они были столь же реальны и активны, как и любой человеческий член группы, и мы должны попытаться думать о них как о таковых, поскольку они сыграли очень важную роль в развитии того качества, которое мы хотим осознать.

Эта группа, а точнее, ее человеческая часть, жила при очень простой и эффективной форме правления. Она находилась под абсолютным контролем главы, отца и мужа; или, если жило несколько семей, старейшего из живущих отца и мужа. Над женой и детьми он имел власть отца (*patria potestas*), и они, как говорили, были в его *руках*; над рабами он имел власть хозяина (*dominium*): для своих клиентов он был *патроном*, или квази-отцом. Его власть над женой и детьми была абсолютной, но от произвола ее удерживал полезный обычай, имевший огромное значение во всех своих результатах на протяжении всей римской истории: прежде чем прибегнуть к какому-либо крайнему шагу в наказании за серьезные проступки, он должен был посоветоваться с советом отношений. Это было обязательство, долг, с его стороны, обеспеченный не законом, а тем, что можно назвать еще более могущественным сувереном, чем закон, - обычаем предков (*mos majorum*). Его власть над клиентом или освобожденным рабом, если таковой у него имелся, ограничивалась обычаями взаимных обязательств, которые в конце концов нашли свое отражение в законе. Однако его власть над рабами была не только абсолютной, но и произвольной, и так продолжалось вплоть до новейшего периода римской истории; тем не менее, не следует забывать, что раб был членом *семьи*, и как таковой, вероятно, рассматривался как человеческое существо, необходимое для жизни группы и даже участвующее в некоторой степени в ее религиозных обрядах.

Давайте посмотрим, как эта система управления будет работать в практической жизни *семьи*, поселившейся на земле, как и все подобные группы, по крайней мере, в течение значительной части периода, который мы прослеживаем: ведь сам город использовался в основном как крепость, в которую крестьянские семьи приходили в случае опасности, и в которой они со временем обзаводились городским жильем, а также фермой, как ведущие семьи наших английских графств в Средние века. Патерфамилиас руководил всеми делами

фермы, и никто не оспаривал его власти: он решал все ссоры между своими подданными и наказывал за все проступки. Необходимую работу по дому, приготовление пищи и прядение шерсти для одежды членов семьи (которая в то время была полностью шерстяной) он оставлял жене и дочерям: таким образом, жена приобретала некий собственный авторитет, который поднимал ее гораздо выше положения "скво" и со временем давал ей большое влияние, хотя и косвенное, на общественную жизнь. Под таким строгим контролем все члены не только выполняли свою работу по поддержанию жизни и одежды, но и несли свои обязанности перед божественными членами, от которых, по их мнению, зависели их здоровье и богатство. Каждый день и во время каждой трапезы совершались простые богослужения, к которым присоединялись и дети; мы можем почти считать главу священником, а детей - его аколитами. В определенные дни, установленные в древности советом глав, а позднее в городе календарем, семьи района (*pagus*) объединялись в религиозных празднествах, например, после сбора урожая или после осеннего сева, чтобы почтить и умиловить дух собранного зерна или посеянного семени. Они часто сопровождалась играми и скачками, и таким образом жизнь не становилась слишком мрачной и однообразной. Но хотя дисциплина не уничтожала свободу и удовольствия, в целом жизнь была рутиной команд и послушания, дисциплины и долга.

А как же воспитание, которое должно было закрепить эти привычки? К несчастью, у нас нет современных записей о нем в те ранние времена, и мы должны догадываться о нем главным образом по тому, что нам известно о воспитании сына старшим Катонем, убежденным сторонником старых методов, во втором веке до н. э. Как и следовало ожидать, это было воспитание в активной практической жизни на ферме, а также в благоговении, послушании и скромности поведения. Катон учил своего мальчика не только работать, ездить верхом, боксировать и плавать, но и избегать всякого неприличия; он сам был "так же осторожен, чтобы не произнести неприличного слова перед своим сыном, как он был бы в присутствии весталок". Он писал для сына истории крупными буквами, чтобы тот мог узнать что-то о прославленных деяниях древних римлян и об их обычаях. В его время в моду начало входить воспитание ума, а также воли, но в тот период, который мы рассматриваем, оно должно было быть самым скудным. И все же возможно, что идея активного долга перед государством и его божествами, а также перед семьей и ее духами-покровителями была тем более яркой, что отсутствовали интеллектуальные интересы. По мере того как жизнь в городе становилась все более привычной, мальчики из хороших семей имели больше возможностей узнать, что означает долг перед государством; они сопровождали своих отцов на похоронные оратории по выдающимся гражданам и даже допускались на заседания сената. Таким образом, они должны были развить в себе проницательность и практическую смекалку, бесценные для них в последующей жизни.

Есть история римского мальчика, сохраненная Катонем, которая так хорошо иллюстрирует эту и другие особенности ранней римской жизни, что я приведу ее здесь, независимо от того, является ли она достоверной или нет. Любопытная мать спросила мальчика, который был с отцом в сенате, о чем говорили отцы сената. Мальчик ответил, что ему строго-настрого запрещено рассказывать, что только еще больше возбудило любопытство матери, и она стала на него наседать. Наконец он придумал то, что Катон называет проницательной и остроумной ложью: он сказал, что в сенате обсуждали, что лучше для государства, чтобы у одного мужчины было две жены или у одной жены - два мужа. Сильно встревоженная, она пошла и рассказала другим матронам, и на следующий день они с плачем собрались в доме сената, чтобы ходатайствовать о том, чтобы у одной жены было два мужа, а у одного мужа - две жены. Удивление сенаторов развеял мальчик, который вышел на сцену и рассказал свою

историю; с тех пор ни одному мальчику не разрешалось присутствовать на дебатах, кроме этого, который был таким образом вознагражден за свою честность и проницательность.

Эта старая добрая римская история вполне может подвести нас ко второй части моей темы в этой главе - подготовке гражданина к службе государству. Но давайте сделаем небольшую паузу, чтобы рассмотреть, каким было римское представление о государстве и его функциях.

В Италии, как и в Греции, государство имело форму города с большей или меньшей территорией, на которой можно было существовать; в сердце города протекала жизнь государства. И в Италии, и в Греции верно то, что процесс подъема в город от жизни на ферме или в деревне имел огромное значение для человечества, позволяя человеку перейти от идеи простого материального существования к идее морального и интеллектуального прогресса. Это продвижение к тому, что Аристотель называл "хорошей жизнью" в отличие от жизни простой. Он имел в виду, что на низшей стадии у человека нет времени и стимулов для развития искусства, литературы, права, философии: все его силы уходят на борьбу и усилия - борьбу отчасти с природой, отчасти с врагами-людьми, которым он не в состоянии противостоять. Город-государство предоставлял ему не только возможности для высшей жизни, но и питательные вещества для ее поддержания.

Но итальянцы никогда не черпали из этой новой формы социальной жизни то же количество и то же качество питательных веществ, что и греки. Рим действительно черпал достаточно, чтобы оплодотворить зародыши многого, что было наиболее ценным в его собственном характере, и воспитать себя для практической работы, которую он должен был делать в мире. Но в последней главе было показано, что, в отличие от большинства греческих городов-государств, обстоятельства вынудили его на протяжении веков продолжать жизнь в борьбе и стремлении. Ей постоянно приходилось сталкиваться с трудностями, чтобы сохранить жизнь и свободу, и, как мы увидим, она почти никогда не была лишена как внутренних, так и внешних опасностей. В Греции многие государства находили досуг для отдыха и наслаждения высшими инстинктами - наслаждения, которые привели к созданию произведений искусства и литературы: досуг также для размышлений и изучения природы в человеке и вне его, и таким образом для развития философии и науки на вечное благо человечества. Но все силы Рима были использованы в борьбе за существование, которая постепенно привела его к завоеваниям и владычеству. Как мы оставили ее в конце последней главы, ведущим городом Италии, она действительно могла бы перейти от борьбы к отдыху, а значит, к размышлениям и исследованиям, обращаясь к дарам различных народов Италии, этрусков, галлов, греков, а также своих сородичей. Но долгая и страшная борьба с Карфагеном, о которой мы расскажем в следующей главе, окончательно уничтожила этот шанс. Ее силы были на исходе, и когда ей представилась возможность сесть (так сказать) и подумать, она не смогла этого сделать. Тем не менее долгая подготовка к практической деятельности дала свой результат, и идеи долга и дисциплины, закона и порядка, которые пронесли ее через столько опасностей, никогда полностью не исчезали из римского сознания. Давайте проследим, как эти идеи развивались в жизни города-государства Рима.

Когда мы впервые начинаем ясно видеть работу римского государства, то прежде всего нас поражает неограниченная власть магистрата во всех сферах управления. Как глава семьи имел абсолютную власть над ее членами, так и царь (*rex*) обладал неограниченной властью над гражданами. В семье эта власть обозначалась словом *potestas*, но в государстве она называлась *imperium* - одно величайших слов, когда-либо придуманных, дошедших до наших дней во многих знакомых формах. Для римлянина оно ярче, чем любое другое, выражало идею дисциплины в государстве: оно запечатлевалось в его сознании

унаследованное убеждение, что законной власти следует беспрекословно подчиняться. Не незаконная власть, полученная обманом или насилием; для такой власти слово *imperium* никогда не могло быть использовано: но власть, доверенная человеку человеческими членами государства и санкционированная согласием его божественных членов. Ведь *imperium* должен быть передан его обладателю актом народа, а боги должны дать свое согласие благоприятными предзнаменованиями; оба процесса, принятие закона и получение *ауспиции*, должны проходить в соответствии с определенными традиционными методами, и малейший изъян в них сделает выбор магистрата недействительным. Но как только *imperium* законно оказывался в его руках, он становился непреодолимым; его внешние символы, жезлы и топоры ликторов, сопровождали его обладателя повсюду, где бы он ни находился, чтобы напомнить римлянину, что первейший долг гражданина - повиновение установленной власти.

Слово *imperium* обозначало три различных вида власти. Во-первых, царь был верховным в вопросах религии, поскольку он отвечал за добрые отношения между человеческими и божественными жителями города, за "мир богов", как его называли. Считалось, что если этот мир, или завет, не будет соблюдаться, то государство не сможет процветать - от этого зависела сама его жизнь.

Но теперь давайте отметим один момент, имеющий огромное значение в развитии римской общественной жизни. Царь не мог выполнять эту обязанность в одиночку; ни один человек не мог обладать необходимыми знаниями всех деталей древних религиозных обычаев. Поэтому ему помогала небольшая коллегия квалифицированных экспертов, называемых *понтификами*, а также, возможно, коллегия *авгуров*, владевших методами выявления божественной воли с помощью предзнаменований. Таким образом, *imperium* в религиозных вопросах, хотя и оставалась юридически неограниченной, была спасена от произвола и нарушения обычаев предков: королю была доверена власть, которую он использовал в соответствии с советами мудрецов.

Во-вторых, *imperium* означал верховную судебную власть, поддержание мира между отдельными гражданами. Царь обладал неограниченной властью не только в решении споров, но и в вынесении наказаний, вплоть до смертной казни. Но и здесь, хотя его власть была абсолютной, она не была произвольной. Обычаи управляли государством даже больше, чем он сам, и его работа заключалась в том, чтобы следить за соблюдением обычаев. Чтобы убедиться в правильности выполнения этой обязанности, ему был предоставлен совет из пожилых людей (*сенаторов*), отцов семейств, чей совет обычаи заставлял его спрашивать, хотя и не обязывал принимать его. Таким образом, здесь дисциплина сочеталась с чувством долга и обязанностей, как и в жизни семьи; государственный сенат по своему принципу был тем же, что и совет родственников в семье.

В-третьих, *imperium* означал абсолютную власть полководца на войне: и здесь, как и следовало ожидать, обычай почти не мешал ему. Римский царь на войне находился вне обычаев своего государства, вне защиты своих божеств и под влиянием неизвестных. И перед тем как отправиться в поход, и перед тем как войти в город по возвращении, армия должна была пройти определенные религиозные обряды, которые показывают, насколько нервно даже римляне относились к тому, чтобы покинуть свою собственную землю и богов. Обычай здесь не мог править, и власть генерала на поле боя на протяжении всей римской истории оставалась не только абсолютной, но и произвольной. Несомненно, он мог, и часто так и поступал, не только спрашивать совета, но и принимать его, но он никогда не был даже морально обязан делать это: в этом единственном отделе государственной деятельности мудрое суждение римлян оставляло *imperium* практически беспрепятственным.

Таким был *imperium* в руках главного магистрата, основа римского правительства во все времена. А что же народ, который ему подчинялся? О народе мы, к сожалению, почти ничего не знаем вплоть до конца монархического периода. Мы, правда, знаем, что, как и во многих греческих городах-государствах, существовали привилегированные и непривилегированные классы, и об этих двух классах мы скажем несколько слов непосредственно. Что необходимо прояснить, так это то, как это население относилось к обязанностям и дисциплине, и наши первые реальные знания об этом традиционно относятся к правлению последнего царя, кроме одного. Здесь мы видим, что все свободное население, привилегированное и непривилегированное, служило в армии как гражданский долг и платило такие налоги, которые были необходимы в основном для военных целей. Они служили без жалованья, и пехота, то есть гораздо большая часть, сама обеспечивала себя оружием и снаряжением; кавалерия получала лошадей от государства, поскольку лошади были дороги. Считалось, что те, у кого было больше всего имущества, имели наибольшую долю в государстве, а значит, должны были нести самое тяжелое бремя. Это можно увидеть в боевом порядке армии: те, кто мог позволить себе лучшее снаряжение, сражались впереди, а самые бедные и плохо вооруженные - в тылу. Именно этот здравый принцип лежал в основе римской армии в период продвижения и завоевания Италии. Это была армия граждан (*populus*), все из которых служили по долгу службы и платили налоги в соответствии со своими средствами, оставляя все командование за обладателем *imperium* и офицерами, которых он назначал для выполнения своих приказов.

Таким образом, когда последний царь был изгнан, и царская власть подошла к концу, народ был тщательно обучен идеям долга и дисциплины, а практическими результатами такого обучения стали послушание как привычка, уважение к авторитету и знаниям, стойкость и хладнокровие в опасности. Этот народ не поддавался волнению ни в гражданских, ни в военных кризисах. Они не только подчинялись своим правителям, но и доверяли им. Они не были склонны к разговорам, а довольствовались действиями: а поскольку разговоры - более действенный стимул к ссорам, чем действия, они пока не ссорились. Хотя Риму было суждено пройти через множество политических и военных опасностей в последующих поколениях, прошло почти четыре столетия, прежде чем на его улицах пролилась кровь в гражданских распрях.

В заключение этой главы я должен сделать очень краткий набросок политической истории периода продвижения в Италию, чтобы показать, как воспитание в духе долга и дисциплины сохраняло устойчивость и спокойствие народа у себя дома.

После изгнания последнего царя Римское государство стало *республикообразующим*, то есть, в буквальном переводе, общественным, или, как мы можем назвать его, свободным. Это еще одно из бессмертных слов, завещанных современному европейскому языку латинской речью, и его значение для нас остается таким же, каким оно было для римлян. Когда Цицерон, почти в конце жизни римского свободного государства, писал другу: "Мы полностью утратили *respublica*", он имел в виду, что она перешла из рук государственного управления в руки частных и безответственных лиц. Каковы же были основные признаки этой "общественной вещи", или свободного государства? Как и следовало ожидать, их можно найти в отношении основателей *respublica* к *imperium*, правительственному центру тяжести.

1. Об упразднении *imperium* не могло быть и речи; ни один римлянин даже не мечтал об этом, ведь это было бы все равно что раскапывать фундамент уже частично построенного здания. Но *imperium* больше не должен был оставаться пожизненным или принадлежать одному человеку. Теперь он должен был быть доверен двум магистратам вместо одного, и только на год; по истечении года его обладатели, которых отныне называли консулами или

преторами, должны были сложить свои знаки отличия и отказаться от власти, снова став просто частными гражданами. Тем временем были избраны новые консулы; при выборах должен был быть услышан голос всего народа, поскольку они должны были осуществляться армией граждан, организованной по имущественному признаку, как на военной службе. Каждый римлянин, который должен был подчиняться *imperium*, должен был иметь право голоса при избрании его носителей, но преобладающий голос должен был принадлежать тем, кто имел наибольшую долю в государстве и служил в первых рядах на войне.

2. Грозный *imperium* теперь был не только ограничен по срокам, но и предотвращалась возможность его произвольного использования двумя способами. Во-первых, оба консула имели право вето на действия друг друга, и как дома, так и на местах они по очереди осуществляли *imperium*. Во-вторых, они не могли предать гражданина смерти в городе, если народ в своем собрании не санкционировал это; в поле римляне мудро оставляли *imperium* неограниченным, чувствуя, как мы все еще чувствуем, что военная дисциплина нуждается в более сильной санкции, чем гражданская. Кроме этих двух ограничений, совет старейшин, сенат, был сохранен в качестве общего совещательного органа для консулов, которые, однако, сами имели право время от времени заполнять вакансии в нем. Мы не знаем точно, каков был его состав в это время; но несомненно, что все, кто занимал *imperium*, имели в нем места, как люди, чья служба и опыт лучше всего позволяли им советовать и критиковать своих преемников. Этого принципа, согласно которому бывшие магистраты должны быть членами сената, придерживались во все времена, и в итоге этот великий совет превратился в самое эффективное собрание людей, обладающих способностями и опытом практической жизни, которое когда-либо видел мир.

Прежде чем мы оставим *imperium*, необходимо отметить один интересный факт. Римляне не боялись на время отменить эти ограничения на власть магистрата и вернуться к абсолютному правлению, если считали это необходимым для безопасности государства. В моменты большой опасности, гражданской или военной, консул, по совету сената, назначал одного человека на определенный срок с неограниченной властью; в этом случае собрание не обращалось даже за ратификацией выбора, настолько велико было доверие, оказанное отцам государства. Они не называли этого единственного магистрата ненавистным именем Rex, а использовали другое слово, хорошо известное в Лациуме, - Dictator. Это учреждение имело огромное значение для народа, постоянно находящегося в состоянии борьбы и стараний, и хорошо показывает практическую смекалку, которую уже выработало долгое обучение долгу и дисциплине.

Но эта практическая смекалка должна была подвергнуться многим тяжелым испытаниям в период, который мы описали в последней главе. Не успела установиться Республика, как встал великий вопрос о взаимоотношениях привилегированных и непривилегированных классов. Каково было происхождение этого сословного различия, мы пока не знаем и, возможно, никогда не узнаем. Здесь достаточно того факта, что только привилегированные, патриции, как их называли, представители семей, принадлежавших к старым родам (*gentes*), считались способными сохранять мир между гражданами и богами или между самими гражданами, и поэтому только они могли держать *imperium* и принимать эгиду. Оба сословия служили в армии и голосовали на выборах, но без возможности получить *imperium* плебеи были беспомощны. Однако совершенно точно, что у них были свои претензии, причем реальные. Мы должны думать о них как о мелких землевладельцах, у которых практически не было капитала, и они постоянно были вынуждены брать в долг либо деньгами, либо акциями. Они становились должниками богачей, обычно патрициев, а старое обычное долговое право было жестким и даже жестоким.

В результате, согласно традиционной истории, они, по крайней мере, один раз, если не два, действительно *нанесли удар*; они бросили свою работу и ушли в полном составе, угрожая основать новый город в нескольких милях дальше вверх по Тибру. Они хорошо знали, что незаменимы для государства как солдаты, и патриции тоже это знали. К счастью, плебеи тоже знали, что государство со всеми его традициями религии и управления, долга и дисциплины необходимо им самим. Они ничего не знали о формах и формулах, которые считались необходимыми для поддержания мира с богами и людьми. Они не могли унести с собой богов города, под защитой которых жили они и их предки. Они просто оказались бы в дрейфе, без весел и руля, а такое положение было совершенно немыслимо. Поэтому они вернулись в город - так гласит история - и в результате был достигнут компромисс, первый из длинной серии компромиссов, которые в конце концов превратили Рим в компактное и единое сообщество и позволили ему пережить три века непрерывной борьбы и усилий. История этих компромиссов слишком длинна и сложна, чтобы излагать ее в этой книге, но можно кратко указать на последовательные этапы.

Вскоре после забастовки, или отделения, плебеи получили право избирать магистратов, или, более строго, должностных лиц, для защиты от произвола *императора*; их называли трибунами, потому что собрание, которое их выбирало, было организовано по племенам, местным подразделениям, в которых регистрировались как патриции, так и плебеи для целей налогообложения. Добрая воля патрициев, пошедших на эту уступку, проявилась в том, что трибуны плебеев (как их стали называть в дальнейшем) были поставлены под защиту богов (*sacrosancti*), так что любой, кто их нарушал, подвергался божественному гневу. По мере того как плебеи становились все более многочисленными и незаменимыми, их собрание и должностные лица приобретали все большую силу и в конце концов получили право издавать законы, обязательные для всего государства.

И опять же, не сразу невежество плебеев в отношении обычного права и его методов процедуры нашло свое исправление. Был составлен свод законов в двенадцати таблицах, содержащий частично старые обычаи, впервые записанные, частично новые правила, некоторые из которых, возможно, были привезены из Афин. До нас дошло множество фрагментов этого кодекса, из которых ясно видно, что он предназначался для всех граждан, независимо от их социального положения. "Идея принятия законов для какого-либо класса... поразительно отсутствует. Кодекс является полностью римским в своей осторожности и здравом смысле, в своем уважении к прошлому, которое он игнорирует только тогда, когда старые обычаи нарушают правила здравого смысла, и в своем разумном пренебрежении симметрией"^[4] Как сказал о нем историк Тацит много позже, он был "завершением равного права". И это был исток целой могучей реки римского права, постоянно увеличивающейся в объеме, которая до сих пор служит для орошения полей современной европейской цивилизации.

Должна была пройти долгая и ожесточенная борьба, прежде чем плебеи проложили себе путь в центральный патрицианский оплот *imperium*, но даже это было сделано без гражданской войны и кровопролития. Мы слышим о ряде уклончивых маневров патрициев, которые, естественно, считали, что все пойдет наперекосяк, если обязанность хранить "мир богов" будет возложена на людей, с которыми боги, как можно предположить, не считаются. Но эти патрицианские консулы и сенаторы отвечали за существование государства, а оно не могло существовать без плебеев; закон разрешил этим двум сословиям вступать в брачные отношения, что (как ни странно) до сих пор было незаконно, и тогда старые сословные чувства и предрассудки, намного превосходящие по силе любое известное нам сейчас

подобное чувство, постепенно утихло. К середине IV века до н. э. плебей не только мог быть консулом, но и один из двух консулов *должен был* быть плебеем. И еще до конца этого века старая патрицианская аристократия начала исчезать, уступая место новой, основанной на ведущей идее *доброй службы государству*. Если человек занимал пост консула, неважно, был ли он патрицием или плебеем, он становился *nobilis* - *то есть* знатным, и его семья тоже. Великая римская аристократия более поздних времен состояла из потомков людей, ставших таким образом выдающимися.

В заключение этой главы я скажу несколько слов об одном замечательном учреждении, которое хорошо иллюстрирует римский инстинкт долга и дисциплины. Именно в этот период, в 443 году до н. э., согласно традиционной дате, была учреждена новая магистратура, призванная сначала просто освободить консулов от трудных обязанностей, на которые в тот воинственный век у них не хватало времени, но со временем ставшая объектом еще более высоких амбиций, чем само консульство. Римская любовь к порядку заставляла убедиться в том, что каждый гражданин является гражданином по справедливости и закону, что он выполняет свои обязанности в армии и платит налоги в соответствии с правильной оценкой своего имущества. Каждые четыре или пять лет необходимо было проводить расследование с этой целью, и теперь для этого избирались два цензора, занимавшие свои должности в течение полутора лет. Эти цензоры, хотя и не имели *imperium*, были безответственны; их решения были окончательными, и их нельзя было призвать к ответу ни за одно официальное действие. Почти всегда - в более поздние времена неизменно - это были почтенные сеньоры, занимавшие пост консула, люди, в справедливости и мудрости которых народ мог безоговорочно доверять. А такое доверие было необходимо; ведь их полномочия по проверке легко распространялись от деталей регистрации до личного поведения гражданина почти во всех сферах жизни. Главы семейств могли быть допрошены о выполнении ими семейных обязанностей, и любая постыдная жестокость по отношению к рабу, несправедливость по отношению к клиенту или пренебрежение детьми могли быть наказаны исключением из списка соплеменников; а это означало потерю гражданских прав и *infamia* (гражданский позор), страшное слово, которого очень боялся римлянин. Пренебрежение землей или другим имуществом, бесполезная роскошь, недобросовестность в договорах или опеке - все это со временем становилось предметом учета цензоров. Сенатор мог вычеркнуть свое имя из списка Сената, а кавалерийский солдат мог быть исключен из списка, если за лошадью, предоставленной ему государством, плохо ухаживали или если по каким-либо другим причинам он считался недостойным своей должности.

Нам, наверное, трудно понять, как в свободном государстве могли допустить такую власть инквизиции. Но помимо возраста и положения лиц, занимавших эту должность, а также римской привычки подчиняться установленной власти, есть два факта, которые помогут нам понять это. Один из них прост: цензоры были *коллегиями*, как и консулы; каждый из них имел право вето на действия другого, и если это вето не использовалось, если они единодушно осуждали гражданина, авторитет их решения, естественно, был непреодолим. Другой факт сложнее понять современному человеку. В работе цензоров присутствовал религиозный элемент; заключительным актом цензуры было религиозное "очищение" (*lustratio*) всего тела гражданина, с жертвоприношением и молитвой, на Марсовом поле за стенами города. Что именно римлянин того времени считал или, скорее, чувствовал результатом этого обряда, мы можем только догадываться; но мы можем быть уверены, что он был убежден, что без него жизнь государства будет под угрозой, и что это убеждение было достаточно сильным, чтобы заставить его подчиниться всему процессу, завершением которого он являлся.

ГЛАВА IV

БОРЬБА С КАРФАГЕНОМ И ГАННИБАЛОМ

В наши дни трезвомыслящие студенты-историки благоразумно оставляют рассказы о войнах и сражениях и занимаются скорее вопросами социальной жизни, государственной и частной экономики, историей религии, морали и научных исследований. Но есть несколько войн, великих противостояний нации против нации, которые всегда будут иметь захватывающий интерес: отчасти из-за их драматического характера, отчасти из-за их далеко идущих последствий; и долгая борьба между Римом и Карфагеном, безусловно, является одной из них. Со стороны карфагенян она породила двух самых необычных людей, отца и сына, о которых только может рассказать история; а со стороны римлян она дает нам яркую картину самой чудесной выносливости в течение долгих лет крайней опасности, которую мы можем найти в летописях любого народа. И, вероятно, ни одна война не была столь богата результатами, как хорошими, так и плохими. Она объединила всю Италию к югу от Альп в единую страну под властью Рима и положила начало новой завоевательной карьере римлян за морем; она заложила основы Римской империи в том виде, в каком мы сейчас представляем себе эту великую систему. Однако она оставила Италию в состоянии экономического кризиса, от которого она так и не смогла полностью оправиться, и изменила характер римского народа, как богатого, так и бедного, скорее к худшему, чем к лучшему.

Чтобы ясно увидеть, как это произошло, мы должны еще раз взглянуть на карту Италии; карта современной Италии вполне подойдет. Пусть читатель помнит, что до сих пор Рим контролировал только центральную и южную части всего того, что сейчас является королевством Италия, и что две другие части этого королевства, которые каждый итальянец теперь считает важными для его единства, находились в других руках. Это были: во-первых, большая аллювиальная равнина реки По (Падус); во-вторых, остров Сицилия: стратегически говоря, они лежат на двух флангах римского владычества, на севере и юге соответственно. Любая держава, удерживающая центральную Италию, чтобы быть в безопасности от вторжения, должна обладать этими двумя позициями, как ясно показала длинная серия войн, начиная с двух, о которых мы сейчас расскажем. Великолепная равнина По, простирающаяся от великого альпийского барьера до Апеннин, которые смотрят вниз на Генуэзский залив, самая богатая земля во всей Италии, была тогда в руках воинственных галльских племен, которые обосновались там до того, как они нанесли удар на юг и захватили сам Рим; они могли снова стать серьезной опасностью, как и оказалось в этой самой войне. Остров Сицилия был и долгое время оставался предметом раздора между греческими поселенцами, давно построившими города в наиболее благоприятных местах побережья, и торговцами из финикийского города Карфагена, расположенного прямо напротив него на побережье Африки. Сицилия была богата гаванями и, как равнина По, богата кукурузой, оливами и виноградом; греки так упорно держались за нее, что после недавней помощи Пирра на какое-то время оказались почти в полном владении островом. Но в решающий момент они по глупости покинули Пирра, и теперь уже карфагеняне вернули себе весь остров, за исключением сиракузского царства Иеро, протянувшегося вдоль восточного побережья под горой Этна. Карфагенские флоты крейсировали вокруг острова, их часто видели и у берегов Италии. Карфаген был владычицей морей во всей западной части Средиземноморского бассейна.

Карфаген был дочерью ханаанского города Тира, принадлежавшего к тому мореходному народу, известному в истории как финикийцы, которых израильтяне оттеснили к побережью Палестины, не покорив их. Гением финикийцев была торговля, и великолепное положение Карфагена, расположенного недалеко от современного Туниса, с богатой кукурузой страной

в тылу, помогло его торговым князьям постепенно создать то, что можно условно назвать империей торговых поселений, простиравшихся не только вдоль африканского побережья, но и на Сардинии, в южной и восточной Испании, включая Сицилию, как мы видели. Для поддержания этой империи ей приходилось содержать большие флоты и огромные доки в собственном порту; но поскольку ее финикийское население было в основном занято торговлей, ей приходилось полагаться для своих экипажей, а также для своих сухопутных сил в основном на коренных африканцев, которых она покорила, или на наемников, нанятых из других рас, с которыми она вступала в контакт. Хотя это было слабым местом в ее броне, она была далеко не самой большой державой в западных морях, и любой другой народ, претендующий на власть в этом регионе, должен был считаться с ней. До сих пор она была в дружеских отношениях с Римом, и у нас сохранился текст трех договоров между двумя государствами; но последний из них показывает признаки взаимного недоверия, а Рим теперь возвысился настолько, что столкновение было практически неизбежным. Народ, правящий в Италии, не может позволить себе иметь соперника на Сицилии, да еще и бесспорно владеющего морем.

Столкновение произошло в 264 году до нашей эры, и оно стало непосредственным результатом не только неразумного, но и недобросовестного поступка римлян. Не было бы необходимости упоминать об этом, если бы это не иллюстрировало черту римского характера, которая становится все более заметной по мере того, как Рим все больше и больше втягивается в дипломатические отношения с другими государствами. Привычка к порядку и дисциплине дома не принесла с собой чувство справедливости и чести в общении с иностранцами. Римский практический взгляд на жизнь, не включавший в себя воспитание ума и чувств, не способствовал развитию великодушного поведения, кроме как по отношению к согражданам. Латинское слово *virtus*, выражающее практические обязанности гражданина, не предполагает благородного поведения за пределами гражданских границ. Чтобы высшие цели проявились в общественной жизни, требовалось определенное умственное воображение; "тонкость", как называли ее буры Трансвааля, слишком часто характерна для римской дипломатии, а твердость, не всегда ограничивающаяся жестокостью, впредь будет постоянно проявляться в их поведении по отношению к побежденному врагу.

Плутоватая банда наемников, италийцев по происхождению, состоявших на службе у сиракузян, захватила старый греческий город Мессану - ту самую Мессину, которую совсем недавно постигла столь ужасная участь во время великого землетрясения. Город лежал на сицилийской стороне пролива, который до сих пор носит его имя, и, если смотреть с итальянской точки зрения, мог быть назван ключом к Сицилии. Прямо напротив него находился Реджиум (Реджио), еще один греческий город, который подвергся такому же обращению со стороны другой банды разбойников; , но они были сразу же очищены по приказу из Рима. В случае с Мессаной задача, естественно, легла на Иеро, царя Сиракуз, молодого и способного человека, который недавно заключил договор с Римом; но когда он предпринял попытку, разбойники обратились за помощью как к Риму, так и к Карфагену. Сенат был просто обязан поддержать своего союзника Гиеро или бросить просителей на произвол судьбы. Но тогда карфагеняне могли утвердиться в Мессане, а это должно было казаться римлянину недопустимым. Сенат еще некоторое время колебался и в конце концов передал вопрос на рассмотрение народа, который проголосовал за поддержку наемников против союзника Римского государства. Этот акт недобросовестности и дурной политики стоил римлянам ценного союзника и войны с Карфагеном, которая длилась без перерыва двадцать три года.

В этой небольшой книге было бы излишне вдаваться в подробности этой долгой и изнурительной войны, о которой можно прочесть в любой истории Рима. Конечно, в основном это была морская война, а у римлян еще не было флота, о котором можно было бы говорить. Но теперь было видно преимущество объединенной Италии. Трудности были преодолены путем привлечения греческих и этрусских моряков и кораблестроителей; карфагенское военное судно, потерпевшее крушение на итальянском побережье, послужило образцом, и вскоре в море был готов большой флот, с которым, как ни странно, римским полководцам удалось в течение нескольких лет очистить от врага Итальянское и Сицилийское моря и даже доставить армию вторжения на карфагенскую территорию. Этот удивительный подвиг был совершен просто благодаря изобретению устройства для захвата вражеских кораблей, чтобы на них могли высаживаться римские солдаты в качестве "морской пехоты". В первой половине войны они также возобновили союз с Иеро и завоевали всю Сицилию, за исключением сильного города Лилибея (ныне Марсала).

Но все эти хорошие результаты были сведены на нет безрассудством римского сената. Теперь, когда они пересекли море и вступили в новую сферу деятельности, они, казалось, на время утратили благоразумие и мудрость, благодаря которым они получили власть над Италией. В Африке у них было две консульские армии, которые, казалось, держали в тисках сам Карфаген; но когда она запросила мира, они предложили ей невыполнимые условия и примерно в то же время фактически отозвали одного из двух консулов с его армией в Италию. Старый финикийский дух возродился и перешел в отчаянную храбрость: умелый греческий солдат удачи Ксантипп взял карфагенскую армию в руки, и вскоре оставшаяся римская армия была полностью уничтожена, а ее командующий Регул попал в плен. Это тот самый Регул из одной из самых известных римских историй и одной из самых красивых од Горация. Считается, что он отправился в Рим с посольством, а после его провала вернулся пленником в Карфаген, где был предан жестокой смерти. Многие критики сейчас без достаточных оснований отвергают эту историю как чистую легенду. В общих чертах она, вероятно, правдива, и несомненно, что она прочно завладела умами римлян. Она свидетельствует о сильном чувстве римлян к обязательной силе клятвы, даже данной врагу; ведь Регул поклялся вернуться, если миссия провалится.

Риму потребовались долгие годы и огромные усилия, чтобы оправиться от этой катастрофы, а также от уничтожения своих флотов бурями, которые по несчастью последовали за ней и вновь дали Карфагену власть над морем. Карфаген тоже нашел гениального человека, Гамилькара Барку, чья острая ненависть к Риму, постоянно растущая по мере того, как она постепенно одерживала верх, вдохновляла его народ на продолжение борьбы на море, а его собственные силы - на мрачную борьбу за горную крепость на северо-западе Сицилии, гору Эрикс, место игр в пятой книге "*Энеиды*" Вергилия. Обе стороны были измотаны и, более того, понесли постоянные потери; но сила Рима оказалась более стойкой, и в 241 году до н. э. Гамилькар согласился на переговоры о мире, по которому Сицилия и прилегающие мелкие острова навсегда перешли в руки Рима. Вскоре после этого, воспользовавшись смертельной войной, которую Карфагену пришлось вести с собственными наемниками, Рим сумел, в духе уже замеченной "стройности", завладеть Сардинией и Корсикой. Это свидетельствует о том, что сенат понимал важность этих островов для державы, владеющей западными морями; но несправедливые сделки приносили свою награду. Возможно, великий Гамилькар простил бы Риму обиду, нанесенную его стране, если бы не это. Как бы там ни было, но ненависть к Риму засела в его душе еще глубже, чем прежде, и эта ненависть, вновь вспыхнув в груди его сына Ганнибала, практически уничтожила его врага с лица земли. Он удалился в Испанию, чтобы организовать там карфагенское владычество, в котором он сам был практически царем и которое он предназначил в качестве базы для операций против Рима в другой войне; и

прежде чем отправиться в путь, как рассказывал Ганнибал много позже, отец заставил своего девятилетнего мальчика дать торжественную клятву лелеять вечную ненависть к врагам своей страны.

План вторжения в Италию из Испании был навязан Гамилькару тем фактом, что Рим командовал на море; Карфагену уже невозможно было нанести удар по нему из Африки, не приложив больших усилий для восстановления этого командования, чем то, на которое сейчас было готово правительство торговых князей. А то, что Ганнибал смог осуществить вторжение по суше, объяснялось гением и личным влиянием его отца, создавшего прочное владение в южной Испании со столицей в Новом Карфагене (ныне Картахена). Некоторые историки считают, что из этих двух необычных людей отец был величайшим; и это, по крайней мере, правда, что его работа была благородным строительством, в то время как блестящие дарования его сына были растрчены в попытке разрушить великую структуру, которую Рим воздвиг в Италии. Попытка оказалась безуспешной; прочная римская конструкция выдержала все нападения величайшего полководца древнего мира. Облик великолепных побед Ганнибала не должен ослеплять нас тем фактом, что он допустил два серьезных просчета: он верил, что итальянцы ненавидят Рим так же, как и он сам, и присоединятся к нему, чтобы сокрушить его; и он надеялся, если не верил, что Карфаген окажет ему существенную помощь. Если бы он правильно рассудил по первому пункту, судьба Рима была бы предрешена. Но итальянские родственники Рима, признавшие в нем своего естественного лидера, даже не дрогнули в своей преданности^[5], и Карфаген мало чем помог ему, пока не стало слишком поздно. Таким образом, в этой ужасной войне мы имеем странное зрелище, когда один человек с удивительным гением противостоит всей мощи объединенной Италии с военными ресурсами, которые, как мы знаем от точного греческого историка Полибия, составляли около 770 000 человек, способных носить оружие.

Как бы ни была увлекательна удивительная карьера Ганнибала, как бы мы ни восхищались благородством его характера, трезвый суд должен привести к выводу, что ни один великий человек никогда не делал меньше для блага своих сородичей. За пятнадцать лет своего пребывания в Италии он нанес непоправимый ущерб этому прекрасному полуострову и ожесточил сердца римлян на все их будущие отношения с врагами. Покинув Италию, он не смог спасти свою страну и провел последние годы в изгнании, постоянно замышляя против ускользнувшего от него врага. Человек, который всю жизнь руководствуется одним мотивом - ненавистью и местью, никогда не может быть причислен к тем, кто сделал что-то на благо человечества.

Пока Ганнибал завоевывал лояльность южных испанцев и организовывал их ресурсы, Рим был занят тем, что пытался распространить свою власть на галлов, обосновавшихся на равнине По, и таким образом обезопасить свой северный фланг, поскольку на юге он уже укрепил за собой Сицилию. Сенат знал кое-что о планах Ганнибала и надеялся опередить его в захвате этого ценного региона, стратегического ключа к Италии. Но здесь не могло быть и речи о том, чтобы заручиться лояльностью племен; галлы были беспокойны и враждебны и совсем недавно предприняли еще одну решительную попытку достичь Рима; они фактически подошли к городу на расстояние трех дней марша, прежде чем были разбиты в большой битве. В 219-218 гг. до н. э. римские войска все еще были заняты прокладкой дорог на север и основанием двух колоний, Плаценции и Кремоны, на галльской земле и на реке По, когда Ганнибал обрушился на них со стороны Альп. Он нашел предлог для войны, собрал 100 000 человек, перешел Пиренеи и достиг Роны, прежде чем сенат узнал о его намерениях, и ускользнул от консульской армии, посланной, чтобы остановить его. Сципион, ее командующий, проявив истинное военное чутье, направил свою армию дальше в Испанию,

чтобы прервать связь с базой, которую он так долго готовил. Эту линию связи Ганнибал не восстанавливал в течение десяти лет и был вынужден содержать и набирать свою армию на италийской земле.

Эта армия, с чисто военной точки зрения, была, без сомнения, одной из лучших, известных истории. Она состояла в основном из хорошо обученной испанской пехоты, которую обслуживали карфагеняне, и лучшей в мире кавалерии, набранной из нумидийцев западного региона Северной Африки. Это была одна из тех армий, которые могут идти куда угодно и делать что угодно по приказу своего генерала, потому что единственным мотивом, движущим ими, было полное доверие к нему. Это была профессиональная армия, совершенное орудие войны, оружие, прекрасно приспособленное для разрушения, но не имеющее созидательной ценности - в нем не было ни капли цивилизации, дающей ему постоянную жизненную энергию. К счастью для Рима, эта армия сократилась до весьма скромных размеров, когда достигла Италии; длительность марша, необходимость оставить часть войск в Испании и ужасные испытания при переходе через Альпы, где местные племена в сочетании со скалами, снегом и льдом измотали ее, сократили ее до менее чем 30 000 человек.

И все же после нескольких дней отдыха Ганнибал направился прямо к ближайшим римским войскам. Эти силы находились сейчас на северном берегу По под командованием Сципиона, который вернулся с Роны в Италию. Оттеснив его к новой колонии Плаценции, где к нему присоединился отряд другого консула Семпрония, Ганнибал нанес полное поражение объединенным римским войскам на небольшой реке Треббия, которая стекает к этому городу (ныне Пьяченца) с Апеннин. Римская власть на равнине По была мгновенно парализована этим поражением, и победитель сразу же приступил к организации союзов с галльскими племенами, пока он отдыхал и набирал свои усталые войска. Но от галлов он не получил существенной помощи: у этого непостоянного народа не было особых причин приветствовать захватчика, когда он оказывался на их территории. И, возможно, это было для него удачей: ведь если бы он во главе галльской армии вошел в центральную Италию, то усилил бы, а не ослабил сопротивление всей италийской федерации, которую так прочно организовал Рим. Его знания о мотивах, которые удерживали эту федерацию вместе, несомненно, были весьма несовершенны.

Но весной он пересек Апеннины, пробрался через болотистую и злокачественную местность в низовьях Арно, где, как говорят, потерял глаз от офтальмии, чтобы встретиться с консулом Фламинием, который был послан прикрыть подступы к Риму с большой армией.

Проскользнув мимо Фламиния, Ганнибал спрятал свою армию среди холмов и лесов на восточном берегу Тразименского озера, вдоль западного берега которого сейчас проходит железная дорога, ведущая из Флоренции в Рим; здесь он поджидал свою жертву. Фламиний угодил в расставленную для него ловушку, его армия была полностью уничтожена, а сам он убит. Теперь ничто не могло остановить завоевателя, если бы он решил идти прямо на Рим.

Но в планы Ганнибала не входила осада Рима; он не взял с собой никаких осадных орудий, и ни разу за время войны ему не удалось получить их из Карфагена или изготовить в Италии. Его истинной целью было привлечь италийцев на свою сторону, изолировать Рим и поставить свободную Италию (так, как говорят, он это сформулировал) на место римского владычества. Поэтому он повернулся спиной к Риму и на досуге отправился по восточному побережью центральной Италии к кукурузным землям Апулии, которые отныне должны были стать его главной базой для операций. Отсюда он мог легко добраться до великих морских портов Тарентум и Кротон и, таким образом, снова войти в контакт с Карфагеном, а, возможно, и с другой державой, у которой он уже искал помощи, - Филиппом, царем

Македонским. Но во время этого похода на юг он впервые узнал, что Италия усеяна римскими и латинскими колониями, каждая из которых - крепость, каждая снабжена провизией и готова противостоять ему: каждая - миниатюрный Рим, распространяющий среди италийцев честь и гордость римского гражданства и оживляющий дух итальянского единства под римским руководством. Одну или две из этих крепостей он тщетно пытался взять, и в это время он, должно быть, начал наконец понимать, что смертельная ненависть отдельного человека не сравнится в долгосрочной перспективе с организованной жизненной силой практичного народа.

Его единственным шансом было выиграть еще одну великую битву и таким образом овладеть южной Италией, сделать свою базу абсолютно безопасной и постепенно продвигать на север закваску антиримских чувств, на которую он рассчитывал. До конца того года, 217 г. до н. э., он не мог получить этот шанс; сенат, по-прежнему хладнокровный, назначил хладнокровного диктатора,^[6] который знал, что его медлительные и стойкие солдаты-граждане не подходят для мобильной профессиональной армии, умело управляемой, и упорно отказывался принимать бой. Даже когда Ганнибал пробился на север, к богатой равнине Кампании, и попытался захватить богатый город Капую, Фабий не склонился к сражению; он шел по следам врага и однажды попытался поймать его в силки, из которых Ганнибал вырвался благодаря хитроумной уловке. Но в следующем году сенат отправил двух новых консулов с армией, численность которой не превышала 100 000 человек, для борьбы с врагом на юге Италии; и здесь, хотя один из них и не хотел сражаться, Ганнибал втянул их в битву, захватив ценный склад в городе Канны, расположенном у моря, на равнине Апулии. Хотя он значительно уступал в численности, ему удалось с помощью искусной тактики заманить в сеть солидные римские легионы, а затем использовать свою мобильную нумидийскую конницу, чтобы не дать им уйти в тыл. Бой превратился в кровавую резню, в которой, по некоторым данным, погибло 80 000 римлян. Самая большая армия, когда-либо отправленная из Рима, была полностью уничтожена, и казалось, что ей уже не спастись от смертельного врага.

В этот момент, когда успехи Ганнибала достигли высшей точки, мы можем сделать паузу, чтобы узнать, как сенат встретил известие об этой ужасной катастрофе. Ни в один момент римской истории так ярко не проявились безупречные качества римского характера и духа. Сенату пришлось решать не только непосредственный военный кризис в Италии, но и проблемы военной и военно-морской политики в Испании, на Сицилии и в равнине По. Дома им также пришлось иметь дело с тем, что можно назвать религиозной паникой; люди, и особенно женщины, начали терять нервы и думать, что их боги оставили их. Мы можем поверить римскому историку, когда он говорит, что любой другой народ был бы раздавлен подобной катастрофой. Но мудрые люди из сената просто сели за ремонт, даже не мечтая сдаться. Город был спасен, набраны свежие легионы, а оставшемуся в живых консулу объявлена благодарность "за то, что он не отчаивался в республике". Они не стали выкупать пленных, попавших в руки Ганнибала, и не приняли офицера, которого он послал для этой цели. Их не тронули даже новости о том, что южная Италия, бруттийцы, луканцы, апулийцы и большая часть самнитов, присоединились к врагу, а отдельные города дальше на севере покинули их. Капуя, второй город Италии, была предана Ганнибалу, и он получил возможность продвинуться из Апулии на равнину Кампании, не оставив врага в тылу. Но сенат не отчаивался. В свое время ряды этого сената, сильно поредевшие с начала войны, были пополнены диктатором лучшими и наиболее опытными гражданами. Были приняты все возможные меры для поддержания идеи "мира богов"; в Дельфы даже было отправлено

посольство; религиозная паника быстро улеглась. В начале следующего года, как обычно, были сделаны ассигнования для военных командований в Сицилии, Сардинии и Испании, а также для флота, который собирался в Остии, порту в устье Тибра. В течение нескольких месяцев после битвы в Риме все шло своим чередом.

Таким образом, ошеломляющее поражение при Каннах привело римлян к победе - победе всех благородных элементов их характера над сиюминутными сомнениями и отчаянием. Народ, который смог оправиться от этой катастрофы, и спокойно заняться его восстановлением, не мог быть уничтожен даже Ганнибалом; и хотя ему предстояло еще много лет оставаться угрозой на италийской земле, можно с уверенностью сказать, что отныне у него не было реальных шансов на окончательный успех. Два момента серьезной тревоги были еще впереди, но Рим пережил их оба. Один из них наступил три года спустя, когда была предпринята отчаянная попытка вырвать Капую из рук Ганнибала. Чтобы побудить римское правительство снять осаду, он предпринял внезапный поход на Рим, зная, что между ним и столицей нет прикрывающей армии. Он расположился лагерем на реке Анио, в трех милях от города, и с эскортом кавалерии подъехал к воротам. Но все было напрасно: сенат собрал достаточно войск, чтобы удержать стены, и, разграбив римские земли, Ганнибал снова отступил, как морская волна, разбившаяся о скалистый берег.

Последний момент крайней опасности наступил пять лет спустя, в 207 году до н. э. Мудрая предусмотрительность сената в начале войны обеспечила римлянам надежное удержание Испании, и никакие подкрепления не доходили до Ганнибала из этого источника. Наконец его верный и умелый брат Гасдрубал ускользнул от римской армии и, выбрав новый путь - как Веллингтон во время Пенинсульской войны, - избежал противодействия римлян в северной Испании. Теперь связь с Италией была наконец открыта, хотя и не по морю, как должно было бы быть, если бы правительство в Карфагене бросило все свои силы на создание военно-морской мощи заново. Гасдрубал был вынужден перейти Альпы, и сделал он это с лучшими знаниями и меньшими потерями, чем его брат. Он пробился через галльскую территорию и достиг Ариминума (Римини). Ганнибал находился в Апулии, где один консул сдерживал его и разбирался с недовольными италийцами, а другой ждал захватчика на большой прибрежной дороге к югу от Ариминума. Гасдрубал отправил брату депеши с сообщением о своем прибытии и предложениями о сотрудничестве, но повсюду стояли римские войска, и гонцы попали в руки врага. Консул на юге Клавдий Нерон, осознав опасность, без приказа сената предпринял шаг, который прославил его имя. Он оставил достаточно сил, чтобы удержать Ганнибала, и ускользнул с 7000 отборных воинов, не будучи обнаруженным даже самыми хитрыми полководцами. Ночью, пройдя около 200 миль, он ворвался в лагерь Ливия, другого консула, причем все верные жители Центральной Италии кормили и благословляли его армию, пока он шел. Два дня спустя на берегах небольшой реки Метавр, впадающей в море с Апеннин в нескольких милях к югу от Ариминума, произошло самое решающее сражение войны. На этот раз римляне одержали полную победу; армия захватчиков была полностью уничтожена, а Гасдрубал погиб, сражаясь до последнего. Нерон быстрым шагом направился на юг, к своей прежней станции, и бросил голову Гасдрубала - так говорили - в лагерь своего брата. Впервые за долгие изнурительные годы войны Рим был вне себя от радости, и почти впервые в его истории мы видим искреннюю благодарность богам за это неоценимое благословение. Благодарность, будь то богу или человеку, не была заметной чертой римского характера; но теперь, в момент настоящего религиозного подъема, первой мыслью была благодарность за то, что "мир богов" полностью восстановлен. Сенат не только распорядился о трехдневном публичном благодарении, но и мужчины, и женщины, воспользовавшись этим, толпами потянулись в храмы, причем матери, одетые в самые лучшие одежды, брали с собой детей.

Остальная часть военной истории вскоре была рассказана. Человек, который позволил Гасдрубалу сбежать от него в Испанию, был молодым Сципионом, сыном Сципиона, который хорошо потрудился и погиб там в начале войны. Сам он был молодым человеком с настоящими способностями, чей характер всегда оставался в какой-то степени загадкой. Он был римлянином нового типа, не лишенным воображения, и долгие годы, проведенные им в Испании без соперников, которые могли бы его сдерживать, возможно, заставили его лелеять и развивать свою индивидуальность больше, чем это было возможно для степенного римского аристократа старого типа у себя дома. Он глубоко верил в себя и обладал даром заставлять других верить в него. Вернувшись на родину через год после битвы при Метауре, он был избран консулом, хотя еще не достиг совершеннолетия, и получил в качестве провинции Сицилию, где после многих перипетий римляне теперь были верховными. Он сразу же предложил вторгнуться в Африку и таким образом заставить Ганнибала покинуть Италию; и сенат, хотя и не мог или не хотел рисковать большими силами, разрешил ему предпринять эту попытку.

Сципион переправился в Африку в 204 году до н. э., и вскоре карфагенское правительство отозвало Ганнибала. Великий полководец подчинился, с грустью и неохотой, и в 202 году встретился со Сципионом в битве при Заме и был разбит; недисциплинированные войска, предоставленные ему правительством, не шли ни в какое сравнение с римскими ветеранами. Теперь он сам советовал своему народу заключить мир и вел переговоры, тем самым заглаживая непоправимый вред, нанесенный ей в войне его собственной непримиримой ненавистью к сопернику. Карфагену больше не суждено было стать морской державой - это было определенно закреплено условиями, которые были ей предоставлены. Она сдала Испанию победителям и согласилась выплатить крупную военную компенсацию частями в течение пятидесяти лет подряд. Ее внешняя политика должна была определяться Римом: она больше не могла называться независимым государством.

Так закончилось это великое испытание римской стойкости. Ни один народ никогда не проходил через более тяжелое испытание и не выживал. Чувство долга и дисциплина ни разу не подвели их; и римляне, и итальянцы были готовы в любой момент встретить смерть, защищая свою страну. Но война, всегда злонамеренная, при затягивании может посеять семена большого зла в будущем; и мы должны с сожалением признать, что нам предстоит увидеть еще немного героических качеств, которые пронесли Рим через эту великую борьбу.

ГЛАВА V ГОСПОДСТВО И ВЫРОЖДЕНИЕ

"Не только бедствия войны открыли глаза государственным людям на злоупотребления, выросшие среди них; не только они поспешили принять меры, чтобы предотвратить повторение подобных бедствий. Для этого не требовалась такая дальновидность. Вопрос был одновременно и проще, и насущнее: как не допустить, чтобы земледелие в стране пришло в состояние постоянного упадка..... Не только возникла необходимость выяснить у политэкономов, какими средствами можно увеличить богатство целой нации сразу, но и другие реформы, менее очевидно приспособленные к насущным потребностям, теперь с нетерпением приводились в исполнение"[7].

В этом отрывке речь идет не об Италии и римском правительстве после великой войны, а о Пруссии после того, как она уступила Наполеону и была вынуждена отдохнуть от полного истощения. Этот отдых, умело использованный гениальными государственными деятелями, означал для Пруссии восстановление и открытие великой эры процветания. Если бы Рим мог подобным образом дать отдых измученной Италии и применить все свои практические

навыки для лечения и исправления, следующие два столетия могли бы стать гораздо более счастливыми для него и для всего мира. Но молодым народам, как и молодым людям, трудно осознать необходимость отдыха, и тем более трудно в древней Италии, где на борьбу едва ли перестали смотреть как на "естественную отрасль энергичного государства". Римский сенат не был достаточно зрелым в познании человеческой природы, чтобы понять, к каким бедам, как моральным, так и материальным, может привести долгая война, особенно если враг находится в вашей стране, преследуя и пожирая, и никто не знает, когда придет его черед быть разоренным. И, действительно, мы можем сомневаться, что даже если бы ведущие люди Рима смогли понять природу этой беды, у них хватило бы умения найти и применить необходимые средства.

Эта беда и ее результаты должны стать темой данной главы, поскольку, не получив представления о ней, мы не сможем понять ни опасностей, которым подвергалась цивилизация в последующие двести лет из-за вырождения Рима, ни того, как они были в итоге преодолены. Но для начала я должен лишь взглянуть на политику, фактически проводимую сенатом в период после войны, которая поставила Рим в положение арбитра всего средиземноморского мира и хозяйки территории, во много раз превышающей Италию.

Два недавних вторжения грозных врагов в Италию должны были научить сенат необходимости сделать невозможным еще одно. Но другого вторжения еще можно было ожидать - так, по крайней мере, считали они, - не из Испании или Африки, а от великой военной мощи Македонии. Филипп Македонский был в числе врагов Рима еще со времен Канн; но даже Ганнибал не смог убедить его напасть на Рим энергично, и он упустил свой шанс. Римская дипломатия настроила против него греков, и у него было много дел дома. Но едва Карфаген был разгромлен, как сенат уговорил уставший и безвольный народ объявить ему войну, что привело в течение следующих полувека к свержению Македонского царства и, наконец, к его поглощению тем, что мы теперь должны начать называть Римской империей. В то же время Рим приобрел протекторат над всей Грецией, сначала предназначенный для ее защиты от Македонии, но которому суждено было быстро перейти в господство. Греки в своих лигах и городах больше никогда не были по-настоящему свободными. Если бы они могли не ссориться между собой, они могли бы с пользой перенести этот протекторат; но прежде чем Рим покончил с ними, они должны были почувствовать ее тяжелую руку.

Так "крестьяне Тибра" стали хозяевами Балканского полуострова, а также Италии. В тот же период они завершили завоевание Италии до Альп, не без трудностей и поражений, и продолжили прокладывать свои дороги и основывать колонии во всех частях. На Испанском полуострове, откуда карфагеняне были окончательно изгнаны, они основали две постоянные провинции (*provinciæ*), одну в бассейне Эбро на северо-востоке, а другую в плодородных долинах Гвадианы и Гвадалквивира, как теперь называются две великие реки южной Испании. Из них они медленно, но упорно, в соответствии со своей манерой, несмотря на многочисленные поражения и даже позор, продвигались в высокогорные районы центральной Испании, пока не подчинили себе большую часть полуострова. Здесь им пришлось иметь дело с народом, сильно отличающимся от изможденных и истощенных греков и македонцев; народом, лишь наполовину цивилизованным, но живым, умным и способным, как убедился Ганнибал, стать отличными солдатами. Заслуга римлян в том, что, несмотря на жестокость и неправильное управление, они дали этому полуострову настоящую цивилизацию, следы которой все еще многочисленны, особенно на юге, и прекрасный язык, который происходит непосредственно от их собственного.

Чтобы поддерживать связь с Испанией как по суше, так и по морю, им пришлось обратить внимание на побережье между западными Альпами и Пиренеями. Здесь они заключили прочный союз с древней и процветающей греческой колонией Массилией (Марселем); защищая Массилию от нападений горных племен, они постепенно втянулись в борьбу за постоянное владение нижней долиной Роны. Это, опять же, в свое время очень естественно стало отправной точкой для нового продвижения в сердце современной Франции. Никто из тех, кто видел Рону от Лиона до Марселя, не может не прийти к выводу, что держава, овладевшая ее нижним течением, неизбежно должна продвигаться по ней на север.

В этом замкнутом море есть еще четвертый полуостров, известный за неимением лучшего названия как Малая Азия, который выступает из Азиатского континента и является местом встречи восточной и западной цивилизаций. В последние три века до нашей эры здесь воевали преемники Александра Македонского, цари Македонии, Пергама, Сирии и Египта, растратившие силы человечества в войнах, которые нам кажутся ненужными. Вскоре римляне были втянуты в войну с царем Сирии, союзником Филиппа Македонского, и одержали великую победу на этом полуострове в 190 году до н. э. Но они не присоединили здесь никакой территории, пока последний царь Пергама не оставил свое царство Риму по завещанию около шестидесяти лет спустя. Сенат предпочитал выступать в роли арбитра, заключать союзы, вознаграждать дружественные государства, использовать дипломатию, а не силу; и в целом им это удавалось. Их политика часто была мучительной, иногда даже подлой, но в конечном итоге то, что молодой и мужественный народ вмешался в дела этих монархий, принесло человечеству больше пользы, чем вреда.

Таким образом, на западе или на востоке Средиземноморья в течение восьмидесяти лет после окончания войны с Ганнибалом римская власть преобладала повсюду. Нелегко объяснить в нескольких словах, что двигало этой державой дальше. Это был не просто коммерческий мотив, как в случае с Карфагеном. Не просто желание завоевать и присоединить, ведь сенат не спешил брать на себя новые обязанности по управлению за границей, если их можно было достичь каким-то другим способом. Но что это была за цель? Несомненно, вначале это была самооборона; но самооборона, достигнув успеха, слишком легко переходит в самоутверждение. Это самоутверждение, как мы видим в римской политике, можно сравнить с тем, что управляет внешней политикой Германии сейчас - стремление иметь право голоса во всех вопросах, входящих в "сферу интересов". Ни один римский сенатор не сомневался в том, что его народ является самым сильным и компетентным для управления миром, и именно в это верит сейчас патристичный немец. И постоянное утверждение этого гордого убеждения приводило в Рим множество поклонников и сторонников, чье присутствие льстило римской гордости, а дипломатия иногда вовлекала правительство в новые войны, давая честолюбивым консулам возможность увеличить славу и богатство себя и своих семей. Так в свое время возникло владычество следующих военных команд или провинций: одна в Сицилии, одна в Сардинии, две в Испании, одна в южной Галлии, одна в Македонии с присоединенной к ней Грецией, одна в Малой Азии и одна в Африке, после разрушения Карфагена ее старым врагом в 146 году до н. э. О способе управления этими провинциями я расскажу в другой главе. А сейчас давайте попробуем оценить некоторые результаты этих непрерывных войн в отдаленных частях, взятых вместе с долгой борьбой с Карфагеном. Мы обнаружим изменения во всех сферах жизни народа, и почти во всех - к худшему.

Во-первых, давайте посмотрим на семейную жизнь, которая составляла основу старого политического тела и была самым мощным фактором в римском характере. Достаточно вспомнить огромное количество граждан, убитых или захваченных в плен на войне, или

унесенных мором, который всегда следует за войной, чтобы понять, какой паралич должен был наступить в семейной жизни. Бесчисленное множество отцов и взрослых сыновей вообще не возвращались домой; а долгая служба вдали от дома в любом случае лишала семью естественного влияния и авторитета главы. Матери могли многое сделать, чтобы восполнить этот пробел, и традиции достойной и праведной римской дамы еще не были полностью ослаблены; но есть признаки того, что женщины в этот период становились все более возбудимыми, все более самоуверенными, все более роскошными. Именно в этом возрасте начинают появляться разводы - верный признак упадка прежней семейной жизни. Ходили слухи и об отравлении мужей их женами, а однажды две знатные дамы были преданы смерти за это преступление по приговору совета родственников. В необычной попытке внедрить в Италию захватывающие оргии греческой религии Диониса, женщины были одними из самых главных преступников. Об изменении положения женщин в это время свидетельствует знаменитое высказывание Катона: "Все мужчины властвуют над женщинами, мы, римляне, властвуем над всеми мужчинами, а наши жены властвуют над нами".

С упадком старой семейной жизни не могло не пострадать и здоровое воспитание детей в духе мужественного поведения (*virtus*) и чувства долга (*pietas*). Старомодные семьи поддерживали это, но среди низших классов это было трудно сделать из-за плохого жилья и тесноты в городе; а в знатных семьях, несомненно, произошли изменения к худшему, хотя мы знаем одного или двух великих людей этой эпохи, которые заботились о моральном, а также интеллектуальном воспитании своих мальчиков.^[8] Для народа, контролирующего средиземноморский мир, было необходимо развивать умственные способности, и особенно научить мальчика говорить и читать по-гречески, который был языком половины цивилизованного мира и языком торговли повсюду. Рим не мог предоставить учителей для такого обучения; римляне не были компетентны, да и не снизошли бы до такой работы. Греки были единственным народом, который мог взять на себя то, что мы называем высшим образованием, и теперь они начали кишеть в Риме. Некоторые греческие учителя были свободными людьми, но большее число составляли рабы, захваченные во время войн; таким образом, первое требование к школьному учителю - чтобы на него смотрели и охотно слушались - слишком часто отсутствовало в этом новом образовании. Именно люди, а не методы, являются решающим фактором в образовании. В глубине души, как мы знаем из многих ярких отрывков римской литературы, взрослый римлянин презирал грека, и мы можем быть уверены, что римский мальчик тоже. Греческая литература и риторика, которые теперь быстро становятся основной частью высшего образования, никогда не смогут восполнить недостаток нравственной дисциплины. Если мы обнаружим в грядущем веке дух беззакония и недостаток сдержанности в обращении с врагами или оппонентами, мы не ошибемся, приписав это в значительной степени утрате благотворного домашнего влияния и введению образования вне дома, которое полностью не смогло восполнить упадок простого старого обучения долгу и дисциплине.

Дело в том, что римляне находились под влиянием нового представления о жизни, в котором личность играла более важную роль, чем когда-либо прежде в Риме. Римлянин прошлого рос по образцу и подобию и был привязан к группе, так что у индивидуума было мало шансов заявить о себе; но теперь мы видим, что он заявляет о себе во всех направлениях и в каждом классе общества. Думать самостоятельно, даже в вопросах религии; говорить из личных побуждений в сенате или суде; стремиться к собственному продвижению по службе или богатству - все это казалось естественным и неизбежным для людей того времени. И так постепенно индивид стал главной движущей силой вместо государства. Были и благородные исключения, но большинство ведущих людей играли в свою собственную игру и часто

выигрывали ее за счет государства. Многие генералы торопились с операциями к концу срока своего командования, чтобы не быть смещенными до того, как они смогут заслужить триумф и пройти в великолепной процессии к храму на Капитолии, с закованными в цепи пленниками, следующими за его колесницей. А маленькие люди все больше и больше не хотели служить солдатами в далеких странах и все больше и больше бунтовали против дисциплины. Спустя чуть более полувека после того, как Ганнибал покинул Италию, римские армии стали неспособны к работе.

Наряду с этим слишком быстрым ростом индивидуума, мы должны учитывать внезапный приход богатства и рост капитала. Старая римская семейная группа не имела никакого капитала, кроме земли и акций. Но теперь, в результате грабежей и вымогательств в провинциях, большинство мужчин из высших классов имели некоторый капитал в деньгах, и он почти всегда вкладывался в общественные работы и государственные предприятия всех видов, *например*, в повышение налогов и оснащение флотов и армий. Все это делалось по контракту, а контракты заключались компаниями, в которых каждый человек был акционером, имевшим что-либо для инвестирования. Таким образом, приток богатства принес с собой желание делать деньги, и форум Рима превратился в своеобразную биржу, на которой постоянно происходила купля-продажа акций, и где каждый человек пытался перехитрить своего соседа. О действительно продуктивном использовании капитала в промышленности или торговле мы слышим очень мало; и кажется, что римлянин того времени не имел ни малейшего представления об использовании своих средств или возможностей таким образом, чтобы обеспечить благосостояние в мире.

Если мы обратимся к сельской Италии, перспектива вряд ли будет менее мрачной. Неисчислимый ущерб был нанесен сельскому хозяйству во время великой войны, и сельское хозяйство в широком смысле слова было почти единственной отраслью итальянской промышленности. Раньше кукуруза, вино, масло, шерсть и кожа производились в количествах, достаточных для того, чтобы обеспечить жителей пищей и одеждой, причем каждая община выращивала то, что ей было нужно, как в средневековой Англии. Но эта простая форма сельскохозяйственной экономики, должно быть, испытала серьезное потрясение не только от опустошительных действий армий, но и от сокращения трудоспособного населения из-за войн и моров.

Чтобы восстановить пришедшую в упадок промышленность, необходимо иметь людей, которые могли бы ее обрабатывать. Депопуляция как результат главным образом войны была эпидемией болезней в Средиземноморье в эту эпоху; и в Италии мы точно знаем, насколько она была распространена, поскольку у нас есть записи переписи населения римских граждан, которые показывают постоянное сокращение населения в этот период, и мы должны предположить, что те же причины действовали и среди неримского населения полуострова. Средство, конечно, нашлось, но оно оказалось едва ли не хуже болезни - я имею в виду огромное количество рабов, которых теперь можно было использовать для работы. Неквалифицированные рабы, захваченные или похищенные в Испании, Галлии, Эпире, Фракии или Малой Азии, были дешевы на римском рынке и вполне годились для ведения хозяйства, особенно если это хозяйство было в основном пастбищным, с отарами и стадами, уход за которыми не требовал большого опыта и умения. Эта дешевизна, а также физические условия сельской жизни в горной стране делали разведение скота и содержание овец прибыльным делом. Большие районы Италии, особенно в центре и на юге, покрылись в этот период огромными поместьями, принадлежавшими капиталистам, в которых работали грубые и часто дикие рабы, которых запирали на ночь в подземных тюрьмах и обращались с ними просто как с "живыми инструментами". Ни один луч надежды

не пробивался к этим несчастным существам; ни один свободный гражданин не задумывался ни об их положении, ни об экономической опасности системы; филантропия и политическая экономия были неизвестны в римском мире, ибо воображение и размышления были одинаково чужды римскому менталитету.

Даже в поместьях умеренного размера, которые не были полностью пастбищными, рабский труд был правилом. Мы знаем кое-что о таком хозяйстве из трактата о сельском хозяйстве, написанного Катонем в это время и дошедшего до нас в полном объеме; из его слов ясно, что, хотя в определенные периоды, *например*, во время сбора урожая, мог использоваться свободный труд, экономической основой бизнеса был рабский труд. Несомненно, по всей Италии мелкая ферма и свободный земледелец быстро исчезали с быстрым ростом капитала и дешевизной рабов. В городе Рима, который теперь стал прибежищем огромного населения многих рас, число домашних рабов постоянно увеличивалось; они использовались во всех сферах деятельности людьми богатыми и деловыми. Многие из них были культурными людьми, например, греками, которые могли работать клерками, секретарями или учителями, и у них были все шансы со временем заслужить свободу; но огромное количество было низкими и порочными существами, у которых не было никаких моральных стандартов, кроме послушания хозяину, никаких моральных санкций, кроме наказания.

Таким образом, хотя сокращение численности свободного населения было достаточно серьезным злом, средство борьбы с ним было еще хуже. Раб, вырванный с корнем из почвы, в которой он процветал на своей родине, лишенный семьи, собственности, религии, в большинстве случаев должен был стать деморализованным и безнадёжным существом. В пьесах Плавта, относящихся к этому периоду, раб - лжец и вор, и, по-видимому, без совести. Для рабовладельца моральные последствия тоже были достаточно плачевными, хотя и не столь очевидными на первый взгляд. У человека, которому служат десятки сородичей, находящихся в полной его власти, постепенно парализуется чувство долга. По отношению к ним у него нет никаких обязанностей, только права; а значит, и чувство долга по отношению к своим свободным согражданам тоже может быть парализовано. Привычка, приобретенная в общении с одной группой людей, естественно, распространяется и влияет на все человеческие отношения. Так и римский характер, от природы достаточно жесткий, в поздние времена Республики стал еще жестче, чем когда-либо. В следующих двух главах мы встретимся с неопровержимыми доказательствами этого. Невероятная жестокость, безрассудство по отношению к человеческой жизни, бездушие в обращении с побежденными и подвластными народами встречаются нам на каждом шагу в ту мрачную эпоху средиземноморской истории. Под пагубным влиянием рабства жесткая римская натура огрубела, и нам придется ждать христианской эры, прежде чем мы найдем хоть какие-то признаки сочувствия к той огромной массе страдающего человечества, которой был населен римский владычество.

В последнюю очередь мы должны обратить внимание на изменения, вызванные войнами в другой области римской жизни, а именно в работе конституции. Читатель помнит, что в раннем Риме основным элементом конституции был *imperium* магистрата, так же как в частной жизни основным элементом была дисциплина семьи под властью главы семьи. Человек, обладавший *imperium*, был неоспорим до тех пор, пока владел им, хотя мудрый обычай предписывал ему во всех вопросах серьезной важности обращаться за советом к своему совету, сенату. Но теперь долгие войны надолго отрывали консула и его *imperium* от города, а по мере того как Империя росла и включала в себя провинции за морем, эти периоды становились все длиннее и длиннее. В Риме, правда, всегда оставались два магистрата с *империумом* - преторы, которые издавна ежегодно избирались для помощи

консулам в судебных делах; но престиж их *империума* никогда не достигал уровня консулов. И даже когда консул возвращался домой, хотя величие *империи* присутствовало в его лице, как и прежде, не его рука действительно лежала на штурвале. Решение великих вопросов зависело не от него, а от его Совета, чье знание дел и "мужество никогда не покоряться и не уступить" благополучно пронесли Рим через длинный ряд беспримерных испытаний.

В период после войны с Ганнибалом сенат, а не *imperium*, явно является первостепенной властью в работе конституционного механизма. Приведем один пример: когда народ отказался санкционировать войну с Филиппом Македонским, сенат поручил консулу убедить его в том, что он не прав, и консул, и народ склонились перед его волей. У них были и другие агенты - народные трибуны, если консулы не справлялись, и время от времени они даже принуждали консула с помощью власти трибуна. Но главной причиной могущества сената было то, что он был единственной постоянной частью правительства. Сенатор занимал свой пост пожизненно, если только не был изгнан цензором за безнравственность, в то время как все магистраты избирались только на год. В Сенате пожизненно заседал каждый человек, занимавший высокие посты и оказавший государству добрую услугу, а так как их было около трехсот, то годовым обладателям *imperium* было почти невозможно противостоять их взвешенным суждениям. И за эти решения Сенат не отвечал ни перед кем.

Вероятно, ни одно собрание не обладало такой практической мудростью и опытом, как римский сенат этого периода; но эта мудрость и этот опыт были ограничены работой над конституцией, контролем над внешними делами, руководством и снабжением армий. Как уже было сказано, когда дело доходило до разработки лекарств от экономических и моральных бедствий, подобных тем, о которых я рассказывал, сенаторы были бесполезны; они не были обучены искусству государственного врача и не желали учиться диагностировать болезни. Почти все они были людьми одного типа, с одними и теми же общественными и частными интересами. Они принадлежали, по сути, к нескольким знатым семьям, и в их рядах редко можно было найти новую кровь; хотя все они в то или иное время избирались на должности народом, выбор народа почти всегда падал на членов старых проверенных семей. Принцип, согласно которому сын семьи, оказавшей хорошую услугу государству, скорее всего, и сам будет оказывать такую услугу, похоже, прочно закрепился в сознании римского избирателя; так и получилось, что Сенат, несмотря на свою огромную деловую способность, постепенно превратился в *олигархический* орган - рупор одного класса общества. Этот принцип отнюдь не плох на некоторых этапах развития общества, но в долгосрочной перспективе он непременно порождает как пороки, так и достоинства олигархии - неприятие любых перемен, узкий взгляд на социальную жизнь, отсутствие сочувствия к другим классам и желания понять их нужды. В следующих двух главах мы увидим, как эти олигархические слабости привели сенаторское правительство к бесславному концу. Оно спасло государство от его самого смертельного врага; заложило основы Римской империи; но потерпело полное фиаско, когда от него потребовалось выполнить более благородную работу по восстановлению справедливости и человечности.

Это подводит нас к последнему пункту данной главы. Как римская олигархия стояла по отношению к народу, так и сам Рим стоял по отношению к населению своей империи как олигархия. Римский гражданин был одним из самых привилегированных людей в цивилизованном мире того времени. Главной ценностью его гражданства было не право голосовать в собраниях, выбирать магистратов, принимать или отклонять законы, не право занимать должность в случае избрания, ибо на это могли претендовать очень немногие; это была правовая защита его личности и имущества, где бы он ни находился в империи. Никто не мог безнаказанно посягать на его личность; этот факт хорошо иллюстрирует жизнь

святого Павла (Деяния ххii. 25 и далее). Он мог вести дела повсюду, будучи уверенным, что его продажи, покупки, контракты будут признаны и защищены римским правом, в то время как негражданин не имел таких гарантий для своих сделок. Ни в одном городе Средиземноморья не было гражданства, которое могло бы сравниться с этим по практической ценности, потому что римское право постепенно становилось единственной системой права, за которой стояла реальная сила. Чтобы жить в безопасности и процветании, нужно быть римским гражданином.

Мы, в наши дни сравнительного просвещения, могли бы представить, что, имея в руках такой подарок, как гражданство, римляне поспешили бы вознаградить своих верных итальянских союзников, которые служили в их армиях на протяжении всех этих войн, подняв их на свой собственный уровень социальных и политических привилегий. Но если это так, то мы должны были бы приписать человеческой природе римлян такую степень щедрости и сочувствия, которая на самом деле была почти неизвестна. Можно было бы предположить, что они осознали тот факт, что их старый город-государство перерос свою колыбель, что Италия, а не город Рим, теперь действительно представляет собой силу, с помощью которой управляется мир, и что они поставили бы итальянцев на тот же уровень преимуществ, что и себя, по крайней мере в том, что касается защиты личности и имущества. Но после войны с Ганнибалом тенденция изменилась скорее в другую сторону. Все союзные итальянские города по-прежнему были вынуждены поставлять контингенты в римские армии и флоты, но Рим не предоставлял им никаких привилегий, чтобы компенсировать это бремя, а магистраты все больше и больше привыкали обращаться с ними как с низестоящими. Латинам, то есть старым городам Латинской лиги и колониям с латинским *правом*, как это теперь называлось, которые уже имели некоторые привилегии гражданства, тщательно препятствовали приобрести больше, чтобы стать полноправными гражданами Рима. В этой исключительной политике, которая кажется нам подлой и неблагодарной, римское правительство, несомненно, упустило большой шанс, и впоследствии ему пришлось дорого заплатить за свою неосмотрительность.

Дело в том, что имперская идея овладела правящими римлянами с такой силой, с которой наш британский "империализм" не может сравниться ни на минуту. Они были так заняты управлением, переговорами, арбитражем и зарабатыванием денег, что состояние и претензии их собственного города и страны не привлекали внимания никого, кроме очень немногих представителей образованной аристократии. Депопуляция, упадок сельского хозяйства, рабство и сопутствующие ему пороки, несправедливость по отношению к итальянским союзникам и постоянно растущее недовольство, вызванное этим, неправильное управление и грабежи в провинциях - все эти источники бед сейчас накапливали силу и должны были в скором времени поставить всю римскую систему на грань гибели. А Рим на краю гибели означал, что цивилизация находится в неминуемой опасности; ведь никакая другая держава уже не могла противостоять варварам Северной Европы, которые уже начинали теснить солнечные южные земли. Поэтому история последующего века, последнего перед христианской эрой, представляет собой один из самых захватывающих интересов. Как Риму удалось выжить и с новыми силами преодолеть эти опасности, организовать империю на прочном фундаменте закона и справедливости, способную удерживать варваров на расстоянии достаточно долго, чтобы внушить им глубокое уважение к цивилизации, на которую они напали? На этот вопрос мы постараемся ответить в оставшихся главах этой книги.

ГЛАВА VI

РЕВОЛЮЦИЯ: АКТ I

В предыдущей главе было сказано достаточно, чтобы показать, что век, в который мы сейчас вступаем, последний век перед Рождеством, был полон великих проблем - не только для Рима, но и для всей западной цивилизации. Угрожавшие опасности, как внутренние, так и внешние, были настолько реальны, что требовали государственных деятелей и солдат высочайшего качества; и, как мы увидим, на этот призыв был дан ответ. Именно в этом веке родилось большинство знаменитых римлян, чьи имена нам хорошо знакомы: два Гракха, Мариус, Сулла, Помпей, Цицерон, Сезар и, наконец, Август - все они в разной степени помогли спасти Италию и империю от преждевременного распада. По сути, это была эпоха великих личностей, причем таких, в которых личный характер становился столь же интересным для людей того времени, как и для нас сейчас. Ведь по мере того, как дисциплинарная сила государства ослабевала, индивидуум оставался более свободным проявлять свою собственную силу; и эта сила порой была столь велика, что у нас возникает соблазн сосредоточить свое внимание на человеке и забыть о сложных мотивах и интересах мира, в котором он действовал. Несомненно, мы ошибаемся; ведь даже самое незначительное знакомство с фактами покажет нам этих великих людей, непрерывно борющихся с трудностями и уносимых неблагоприятными течениями с их собственного естественного пути. Но не менее верно и то, что вряд ли какой-либо другой период истории показывает так много, как хорошего, так и плохого, зависящего от индивидуального характера. И если в предыдущей главе речь шла в основном об опасностях и проблемах, то две следующие будут посвящены попыткам этих знаменитых людей справиться с опасностями и решить проблемы.

Депопуляция и упадок сельского хозяйства были первыми из опасностей, о которых стоило задуматься всерьез. Этим занялся в 133 году до н. э. не сенат, чьим делом он, собственно, и занимался, а молодой и полный энтузиазма аристократ, в некотором роде один из лучших персонажей римской истории. Тиберий Гракх обладал правильным инстинктом старого римлянина в отношении долга, и для римлянина у него была необычайно нежная и щедрая натура; но у него не было опыта и знаний, необходимых для того, кто возьмет в руки эту сложную проблему, которая в наше время была бы подготовлена для законодательства путем тщательного изучения фактов, проведенного уполномоченными экспертами. Его образование было в основном греческим, и изучение достоверных фактов в него не входило.

Тем не менее ему удалось заручиться помощью нескольких способных людей, подготовить и провести законопроект, который можно назвать Законом о мелких землевладениях. Отныне никто не должен был владеть более чем 500 *джугерами* (около 300 акров) *государственной земли*, а если у него были сыновья, то еще 250 на каждого из них. Государственная земля - это земля, принадлежащая государству, но занятая частными лицами, которые платили (или должны были платить) за нее арендную плату в той или иной форме. Земли, принадлежащие частным лицам, а также занимаемые ими, нельзя было трогать; но и тех и других было в избытке, поскольку государство сохранило за собой большую часть земель Италии, приобретенных Римом. Теперь эта земля должна была быть разделена на участки, причем государство сохраняло свою собственность и запрещало продажу - тщетная попытка удержать поселенцев на земле, даже против их воли. Этот смелый план возвращения людей на землю был сразу же приведен в действие, и у нас до сих пор сохранилось несколько межевых камней с надписями, установленных уполномоченными, выбранными для его осуществления. И есть основания полагать, что это принесло определенную пользу как в плане депопуляции, так и в плане сельского хозяйства. Сенат не сделал ни одной серьезной

попытки помешать ему, когда он был принят, и он продолжал действовать в течение многих лет.

Но, к несчастью, сенат сделал все возможное, чтобы не допустить принятия законопроекта; они ничего не хотели сказать по этому поводу и поставили трибуна, чтобы тот наложил на него вето. Вето трибуна плебса было неотъемлемой частью конституции, и им нельзя было пренебречь; но Гракх, тоже трибун, занимал свой пост всего один год, и если он не мог провести свой законопроект в течение этого года, то должен был отказаться от этой попытки надолго. Энтузиазм взял верх над благоразумием, он сознательно нарушил закон и обычаи, бросил вызов сенату и его прерогативам и провел законопроект, низлагающий трибуна, который действовал от имени сената. Он также предложил себя в качестве кандидата на переизбрание, что противоречило обычаю, если не закону конституции. Руководствуясь самыми высокими побуждениями, он, таким образом, подставил себя под обвинение в том, что стал хозяином государства, нарушив обычай его предков (*mos majorum*). Римское право всегда гласило, что тот, кто стремится к тирании, может быть убит кем угодно; и теперь, когда даже лучшие аристократы считали Гракха виновным, его постигла именно такая участь. Он был убит на Капитолии, и трусливый сброд не сделал ни одной попытки спасти его.

Эта история, пожалуй, самая печальная в римской истории. Немного больше терпения и практической мудрости, немного больше духа компромисса с обеих сторон могли бы спасти ситуацию. Старая римская дисциплина избегала насилия и преодолевала конституционные трудности путем согласия; теперь же Гракх наложил на конституцию руку насилия и получил в ответ жестокость от ее недостойных защитников. Намереваясь провести лишь реформу, он закончил тем, что начал революцию.

Кроме депопуляции, в воротах был еще один враг, которого следовало опасаться, но которого было не так легко осознать как врага; я имею в виду рабовладение. Гракха можно простить за то, что он не предпринимал прямых попыток атаковать его, хотя незадолго до его трибуната на Сицилии произошло восстание рабов, которое показало не только военную, но и экономическую опасность ситуации. Говорят, что там одновременно восстали 200 000 рабов, и война была прекращена только после долгой борьбы. Эти восстания, последовавшие через определенные промежутки времени, и, наконец, самое грозное восстание в Италии шестьдесят лет спустя, были симптомами болезни, требующей очень искусного врача; но врача не было, пока Сезар не попытался начать. Римляне еще не успели осознать эту опасность; живя в атмосфере рабского труда, они считали, что живут за счет него. И хотя в каком-то смысле это было правдой, из-за сокращения численности свободных рабочих, зло было слишком тонким, чтобы неkritичный народ мог его разглядеть. Несмотря на все эти опасные восстания, в обширной литературе последнего века Республики нет никаких признаков осознания действующего яда.

Через девять лет после убийства Тиберия Гракха его младший брат Гай, избранный трибуном, взялся за дело и пошел гораздо дальше своих замыслов. В этом интереснейшем и способном человеке мы, наконец, видим римского государственного деятеля высшего порядка; практичного человека, не просто идеалиста новой греческой школы, и при этом гениального человека и прирожденного лидера людей. Мы располагаем его изображением, явно сделанным с натуры одним из знавших его людей, которое с первого взгляда показывает эти дарования.^[9] Когда он находился на пике своей активности, занятый множеством деталей, он, кажется, производил на очевидца впечатление почти монарха. Но внимательное изучение всего, что нам о нем рассказывают, доказывает, что на самом деле он был одним из тех редких людей, как впоследствии Сезар, которые глубоко убеждены, что могут выполнить нужную государству работу лучше, чем кто-либо другой, и оправдывают это

убеждение. Он с поразительной быстротой осуществлял свои собственные меры, не жалея сил, поражая даже своих врагов неутомимой энергией, с которой он работал, и тем, как он ухитрялся заставить работать других. Возможно, секрет заключался в том, что он был джентльменом в самом лучшем и благородном смысле этого слова; ведь Плутарх говорит, что в общении с людьми он *всегда с достоинством, но при этом всегда вежлив*, неизменно отдавая каждому должное.

Собственно, личность этого человека и есть настоящее объяснение его творчества. Если бы ему удалось сохранить то личное влияние, которое подчеркивает Плутарх, и сохранить законодательную власть хотя бы на несколько лет, как это полагается современному государственному деятелю, вполне возможно, что Рим избежал бы эпохи опасности и вырождения. Но этого не произошло. Трехглавый Цербер охранял путь, ведущий к эффективным реформам: формы старой конституции, многие из которых устарели и не соответствовали потребностям великой империи; узкий дух олигархической фракции, противившейся, из корыстных соображений, любым переменам; и, наконец, подлый и непостоянный нрав беспорядочного городского населения, чья власть была суверенной в законодательстве и выборах. Пытаясь преодолеть этого Цербера, Гракх потерял свое драгоценное личное влияние, а его первоначальные замыслы были искажены до неузнаваемости. Он пережил два трибуната, в ходе которых сделал много ценной работы, но на третий год был жестоко и без необходимости убит своими политическими врагами. Рим уже предал смерти двух самых ценных людей, которых когда-либо производил на свет, а в следующем столетии ему предстояло предать смерти еще многих.

Он начал свою работу с благородной попытки так исправить конституцию, чтобы реформатор мог принимать свои законы, не нарушая ее, как это сделал Тиберий. Он пытался увеличить численность сената, чтобы наполнить этот великий совет, который он справедливо считал рабочим центром конституции, новыми идеями и более широкими интересами. Он также стремился решить великую проблему гражданства, предоставив италийцам какую-то реальную долю в нем и, таким образом, хотя бы шанс добиться того, чтобы их голос был услышан в римской политике. Но к таким мерам реального прогресса не были готовы ни сенат, ни народ: сенат был оплотом старых предрассудков, а народ не был рад допустить италиков к своим привилегиям. Оба этих грандиозных проекта, которые показывают, насколько широки были взгляды Гракха как государственного деятеля, потерпели полное фиаско.

Примирить сенат становилось все более безнадежным делом по мере того, как Гракх терял свое личное влияние, и он отказался от этой попытки. Вместо этого он нанес сенатской олигархии тяжелый удар, лишив сенаторов права судить бывших наместников провинций, обвиненных в вымогательстве (преступление, которое теперь становилось слишком распространенным), и передав его классу ниже, эквитам, или деловым людям. Таким образом, он внес раскол между двумя высшими классами общества, что привело к весьма плачевным результатам. Не менее печальной была и другая мера, призванная примирить голодное свободное население города, от которого он должен был зависеть при принятии своих законов. Прокормить это население уже давно было трудно: его численность возросла сверх всяких ожиданий, снабжение кукурузой не было организовано должным образом, а цена на зерно постоянно колебалась. Понимая, что любой законодатель, который не сможет сделать невозможным внезапное повышение цен, окажется в опасности, он установил постоянную цену, более чем наполовину ниже нормальной, которая должна поддерживаться за счет государства, независимо от того, будет ли государство в проигрыше или нет. Но здесь он зашел слишком далеко и дал возможность более поздним и менее щепетильным

демагогам наделать еще больше бед. Несомненно, он считал, что государство не должно быть проигравшим, если производство, транспорт, складское хозяйство и финансы будут организованы так, как он собирался их организовать; но также мало сомнений в том, что он ошибался, и что впредь "народ" действительно будет питаться в основном за счет государства и скатываться в состояние полунисценства.

Я сказал достаточно, чтобы показать, насколько печальным был провал первого настоящего государственного деятеля, созданного Римом. Тем не менее Гракх успел сделать несколько полезных дел, которые сохранились до наших дней. При нем был принят великий закон, текст которого до сих пор сохранился примерно на треть, о суде над губернаторами провинций, обвиненными в вымогательстве; мы знаем и о другом, носящем его имя, который регулировал наследование этих губернаторских должностей со справедливостью и мудростью. Также он взялся за земельный законопроект своего брата и вел его с той практической настойчивостью, которая, как мы видели, отражена в житии Плутарха. Но, несмотря на высокие цели и некоторые успехи, его история печальна; и потеря для Италии и империи в тот момент человека с праведными целями и практическим гением была просто неисчислима.

Что бы еще ни сделали или не сделали Гракхи, им, несомненно, удалось, как в своей жизни, так и в своей смерти, пошатнуть власть и престиж сенаторского правительства; ничего не было поставлено на его место, и оно даже не было реформировано. В дальнейшем на протяжении длительного периода не существовало конституции, которая могла бы претендовать на лояльность и преданность честного человека; идея государства все более тускнела, и результатом этого стала неэффективность всех ведомств. Правящий класс был коррумпирован, а армия недисциплинирована, и это в то время, когда на Рим и на весь цивилизованный мир надвигался период крайней опасности со стороны внешних врагов. Эта коррупция и неэффективность стали очевидны через несколько лет после смерти младшего Гракха в долгой борьбе с нумидийским вождем в провинции Африка, который сумел перехитрить и бросить вызов римским посланникам и римской армии, воспользовавшись коррумпированностью первых и недисциплинированностью вторых. К счастью для Рима, в этой войне появился великий солдат Гай Марий, "новый человек" италийского происхождения, а также Л. Корнелий Сулла, человек из высшего патрицианского рода; и эти двое, хотя им суждено было стать злейшими врагами, довели войну до успешного конца.

Но гораздо большая опасность угрожала самой Италии. Когда мы смотрим на карту Италии, а еще лучше (если у нас есть такая возможность), когда мы смотрим на огромный вал Альп с равнины По, у нас возникает искушение считать этот великий барьер непроницаемым. Но горные хребты всегда являются слабыми линиями обороны, а история, как древняя, так и современная, в изобилии доказывает, что Италия открыта для вторжения с севера. Ганнибал и его брат пробили западный фланг горного хребта, где впоследствии появились регулярные пути между Римом и его западными провинциями; а с восточной стороны, где высота перевалов постепенно уменьшается, в Италию можно было легко проникнуть с северо-востока. За этим горным барьером в то время, которого мы сейчас достигли, происходило много беспорядков: голодные массы населения перемещались в поисках плодородных земель для заселения, подгоняемые другими народами, находящимися в таком же беспокойном состоянии. В 113 году до нашей эры великое переселенческое войско, состоящее, по-видимому, из германцев, но, возможно, собирающее по мере продвижения другие народы, казалось, угрожало слабому месту восточных Альп.

Консул с армией находился в Иллирии и пытался остановить их в стране, которая теперь называется Каринтией, но был сильно разбит. Если бы во главе войска стоял гениальный человек, враг мог бы проникнуть в Италию; как это случилось всего столетие спустя, их ничто не могло остановить между Альпами и Римом. Но великое войско не поддавалось искушению и продолжило свой путь на запад. В 109 году они внезапно появились за западными Альпами, где уничтожили еще одну консульскую армию, а еще одна пала перед галлами этого региона. Затем в 105 году при Оранже, на римской территории, при попытке прикрыть дорогу в Массилию и тем самым в Италию, римляне потерпели поражение, почти столь же ужасное, как при Каннах, и половина империи оказалась открыта для победителей. Но они снова оставили свою добычу нетронутой и двинулись на запад в поисках более легких завоеваний.

У Рима была почти трехлетняя передышка, и у нее был человек, который мог ее спасти. Марий перестроил армию, совершив революцию в снаряжении, тактике и дисциплине. За материальные средства ему приходилось тяжело, и ему приходилось искать рекрутов как можно лучше, черпая их со всех концов империи: но у него было время обучить их, превратив в прекрасных солдат, и заложить основу удивительно совершенной человеческой защиты для средиземноморской цивилизации. Результатом стала одна великая победа под Марселем, другая - на востоке Северной Италии, куда наконец-то проникли варвары, и Италия вновь оказалась в безопасности.

Теперь нам предстоит увидеть, как эта опасность или, скорее, усилия, предпринятые для ее предотвращения, привели к изменениям самого далеко идущего характера в римской власти и политике. Италию спасли не римские войска и не римское правительство, а Марий и созданная им армия. Пять лет подряд Марий был консулом, вопреки всем прецедентам, вдали от Рима, а созданная им армия обращалась к нему, а не к Риму, за жалованьем, продвижением по службе и увольнением. Мы можем назвать эту его армию средиземноморской под командованием италийца. Она была гораздо больше похожа на армию Ганнибала, чем на старые армии римских граждан, завоевавших господство в Италии; это была профессиональная армия, преданная своему генералу, но мало задумывавшаяся о римском государстве, чьим слугой он был. И впредь, пока Август не вернул чувство долга перед государством, римские армии, прекрасные как боевые машины и призванные обеспечить эффективные границы империи, были людьми Мариуса, Суллы, Помпея, Цезаря и постоянным источником тревог и опасностей для государства, которому они должны были служить.

Эта "армия долгой службы" поставила Рим лицом к лицу с еще одной трудностью и косвенно привела к еще одной большой опасности. Когда солдаты возвращались домой после долгих лет службы в далеких краях, что с ними было делать? У многих, возможно, у большинства из них не было дома. Ветераны, естественно, могли бы потребовать какого-нибудь постоянного поселения, но Сенат не проявил никаких признаков понимания этой проблемы, а в этом вопросе генерал был беспомощен без Сената. Так и получилось, что многие из них оказались в переполненном людьми городе, чтобы заработать на жизнь неизвестно как, с помощью распространения дешевой кукурузы. Среди них, несомненно, было много неграждан, которые не могли законно голосовать на выборах или принимать законы и были недостаточно защищены в отношении личности и имущества, несмотря на всю долгую службу, через которую они прошли. Эти люди стали предлагать себя в качестве избирателей и незаконно пользоваться правами гражданства, но путаница в реестрах была такой, что их невозможно было обнаружить. Наконец, фальсификация римского гражданства стала настолько очевидной, что консулы 95 года до н. э. приняли закон, призванный прояснить, кто является гражданином, а кто нет, и устранить тех, кто не имел настоящих привилегий.

Но теперь было уже слишком поздно предпринимать такой шаг. Весть о нем распространилась по всей Италии, и он был истолкован как преднамеренная попытка исключить итальянцев из числа граждан. Пять лет спустя знатный трибун предпринял еще одну тщетную попытку сделать то же, что хотел Гракх, - расширить гражданство и увеличить сенат; но он был убит до того, как его законы были приняты, и тогда наконец последовала неизбежная вспышка, возможно, давно задуманная. Социальная война, как ее называют, а на самом деле гражданская, стала кризисом в истории развития Европы. Когда она закончилась, в Италии исчезли древние города-государства греков и итальянцев, а на их месте возникла новая форма государственного устройства, для которой тогда еще не было названия.

Крепкие народы центральной Италии решились на отчаянную авантюру - создать соперничающую с Римом державу; план, который в случае успеха парализовал бы деятельность Рима в мире, будь то во благо или во зло. Они выбрали город Корфиниум, расположенный в самом сердце Апеннин, в ста милях к востоку от Рима, дали ему новое значительное название Италика и сделали его, как сейчас Вашингтон, городом-центром федерации, где депутаты от различных членов должны были встречаться и совещаться под председательством консулов. Но теперь стало очевидным значение стратегического положения Рима. Она могла наносить удары в любом направлении с внутренних линий, находясь в безопасности от нападения или блокады со стороны моря; но Корфиний не имел ни такого естественного стратегического преимущества, ни объединяющей силы. Тем не менее, итальянцы некоторое время добивались успеха на поле боя, и Рим целый год находился в крайней опасности. В конце того года (90 г. до н. э.) к конфедератам присоединились этруски и умбрийцы на севере и востоке, и тогда Рим впервые оказался поставлен в оборонительное положение, имея врагов как на левом фланге, так и на правом и переднем. Поэтому был поспешно принят закон, дающий драгоценное гражданство всем, кто не взял в руки оружие; это стало началом процесса, в результате которого за несколько лет вся Италия стала римской с точки зрения закона, а с другой стороны, можно не без оснований сказать, что Рим стал итальянским. Отныне мы должны думать о всем полуострове как о материальной опоре средиземноморской цивилизации.

Можно было бы ожидать, что с этими большими переменами в Италию вернутся мир и гармония. Но, напротив, сейчас ей предстоит вступить в самое ужасное время, которое она когда-либо знала; даже ее жалкие междоусобицы позднего Средневековья никогда не достигали такого ужаса, как во времена Мариуса и Суллы. Объяснить это трудно; но если вспомнить, что говорилось в прошлой главе о причинах деморализации, то можно сделать предположение. Мы должны представить себе огромное рабовладельческое государство, измотанное борьбой с опасностями внутри и вне его, ослабленное постоянными войнами, а теперь отданное в руки могущественных военных мастеров с многочисленными ветеранами по их приказу. Государство, казалось, потеряло право на лояльность и даже на уважение: вместо него появились соперничающие генералы, лидеры политических группировок - в эти годы их было две: Марий, самолюбивый поборник итальянцев и римского плебса, и Сулла, самолюбивый поборник старой аристократии. В ожесточенной ненависти партий и личном соперничестве их лидеров все принципы были потеряны для обеих сторон. Случилось так, что на Востоке назревала война, о которой мы узнаем в следующей главе; и командование в этой войне, великий приз момента, стало костью раздора, перевешивающей все интересы государства.

Приз достался Сулле, но не успел он повернуться спиной к Италии, как марианская фракция обрушилась на своих политических врагов и попыталась уничтожить их массовыми

убийствами. Компромисс был полностью забыт; вся жестокость необузданной человеческой природы была выпущена на свободу. А когда Сулла вернулся с Востока, изгнав врага с римской территории, расправа была отомщена еще большей расправой. Потеря Италией многих тысяч своих лучших людей, среди которых были и те, кто мог бы принести пользу миру, стала бедствием, которое никогда не будет исправлено.

Где, спрашивается, были прежние римские *gravitas* и *pietas*, самообладание и чувство долга, которые завоевали империю? Казалось бы, способность к дисциплине была полностью утрачена, за исключением армии с длительным сроком службы. Но сам факт, что в армии она сохранилась, не стоит игнорировать, даже если бы она осуществлялась не столько от имени государства, сколько в интересах отдельного командира. Ведь если бы нашелся государственный деятель-солдат, который смог бы отождествить себя с истинными интересами государства и таким образом вернуть не только армию, но и народ к правильному представлению о положении и долге Рима в мире, империя и цивилизация еще могли бы быть спасены. Без армии их нельзя было защитить, и единственное, чего не хватало, - это сделать армию лояльной как государству, так и своему генералу. Только сам генерал мог обеспечить эту лояльность, сделав себя истинным слугой государства.

Но человек, в чьи руки попал Рим, не мог отождествлять себя с интересами государства, поскольку несимпатичная натура лишила его способности понимать, в чем заключаются эти интересы. Суллу сравнивали с Наполеоном, и в одном-двух моментах сравнение вполне уместно; но в главном - способности к сочувственному восприятию - эти двое были совершенно не похожи. Наполеон, жестокий и беспринципный, каким он часто бывал, ясно показал, когда он организовывал институты Франции, или Швейцарии, или Египта, что он понимал потребности этих народов: он прозревал, что позволит им выйти из застоя к какой-то лучшей форме жизни, социальной и политической. Но Сулла, хотя и видел, что в данный момент требуется порядок почти любой ценой, мир, сильное правительство и реформы, выполнял свою работу так, что это доказывало, что он не был в восторге от нее и не заботился о людях, от имени которых он принимал законы. Он делал то, что было необходимо в данный момент, но делал это с силой, плохо скрываемой под конституционными формами. Поэтому ни один мудрец не радовался его работе, а римский народ в целом не испытывал к нему лояльности. Он создал во многих государственных ведомствах прекрасный механизм, но не обеспечил движущей силы для его работы.

Ничто в истории не показывает лучше, как много в законодательстве по исправлению ситуации зависит от духа, в котором оно принимается. Сулла видел, что великий совет, сенат, должен быть центральным пунктом и стержнем правительства, если только под рукой нет мастера, подобного ему самому; что народные собрания, не обученные дискуссиям и делам, не могут выполнять работу по управлению. Хотя теория конституции всегда заключалась в том, что народ является сувереном, он сделал так, что Сенат, который так долго практически управлял в соответствии с неписаной конституцией, теперь должен править без помех на основе статутного права; и здесь мы видим, как неписаная конституция перерастает в писаную, как у нас, британцев, в данный момент. Великим законом об измене, первым в римском своде законов, он сделал почти невозможным вызов сенату без риска политического уничтожения.

Это можно назвать реакционным, но в данных обстоятельствах это была не та реакция, на которую можно жаловаться. Жаль только, что у этого мастера-законодателя не было никого, кто был бы ему благодарен или предан, кроме его собственной армии и последователей. Его конституционное законодательство по большей части было сметено вскоре после его смерти, и оплакивать его было некому. С другой стороны, все, что он сделал, не было строго

политическим, в частности, его реорганизация того, что мы можем назвать гражданской службой, а также уголовного права и судопроизводства, была настолько очевидно прогрессивной и ценной, что никто никогда не пытался ее уничтожить; и некоторые из его законов такого рода сохранили свою силу на протяжении всей римской истории.

Сулла получил власть в 81 году до н. э., сложил ее в 79 году и умер в следующем году на своей вилле на теплом кампанском побережье, куда он отправился, чтобы предаться самообольщению и литературному дилетантизму. Здесь он написал автобиографию, несколько фрагментов которой дошли до нас в "Жизни" Плутарха - жизни, которая будет полезна читателю даже в переводе. Один из этих фрагментов всегда казался мне проливающим настоящий свет на странную натуру этого человека и на несовершенство его творчества. "Все мои самые счастливые решения, - писал он, - были результатом не рассуждений, а минутного вдохновения". Другими словами, Сулла не верил в обдумывание проблемы, и в этом он был истинным римлянином. Он надеялся совершить правильный поступок в нужный момент. Поэтому никто никогда не знал, как он поступит; никто не мог ни доверять ему, ни верить в него. Как и многие в ту и последующие эпохи, он глубоко верил в Форту: он называл себя Суллой Удачливым и дал такие же имена двум своим детям. Что именно он подразумевал под Фортуной, мы не можем сказать; но мы можем быть уверены, что это не было такое представление о силе, правящей миром, которое могло бы направить ноги государственного деятеля с пути самопожертвования в более бодрящую область высоких усилий.

ГЛАВА VII

РЕВОЛЮЦИЯ: АКТ II

Со смертью Суллы заканчивается то, что мы можем назвать первым актом римской революции. Сейчас мы находимся в самом разгаре революции в нескольких смыслах этого слова. Конституция и правительство Рима медленно, но верно меняются, и в то же время эпоха свободного и независимого города-государства в греко-римском мире подходит к концу. Оба эти изменения, как мы теперь видим, были неизбежны; без них цивилизованный мир не смог бы защититься от нашествия варваров, а Италия - объединиться в довольное целое, обладающее римским гражданством. В первом акте, как я его назвал, непосредственная опасность вторжения была предотвращена как на севере, так и на востоке, и Италия стала римской, пользуясь совершенным равенством с Римом в соответствии с огромным сводом римского права, который теперь быстро развивался.

Но, по правде говоря, эта неизбежная работа по изменению еще не была выполнена наполовину. Вскоре выяснилось, что и на севере, и на востоке необходимо установить определенную систему границ, иначе Империя будет постоянно подвергаться опасности извне. Также выяснилось, что конституция Суллы не сработает и что для эффективной защиты границ цивилизации необходимо правительство более жесткой силы, какую бы форму эта сила ни принимала. Таким образом, во втором акте Революции мы имеем два основных момента, на которые следует обратить внимание: во-первых, урегулирование границ против восточных деспотов и бродячих орд германцев; во-вторых, приобретение власти великим солдатом-государственником Юлием Цезарем и отказ от древней политики сената и народа в качестве действующей власти. А поскольку этот период революции был

также эпохой расцвета лучшей и чистейшей латинской литературы, я должен найти место для нескольких слов о Цицероне, Лукреции и Катулле.

В прошлой главе я говорил, что восточной, или греческой, части империи угрожал очень опасный враг. Это был Митрадат, царь Понта, той части Малой Азии, которая граничит с Эвксинским (Черным) морем на восток: человек гениальный и амбициозный, и его ни в коем случае нельзя считать варваром. Любопытно, что он начал свою великую карьеру с защиты греческих городов от их врагов, и возникает соблазн спросить, не мог ли он стать для греческого мира по крайней мере таким же благодетельным защитником и повелителем, как и сам Рим. Но мы должны смотреть на вещи римскими глазами, чтобы понять работу Рима в мире; мы должны думать о Митрадате, как это делали римляне в то время, как о смертельном враге как греческой свободы, так и римских интересов.

Его войска вторглись в Грецию в 87 году до н. э. и даже заняли Афины, а греческие города Малой Азии охотно подчинились ему: весь эллинский мир быстро переходил под его власть. Затем Сулла изгнал своих полководцев из самой Греции и заставил ее принять такие условия мира, которые позволили ему успокоиться на несколько лет. Но когда Сулла умер, он начал новую завоевательную карьеру, и снова римский протекторат над греческой цивилизацией был разрушен. Некоторое время казалось, что никакая сила не сможет его восстановить. Море кишело пиратами из Киликии, которые постоянно досаждали римским флотам, а добирались даже до Италии, отбирая пленников для продажи в рабство на большом невольничьем рынке на Делосе. А за Митрадатом и этими пиратами стояла другая сила, еще более грозная. Тигран, царь Армении, также расширял свои владения на юг и даже владел Сирией и Иудеей в 75 году до н. э. Если бы два царя объединили свои силы и политику, то Риму было бы практически невозможно оставаться хозяйкой восточного Средиземноморья и эллинского мира. Еще одним примером удивительной удачи Рима стало то, что этот союз так и не был прочно закреплен до слишком позднего времени.

Сенат, оставленный Суллой для управления миром, вскоре показал, что не способен понять необходимость энергичных действий на Востоке. Только в 74 году, через четыре года после смерти Суллы, они отправили действительно способного полководца с достаточным количеством войск. Лукулл, чье имя стало нарицательным для обозначения богатства и роскоши, был в расцвете сил солдатом с большими способностями, и он вскоре сломил власть Митрадата, который тут же бежал в убежище к Тиграну. Это сделало абсолютно необходимым разобраться и с этим царем; Лукулл вторгся в Армению и захватил новую столицу царя, Тигранокерту. К несчастью, он не обладал тем высшим даром великого полководца, который позволяет ему, как впоследствии и Цезарю, вести своих людей куда и когда угодно; армия взбунтовалась, отказавшись идти дальше в дикие армянские горы, самый отдаленный и грозный регион, куда еще не проникала римская армия. Лукулл был вынужден отступить.

Тогда под давлением деловых людей, терявших деньги из-за нестабильности римского владычества в Азии, сенат и народ согласились заменить Лукулла более молодым человеком, считавшимся лучшим солдатом того времени и военным учеником Суллы. Это был знаменитый Гней Помпей, известный нам под именем Помпея. В 67 году ему было поручено очистить море от пиратов, и он успешно справился с этой задачей. Теперь, обладая таким сочетанием гражданской и военной власти, какого еще не было ни у одного римлянина, он взял верх над армией Лукулла, расправился с Митрадатом и полностью разрушил империю Тиграна. Он захватил Сирию, регион между Средиземноморьем и пустыней, простирающейся до Евфрата, проник в Иудею и взял Иерусалим. Это знаменитое событие - первое в долгой и печальной истории отношений Рима с Иудеей. В Иерихоне, еще

не дойдя до святого города, он получил депешу о смерти Митрадата, о том, что сошел с арены тот, кто в течение тридцати лет был самым опасным врагом Рима.

Результатом усилий Лукулла и Помпея стало установление на Востоке пограничной системы, которая, можно сказать, продержалась до конца римской истории. Принцип ее нелегко объяснить, но если читатель возьмет карту и проведет реку Евфрат от ее истоков в западной Армении до Аравийской пустыни, а затем четко уяснит для себя, что все в пределах этой линии должно было быть либо римским, либо находиться под римским сюзеренитетом, он сможет составить некоторое представление о ее значении в истории. Должны были появиться три новые римские провинции: Понт с Вифинией на севере Малой Азии, Киликия на ее юго-восточном побережье и Сирия, прибрежная область от Киликии на юг до границы с Египтом. Но между этими и Евфратом находились два царства, Каппадокия и Галатия, а также другие, более мелкие, которые образовывали *римскую сферу влияния* там, где сам Рим еще не мог постоянно присутствовать. Какой бы несовершенной ни казалась эта система, она была достаточно прочной, чтобы распространить престиж Римской империи далеко на Восток, и великий царь Парфии за Евфратом вполне мог начать беспокоиться за свою безопасность.

При обустройстве этой пограничной системы Помпею, конечно же, пришлось учесть бесконечное количество деталей, принимать решения, передавать привилегии, заключать договоры и выдавать хартии в отношении новых и старых городов, которые составляли важнейшую часть его плана по обустройству и обороне. Все это должно было быть сделано под его личную ответственность, но для признания законности требовалась санкция Сената. Когда он вернулся домой в 62 году до н. э., он ожидал, что сенат даст такую санкцию, тем более что он только что распустил свою армию, с помощью которой он мог бы, если бы решил, обеспечить выполнение своих требований. Но сенатское правительство дошло до такого состояния имбецильности, что большинство не желало иметь ничего общего с бесценным трудом Помпея: они были завистливы, ленивы и, прежде всего, невежественны. Поэтому через год или два ему пришлось прибегнуть к помощи консула 59 года К. Юлия Цезаря, который взял на себя обязательство получить необходимую санкцию если не от сената, то от народа. Взамен Помпей должен был помочь ему получить длительное командование в Галлии, чтобы возобновить и завершить начатую Марием работу по обороне границ. В этот самый момент германский народ, суэбы, чье имя до сих пор сохранилось в современной Швабии, угрожал богатым равнинам нынешней восточной Франции, а затем, как раз когда с ними был заключен мир, галльское племя гельветов, внезапно вышедшее из своего дома в (современной) Швейцарии в поисках новых поселений или под давлением других племен за ее пределами, собиралось ворваться в римскую провинцию Трансальпийская Галлия. Но Цезарь уже выполнил свою часть работы Помпея, хотя и не без напряжения конституции; двигаясь с удивительной быстротой, которая впоследствии стала характерна для него как полководца, он достиг Женевы как раз вовремя, чтобы остановить их, а вскоре после этого победил их в великом сражении и заставил вернуться в свои дома.

Это было началом завоевательной карьеры, которая превратила славную страну, известную нам как Франция, в самую ценную часть Римской империи, а затем и в самую компактную и одаренную национальность в Европе. Какие мотивы вдохновляли Сезара на все, что он делал в течение девяти лет, проведенных там, нам не нужно спрашивать, потому что мы можем только догадываться об ответе; хотя он оставил нам свой рассказ о своих походах на простой и понятной латыни, он не решил рассказать нам о том, что все это время находилось на задворках его сознания. Амбиции, говорит поверхностный историк, желание в свое время стать тираном Рима и империи. Но мы можем считать несомненным, что Сезар, человек, чье

здоровье никогда не было крепким, не стал бы подвергать свою жизнь постоянному риску в течение девяти лет подряд, если бы он действительно все это время питал тайные амбиции, которые смерть или тяжелая болезнь могли бы в любой момент разрушить. Что он действительно любил, как и К. Гракх, так это работу - стабильную, тяжелую, никому не мешающую и имеющую перед собой определенную практическую цель. Несомненно, в его голове были и другие надежды или страхи, но этот великий практический гений, с интеллектом, характерным для римлян,^[10] хотя и более научным, чем у любого другого известного нам римлянина, всегда был сосредоточен на работе, которая находилась непосредственно перед ним, и никогда не успокаивался, пока она не была завершена к его удовлетворению.

Когда в 58 году до н. э. Цезарь поспешил проверить Гельвеция, в Галлии была только одна римская провинция - юго-восточная часть современной Франции (которая до сих пор изобилует римскими останками и надписями), а также значительный округ к западу от нее у подножия Пиренеев. Когда в конце 50 года он окончательно покинул Галлию, вся современная Франция и Бельгия были присоединены к империи, хотя еще не были разделены на провинции. Ему не потребовалось много времени, чтобы достичь нашего Ла-Манша и покорить племена на побережье; он начал письменную историю нашего острова, дважды вторгаясь на него и записывая те сведения, которые ему удалось получить о его географии и жителях. Он переправился через Рейн в Германию по мосту, построенному для него его инженерами: способ строительства этого моста сохранился в его книге, чтобы озадачить изобретательностью ученых, а также школьников. Галлы, несомненно, были поражены этими представлениями, как он и предполагал; и после одной героической попытки спасти себя от превращения в придаток средиземноморской империи им пришлось покориться. Хотя мы можем сочувствовать этим благородным усилиям в борьбе за свободу или обвинять Сезара в том, что иногда кажется ненужной жестокостью, мы должны помнить, что с этого времени страна от Рейна до океана становится великим фактором в европейской цивилизации.

Правда, в линии границы все еще оставалась брешь: как было защитить от вторжения восточный край Альп? Там, как мы видели, великий вал был ниже всего, и за ним варвары были неизвестны. Здесь река Дунай в конце концов стала границей и была тщательно соединена с рекой Рейн; но завершения великого дела пришлось ждать полвека, а пока, к счастью, не было ни вторжений, ни угроз. Именно Тиберий, впоследствии император, еще один великий солдат, с армией, почти столь же преданной своему полководцу, как и армия Сезара, после долгих упорных усилий прочно утвердил римскую власть этом регионе. С военной точки зрения Римская империя, а значит и западная цивилизация в целом, своим существованием на протяжении веков была обязана Помпею, Сесарю и Тиберию с их великолепно обученными армиями и искусными инженерами.

Вся эта работа по завоеванию и расселению не была делом государства или обусловлена старым гражданским чувством долга и дисциплины; это была работа армий, обусловленная их хорошей дисциплиной и преданностью своим лидерам. Разумеется, вполне естественно, что армии и их вожди претендовали на контроль над действиями и политикой ослабевшего государства, как уже претендовал на это Сулла. В этом, если говорить кратко, и заключается секрет грядущей римской имперской системы; так и в Англии во времена Кромвеля государство перешло в руки армии, потому что эта армия (хотя в нашем случае и на короткое время) представляла лучшие инстинкты и цели нации. Но вопрос момента заключался в том, сможет ли командующий одной из этих римских армий настолько отождествить себя и своих солдат с государством и его истинными интересами, чтобы стать средством создания

разумного и эффективного правительства для средиземноморского мира. Сулла не сумел так идентифицировать себя: у него не было ни достаточных знаний, ни достаточного сочувствия. Этот шанс был открыт для Помпея, когда он вернулся с Востока в 62 году, но он распустил свою армию и отказался от него; он был во многих отношениях ценным человеком, но он не был тем, из чего делают настоящих государственных деятелей. После долгой войны в Галлии перед Цезарем открылся шанс, и он без колебаний принял его.

Он принял его, но на самом деле ему пришлось за него бороться. В течение многих лет на его действия в Галлии в Риме смотрели с подозрением, особенно клика личных врагов во главе со знаменитым Катонем, потомком того самого Катона, с которым мы познакомились в прошлом веке. Эти люди смотрели на Сезара как на опасного для государства - и он действительно был опасен, для старой формы государства, которую ни они, ни он не могли сделать энергичной и эффективной. Они цеплялись за износившийся механизм конституции, за сдержки, вето, короткий срок пребывания на посту, за исключительное право сената заниматься постоянно растущими административными делами империи. Зная или догадываясь, что Цезарь, подобно Гаю Гракху, будет навязывать государству свою личную волю, если сочтет это необходимым, они были полны решимости не допустить его превращения в политическую силу, и они привели Помпея к тому же мнению и вооружили его военной силой, чтобы использовать ее против Цезаря - против человека, который провел лучшие годы своей жизни в неустойчивой работе на благо империи и цивилизации. В результате снова началась гражданская война; гражданская война, которую, несомненно, можно было бы предотвратить, если бы высшие аристократы, которые, подобно Катону, считали себя борцами за свободу, проявили более широкие взгляды, более великодушные чувства и дух компромисса. Свобода, за которую они боролись, на самом деле была свободой неправильно управлять империей и говорить, не действуя эффективно.

Как можно понять из обширной переписки того времени^[11], они не знали человека, с которым им пришлось иметь дело. Сезар застал их врасплох; за несколько недель он вычистил Помпея, сенат и их армию из Италии, обеспечил правительство и отправился в Испанию, чтобы обезопасить Запад, вытеснив помпеянские армии с этого полуострова. После блестящей шестинедельной кампании, замечательно описанной им самим в его труде о гражданской войне, он заставил эти армии сдаться, а затем отпустил их, как он сделал это незадолго до этого в Италии. Его милосердие застало мир врасплох не меньше, чем его полководческие способности.

Но худшее для него еще не было позади. Помпей собирал против него все ресурсы Востока и концентрировал их в Эпире с целью повторного завоевания Италии. И снова быстрота Сезара спасла его: он успел нанести первый удар, переправившись через море из Бриндизи - опрометчивая мера и помешавшая Помпею до того, как он сосредоточился. Однако здесь, стремясь довести кампанию до конца, он допустил серьезную ошибку, за которую пришлось расплачиваться поражением и отступлением на Фессалийскую равнину, где росла кукуруза. Помпей неразумно последовал за ним, вместо того чтобы вторгнуться в Италию, и здесь, в августе 48 года, был полностью разбит в битве при Фарсалии. Изможденный старый солдат бежал в Египет, где был вероломно убит одним из царских генералов. Он был достойным человеком со многими прекрасными качествами и в более спокойную эпоху вполне мог бы стать тем, кем его хотел сделать Цицерон, - гением-предводителем римского государства.

Сезару предстояло еще много войн в Египте, в Малой Азии, в Африке и в Испании против сторонников старого режима, так как ничто, что он мог сделать в порядке примирения, не могло убедить их простить ему преступление - стремление отождествить себя с государством. Тем самым они лишили его времени, которое он мог бы с гораздо большей

пользой потратить в Риме на работу по созданию эффективного правительства. Так и случилось, он смог провести дома всего несколько месяцев, когда 15 марта 44 года до н. э. был убит на заседании сената у подножия статуи Помпея небольшой группой убийц, некоторые из которых были его близкими друзьями. Они считали, что он находится на пороге видимого деспотизма, и у них были некоторые основания для такого подозрения, хотя, скорее всего, это было заблуждение. Убить тирана, считали они, значит совершить благородное дело в истинно древнеримской манере. Так же думали и убийцы Гракхов.

Из того немногого, что мы знаем о реформах, на которые у Цезаря было время, мы можем, что эти заблуждавшиеся убийцы совершили печальную ошибку. Законодательная деятельность Цезаря была фрагментарной, но каждый ее пункт свидетельствует об уме и политической проницательности. Он не пытался черным по белому начертать новую конституцию; он занимался государственным управлением в основном сам, и мы не знаем, как он собирался обеспечивать его после своей смерти. В самом важном вопросе - приспособлении империи к внутреннему правительству, и особенно в подчинении губернаторов провинций центральной власти - он предвосхитил имперскую систему будущего: он сделал себя центральной властью, перед которой губернаторы должны были нести ответственность. Другой важнейший вопрос управления, касающийся власти и состава сената, он решил, увеличив число сенаторов до 900, как того хотел Гай Гракх, и тем самым уничтожив власть старых узких олигархических клик. Но, пожалуй, лучше всего его практическая мудрость видна в его экономическом законодательстве для Рима и Италии. Он был первым государственным деятелем, попытавшимся сдержать чрезмерный избыток рабского труда; он также первым заложил основы разумного закона о банкротстве. Он регулировал поставки кукурузы в город и сократил число получателей кукурузных долей до половины от того, что было в последнее время. Кроме того, он установил общие правила для квалификации кандидатов на муниципальные должности в Италии и организовал проведение переписи во всех городах каждые пять лет, записи которой должны были храниться в Риме. Казалось бы, он намеревался довести процесс предоставления гражданства Италии до естественного завершения: ведь он не только завершил его, распространив на Альпы, чего еще никогда не было сделано, но и вышел за пределы Италии, предложив свободное гражданство как галлам, так и сицилийцам.

Были предприняты попытки изобразить Сезара чуть ли не больше, чем человеком; а в последнее время против него снова возникла не менее абсурдная реакция, когда его стали презирать как слабого, но удачливого оппортуниста. Поскольку у нас есть его собственные военные труды, жизнь Плутарха, несколько писем, написанных им или адресованных ему, и бесчисленные упоминания о нем в современной литературе, мы должны быть в состоянии составить о нем некоторое справедливое представление. Как человек, который большую часть жизни знакомился со всеми этими материалами и многими другими, менее ценными, я без колебаний утверждаю, что Сезар был единственным человеком своего времени, действительно одаренным *научным интеллектом* - способностью видеть факты перед собой и согласовывать свои действия с ними. Этот интеллект в сочетании с огромной силой воли сделал его хозяином Римской империи; и хотя его характер отнюдь не был идеальным, он, похоже, использовал свое владычество не как капризный восточный деспот, а с настоящим чувством ответственности. Человек, сочетающий в себе качества умного государственного деятеля в плохие времена с великодушным нравом, хорошим вкусом и ученостью, несомненно, заслуживает того, чтобы о нем думали как о совершенно необычном. В шекспировском изображении, взятом из биографии Плутарха и представляющем лишь два последних дня его жизни, он кажется слабым телом и чрезмерно властным духом, и, вероятно, драматург хотел казаться таким в своих собственных целях. Но

едва убийцы расправляются с ним, как истинное величие этого человека начинает давать о себе знать и внушается нам страница за страницей до конца пьесы, которой действие, можно сказать, держится на идее ужаса и бесполезности их поступка.

До сих пор в этой и предыдущей главах я рассматривал эту эпоху как эпоху действия. Она действительно полна человеческой активности, несмотря на лень правящего класса в целом. Но эта активность проявлялась не только в войне и политике; это также век великих поэтов и настоящих литераторов. Я должен сказать пару слов о двух величайших поэтах, Лукреции и Катулле; но среди литераторов выделяется один, намного превосходящий всех остальных, чья жизнь и гений потребовали бы длинной главы для объяснения. Превосходство Цицерона нелегко понять даже после долгого изучения его объемных трудов: тем не менее я должен попытаться объяснить, что он был одним из величайших римлян.

О Лукреции нам не суждено знать ничего, кроме его поэмы в шести книгах "О природе вещей". Но имя его - римское, а поэма имеет истинно римскую особенность - быть по сути практичной в своей цели. Эта цель покажется необычной тем, кто не знаком с греческой и римской культурой этого века. То, что пробудило страсть поэта в уме этого человека, было просто желанием освободить других, как он освободился сам, от оков суеверия, или, как он его называет, *религии*; заставить их отказаться от иллюзорной мечты о жизни после смерти, отречься от старых историй о мучениях в Аиде и всех глупых легенд о богах, которые, по его мнению, не имели никакого интереса к человеческой жизни. Все это, конечно, было заимствовано из греческой философии, доктрины эпикурейской школы, но ни один грек не вкладывал в свое вероучение такой страсти, как Лукреций. Временами его поэзия почти напоминает нам величие и авторитет древнееврейских пророков, настолько горячо он верил в свое собственное вероучение и в свою миссию навязывать его другим. Как бы ни была неотесанна и суха его речь - ведь ему приходится объяснять эпикурейскую теорию мироздания, известную науке до сих пор как атомная теория, - время от времени он разражается великолепными строфами, в которых виден горящий внутри разум. Вот один из примеров: он должен быть написан в прозе, поскольку ни один стихотворный перевод не кажется адекватным

"Что у тебя, о смертный, так сильно в сердце, что ты так долго предаешься тошнотворным печалям? Зачем оплакивать смерть? Ведь скажи, что жизнь твоя, прошедшая и ушедшая, была желанной для тебя, и что твои блага не все, словно вылитые в решето, протекли и пропали без пользы: почему бы тогда не принять твой уход, как гость, исполненный жизни, и с покорностью, глупец, вступить в нетрудный покой? Но если все, чем ты наслаждался, растрчено и потеряно, и если жизнь - это обида, зачем стремиться к прибавлению, ... почему бы не покончить с жизнью и муками? Ибо нет ничего, что я мог бы придумать или открыть для тебя, чтобы доставить тебе удовольствие: все вещи всегда одинаковы" (iii. 933 и далее).

Другой поэт, Катулл, не был римлянином по происхождению, но, как и многие литераторы этого и последующих веков, был итальянцем из бассейна реки По. У него не было никакой практической цели писать стихи: он просто писал, потому что не мог не писать, о себе, о своих друзьях и о своей любви. Его вдохновляло прежде всего собственное "я", и оно по-прежнему интересует нас. В зависимости от его настроения, то свежего от счастья художника, то омраченного гневом или самовнушением, его стихи изысканны или отталкивающи; но это всегда правдивая и честная лирика, и интересна она тем, что полна жизни и страсти. Катулл - один из лучших лирических поэтов мира. Вот одна из его жемчужин.

"Есть ли наслаждение, есть ли утешенье сладостное

Допустим, Кальвус, к безмолвной могиле,

Сколько б мы ни повторяли печальных историй,

Тоскуя о воспоминаниях, которые мы хотели бы сохранить?

Знай. От любви и дружбы, если слеза

Сможет в тишину пробиться,

Квинтилия чувствует, что безвременная смерть не так тосклива,

И слышит о любви, что еще может благословить".

Катулл, хсvі. (по С. Т. I).

Наконец, мы переходим к литератору, который дал свое имя этому периоду литературы, который действительно черпает больше половины своего интереса из него и из его произведений. Марк Туллий Цицерон был итальянцем, и в его характере было мало римского; он был родом из города Арпинум, расположенного среди предгорий Апеннин примерно в шестидесяти милях к юго-востоку от Рима. Он пробился в римское общество благодаря своим социальным и разговорным способностям, а также способности к дружбе, а в сферу политики - благодаря своему великому ораторскому дару, который теперь был незаменим для государственных людей. Будучи "новым человеком", он никогда не был вхож в высшую аристократию, но, несмотря на это, у него было много друзей, и он считал среди них всех великих людей своего времени, включая Сезара и Помпея. Его лучшим и верным другом, который работал на него всю жизнь с неустанной заботой, был деловой человек, стоявший вне политики, Помпоний Атик; из писем Цицерона к этому верному другу и советчику сохранилось около четырехсот, доказывающих реальность этой пожизненной преданности. Сохранилось также около пятисот писем к другим корреспондентам и от них, и вся коллекция представляет собой самый увлекательный отчет о жизни и мыслях великого человека, дошедший до нас из классической древности.

С тех пор как Моммзен написал свою знаменитую *"Историю Рима"*, в которой он почти не упоминается, Цицерона часто презирали как неглубокого мыслителя, черпавшего все свое вдохновение в греческих оригиналах, и как слабого государственного деятеля, блиставшего только как оратор. Действительно, во многом, что написал Цицерон, не хватает *смелости*: он был ребенком своего века, не уставал писать и говорить, не привык к глубоким размышлениям и редко действовал с независимой энергией. Но у него есть два права на благодарность потомков, которые никогда не должны быть забыты. Во-первых, он превратил латынь в самый совершенный язык прозы, какой только знал мир. Отголоски его прекрасного стиля можно услышать спустя столетия в латинских отцах христианства, особенно в Святом Августине и Лактанции, и они по-прежнему слышны в лучших французских и итальянских прозаиках наших дней. Во-вторых, из всех римлян Цицерон лучше всего известен нам как индивидуальный человек, и мало кто из тех, кто имел возможность по-настоящему познакомиться с ним, может не полюбить его так, как любили его друзья. Он не был тем человеком, из которого делают сильных государственных деятелей; он слишком зависел от поддержки и одобрения других, чтобы вдохновлять людей на ревностное отношение к делу - особенно к проигрышному делу. Его собственное консульство было блестящим, потому что он смог объединить лучшие элементы государства в борьбе за порядок против анархии - анархии, которая угрожала самому существованию

Рима как города; и в конце своей жизни он продемонстрировал ту же способность использовать сильную комбинацию с пользой для дела на политическом поприще. Но он не был настолько сильного роста, чтобы наметить собственную линию, и в некоторые несчастливые моменты его жизни его слабость способна вызвать у нас жалость, если не презрение.

Но при всех своих недостатках Цицерон - один из лучших и величайших римлян. Его дарования были богаты, и он хорошо их использовал. Мы знаем его как человека чистой жизни в нечистый век и как того, кто никогда не использовал свои дары или возможности, чтобы причинить вред другим, будь то политические враги или беспомощные провинциалы. Мы также знаем его как верного мужа и преданного отца. И, наконец, мы знаем, что он не был лишен мужества, когда убийца настиг его - последнего из длинного списка великих людей той эпохи, погибших насильственной смертью.

ГЛАВА VIII

АВГУСТ - ВОЗРОЖДЕНИЕ РИМСКОГО ДУХА

Смерть Юлия Цезаря, казалось, вновь погрузила мир во тьму. Мы имеем достаточно свидетельств всеобщего чувства ужаса и отчаяния - отчаяния, которое трудно осознать в наши дни, когда устоявшееся и упорядоченное правительство избавляет нас от серьезной тревоги за свою жизнь и имущество. Власть перешла в руки гораздо более беспринципного человека, чем Сезар, - Марка Антония из пьесы Шекспира; но у него был соперник в лице племянника и приемного сына Сезара, впоследствии известного как Август. Разумеется, последовала гражданская война: сначала война между ними и убийцами Юлия, а затем война между двумя победителями. Антоний, который в результате раздела империи захватил восточную половину и женился на Клеопатре, прекрасной царице Египта, был разбит в морском сражении при Актиуме: империя снова стала единой, и надежда зародилась вновь.

Вместо того чтобы следить за меланхоличной историей этих лет (с 44 по 31 год до н. э.), давайте попытаемся осознать необходимость полного изменения сознания людей и способов управления, если мы хотим сохранить Римскую империю, а вместе с ней и средиземноморскую цивилизацию. Лучше всего это можно сделать, узнав кое-что о двух людях, которые, как никто другой, способствовали этим переменам: Вергилия, величайшего из римских поэтов, и Августа, самого удачливого и проницательного из римских государственных деятелей. Август положил начало новой системе правления, основанной, несомненно, на идеях Юлия, которая просуществовала, постепенно развиваясь, до пятого века нашей эры. Вергилий, поэт нового римского духа, сохранил этот дух в Средние века, и, правильно прочитанный, он сохраняет его до сих пор перед нами.

Если бы Вергилий жил в обычную эпоху, когда течение событий было ровным и спокойным, он мог бы стать великим поэтом, но вряд ли одним из величайших в мире. Но он жил в кризисный момент истории цивилизации, и он был призван внести в него свою лепту. За столетие до написания его книги единственным великим фактом в мире был чудесный рост римского владычества. Когда он родился, за семьдесят лет до начала христианской эры, Рим был единственной великой цивилизованной державой, а несколько лет спустя казалось, что у него нет ни одного варвара-соперника, который мог бы угрожать ему, кроме парфян далеко на Востоке. Римлянин был повсюду, воевал, торговал, правил; ничего важного нельзя было сделать без мысли - что на это скажет Рим?

Но как раз в то время, когда Вергилий становился мужчиной, стало очевидно, что эта великая держава, как мы видели, на самом деле находится на грани распада. Она отказалась

от справедливости и долга и предалась жадности и удовольствиям. Ее правительство было хищным: она высасывала жизненную кровь из народов. Она утратила свои прежние добродетели - самопожертвование, чистоту семейной жизни, благоговение перед божественным. Правители мира утратили чувство долга и дисциплины; они были разделены на враждующие политические группировки и ощутили горечь гражданской войны, в которой люди хладнокровно убивали друг друга почти ради убийства. Но благодаря сильной руке и великодушному нраву Юлия Цезаря многим, должно быть, казалось, что наступают лучшие времена, и среди них был молодой поэт из Мантуи под валом Альп.

Никто из тех, кто хорошо знает стихи Вергилия, не сомневается, что все его надежды на себя и свою семью, на Италию и Империю были связаны с родом Цезаров. Субальпийский край, в котором он родился и вырос, в течение десяти лет его детства и юности находился под личным правлением великого Юлия и поставлял ему цветы той знаменитой армии, которая покорила сначала Галлию, а затем весь мир. Не исключено, что своим положением римского гражданина поэт был обязан просвещенной политике Цезаря. Даже сейчас мы не можем без ужаса читать великолепные строки, в которых он описывает затмение солнца и скорбь всей природы, когда великий человек был убит так называемыми патриотами.^[12] К таким патриотам, к алчной республиканской олигархии, он не мог испытывать никакой симпатии, и в его стихах нет ни малейшего следа этого. Когда во время гражданских войн, последовавших за убийством, его выгнали с родовой фермы под Мантуей, чтобы освободить место для солдат-ветеранов, он был обязан ее восстановлением хозяину этих солдат, второму Цезарю, которого отныне он считал не только своим защитником и другом, но и единственной надеждой империи.

Этот младший Цезарь, племянник и приемный сын Юлия, хотя и не был великим воином или героем в любом смысле, все же принадлежал к тем редким людям, которые учатся мудрости в невзгодах и используют ее для преодоления страстей и насилия в себе и других.

Постепенно он пришел к пониманию того, что Италию и весь мир нельзя спасти от несчастья и отчаяния только войной и сильным правительством. Он понял, что единственное, чего не хватало Сулле, - это верности: верности себе и вере в свою миссию, верности Риму и Италии и вере в их миссию в мире. Уверенность в нем и в судьбе Рима могла породить в умах людей надежду на будущее, новое самоуважение, почти новую веру. Разделенный и подавленный, он хотел поставить перед ними новые идеалы и заставить их преданно помогать ему в реализации этих идеалов. Экономически, морально, религиозно Италия должна была подняться к новой жизни в эпоху мира и справедливости.

Это может показаться слишком грандиозным идеалом для такого человека, как Август Цезарь, который (как я уже говорил) не был героем и уж точно не был философом. Но не менее верно, что он понимал, что "мир имеет свои победы не менее известные, чем война", и что его собственное убеждение, основанное, возможно, на пронизательных политических доводах, вдохновило его поэтов и историков провозгласить новый век мира и процветания. В той или иной мере все они созвучны его идеям. Их темы - слава и красота Италии, величие Рима, божественная сила, которая дала ей право править миром, и история того, как она осуществила это право. Но как Вергилий - величайшая фигура в этой группе, так и его "*Энеида*" - величайшее произведение, в котором эти идеи увековечены. Римская империя исчезла, древний город, вознесшийся в новой великолепии при Августе, разрушился; но "*Энеида*" остается единственным вечным памятником той эпохи новых надежд.

Говорят, что сам Август предложил поэту тему "*Энеиды*". Если это так, то это было характерно для человека, который использовал любую возможность расширить свою славу и влияние, не навязывая их своему народу. Если поэма должна была быть написана на великую тему

возрождения Рима и Италии, то героем ее, конечно, не мог быть ни сам Август, ни даже Юлий: политическое и художественное чувство не позволяло. Но герой должен быть, и он должен быть помещен не в горящий свет политики сегодняшнего дня, а в тусклую даль прошлого. Такой герой был найден в мифическом предке рода Юлиев, Энее, сыне Венеры и Анхиза. Легенда, знакомая образованным римлянам, рассказывала, как этот троянский герой, чья личность описана у Гомера, скитался по морям после падения Трои и наконец высадился в Италии; как он покорил дикие племена, обитавшие тогда в Лациуме, принес мир, порядок и цивилизацию и стал по воле судьбы основателем великой карьеры Рима. Его сын Иулус, чье имя, по мнению Юлиев, они носили, был, согласно легенде, основателем города, из которого возник сам Рим; таким образом, род Цесарей, спасение Италии от варварства и основание Вечного города можно было связать с историей троянца Инея. Здесь был герой, тип, антитип которого можно было найти в Августе.

Так "*Энеида*" стала великой национальной и великой имперской поэмой. Она создала национального героя, наделила его лучшими чертами его расы, и особенно тем чувством долга, которое римляне называли *pietas*: вот почему она стала великой национальной поэмой. Она связала его со знаменитыми историями Греции и Трои и пророчески сделала его предком человека, спасающего империю от гибели: вот почему она стала великой имперской поэмой. Замысел был благородным, и Вергилий поднялся до его воплощения. Хотя у "*Энеиды*" есть недостатки, которые для современного читателя умаляют общий эффект, но всякий раз, когда поэт обращается к своей великой теме, его тон - это тон полного органа. Даже в переводе, хотя он и не может ощутить колдовство волшебного прикосновения Вергилия, читатель может распознать и приветствовать повторение этой великой темы и узнать, как ее обработка сделала поэму вторым великим эпосом в мире. Она мгновенно завладела умами римлян; на нее стали смотреть почти как на священную книгу, ее любили и почитали как христианские отцы, так и языческие ученые. Италия подарила миру две величайшие поэмы, когда-либо написанные: "*Энеиду*" Вергилия и "*Божественную комедию*" Данте, в которой младший поэт взял воображаемую фигуру своего предшественника в качестве проводника и учителя в своем путешествии по сценам неземного мира.

Но теперь мы должны оставить поэзию ради фактов и действий и попытаться получить некоторое представление о той работе Августа, которая заложила прочный фундамент новой имперской системы; системы, реликты которой мы, современные, не только видим до сих пор вокруг нас, но и во многом бессознательно ощущаем ее влияние. После смерти Юлия Август успел понять, что работа, которую ему предстоит проделать, будет в основном состоять из двух больших отделов: (1) Рим и Италия должны быть лояльными, довольными и мирными; (2) остальная часть империи должна управляться справедливо и эффективно. К этому следует добавить, что вся империя должна вносить свой вклад, каждая часть в должной пропорции, в свою собственную оборону и управление, как путем уплаты налогов, так и военной службой.

1. Город Рим с полумиллионным населением, принадлежащим ко всем расам и степеням, до сих пор доставлял Августу постоянное беспокойство и пользовался гораздо большей властью в империи, чем полагалось такому смешанному и праздному населению. Он понимал, что это население необходимо хорошо контролировать и побуждать к поддержанию порядка, насколько это возможно; что оно должно быть вполне комфортным, не подвергаться риску голодной смерти, верить в добрую волю своих богов и наслаждаться обилием развлечений. Прежде всего, он должен верить в себя, чтобы быть верным своей политике. Когда он вернулся в Рим после разгрома Антония и Клеопатры, римляне уже были

настроены верить в него, и он сделал все возможное, чтобы сделать их постоянными и свободно лояльными. Он разделил город на новые участки для полицейских целей и набрал из свободного населения отряды "стражников"; восстановил храмы и жречество, возвел множество приятных и удобных общественных зданий (что, кстати, дало много рабочих мест), организовал поставки кукурузы и воды и поощрял общественные увеселения своим собственным присутствием на них. Он заботился о том, чтобы никто не голодал, не испытывал неудобств, не роптал и не бунтовал.

Но, с другой стороны, он не хотел, чтобы это разношерстное население продолжало оказывать чрезмерное влияние на дела империи. Правда, он вернул им свободное государство (*respublica*), и в городе можно было увидеть магистраты, сенат и собрания, как и при Республике. Но жители города отныне не обладали большой политической властью. Консулы и сенат, правда, далеко не бездействовали, но собрания для выборов и законодательства вскоре перестали быть реальностью. На выборах теперь нельзя было получить деньги за голос, а в законодательстве "народ" довольствовался одобрением мудрости Августа и его советников. В начале следующего царствования почти все эти дела можно было передать в руки сената, и римский народ не возражал. Учитывая, что они составляли лишь малую часть свободного населения империи, так и должно было быть; остальные граждане не могли использовать свои голоса вдали от Рима, а сенат и *princeps*^[13] (так называли Августа и его ближайших преемников) представляли интересы империи гораздо лучше, чем толпа избирателей.

О деятельности Августа в Италии мы, к сожалению, знаем очень мало, но то, что нам известно, показывает, что он действовал по тем же принципам, что и в городе. В Италии стало безопасно и комфортно, и теперь она была свободна от всех военных беспорядков на длительный период. Разбойничество было подавлено, дороги отремонтированы, сельское хозяйство и деревенская жизнь всячески поощрялись. Книга по сельскому хозяйству, написанная еще в ранние годы Августа, хвастается процветанием сельской Италии, а поэма Вергилия о земледелии полна любви и восхваления итальянской жизни и пейзажей. Вот один из примеров.

"Но нет, не Меделанд с его богатством лесов,

Ни Ганг, ни Гермус с золотым илом,

Не сравнится с похвалой Италии.....

Здесь цветет вечная весна, и лето здесь

В месяцы, что не лето; дважды пасутся стада:

Дважды древо дарит плоды свои.

.....

Отметьте также ее города, столь многочисленные и столь гордые,

В труде могучем, город за городом.

На изрезанных обрывах, вознесенных вверх,

И реки, скользящие под древними стенами"^[14].

2. Мирное положение Рима и Италии позволило Августу лично заняться более важной работой по организации остальной части империи. Он застал ее в состоянии хаоса, почти

такого же, как в Турецкой империи в наше время. Он оставил после себя крепко сколоченный союз провинций и зависимых королевств, сгруппированных вокруг Средиземноморья, который еще долгое время служил двум ценным целям. Во-первых, он защищал средиземноморскую цивилизацию от нападения варваров - самое ценное, что сделала для нас (как я уже говорил в первой главе) римская организация. Во-вторых, она дала свободную возможность для развития той просвещенной системы права, которая стала другим главным даром Рима современной цивилизации. А еще, хотя и без всякой цели со стороны правительства - а может быть, и вопреки его упорному сопротивлению, - это сделало возможным быстрый рост христианства в течение последующих полувеков, которое захватило большие города и основные линии коммуникаций, чтобы распространиться среди народных масс.

Август мог делать всю эту работу за пределами Италии вполне легально и как слуга государства. Ему удалось отождествить себя, свою семью и все свои интересы с государством и его интересами так, как Сулле и не снилось, а Юлию Цезарю и вовсе не удалось. Восстановив свободное государство, он разделил работу правительства с сенатом и магистратами, и в этом разделении он позаботился о том, чтобы весь спектр того, что мы должны назвать императорскими и иностранными делами, перешел к нему, с единоличным командованием армией. Таким образом, он становился верховным правителем всех провинций на границах или вблизи них, назначал их губернаторов и держал их в подчинении. Если на границе начиналась война, ее вели его лейтенанты, под его *imperium* и покровительством. Вести войну за свой счет губернатор больше не мог, так как по новому строгому закону это считалось государственной изменой. Безопасность империи, и особенно пограничных провинций, зависела от армии, и теперь армия была вновь отождествлена в интересах Августа с государством.

Но, конечно, подобная система не могла работать сама по себе; за ней нужно было постоянно присматривать. Август хорошо это понимал, а также знал, что сам не сможет ни создать ее, ни продолжать заботиться о ней. К счастью, он нашел действительно способного и верного помощника в лице Агриппы, опытного солдата и организатора, который до самой своей смерти в 12 году до н. э., в самые благополучные годы правления Августа, умел отождествлять собственные интересы с интересами своего друга и государства. Они прекрасно работали вместе и находили время для поездок по всей империи, усердно занимаясь обустройством всевозможных поселений и проводя военные операции там, где они были крайне необходимы. Это была та же работа, но в гораздо большем масштабе, что и у Помпея после его завоеваний на Востоке: основание новых городов и урегулирование статуса старых: заключение договоров с царями и вождями: улаживание деталей финансов, землевладения и так далее. Отметим два важных момента во всей этой организационной работе, которые помогут показать, насколько серьезно Август относился к задаче сварить империю в реальное единство и управлять ею на рациональных принципах.

Во-первых, он впервые (хотя, как говорят, Юлий уже задумывался об этом) провел полное обследование, или *перепись*, как называли ее римляне, всех материальных ресурсов империи, чтобы выяснить, какие налоги должны платить все ее свободные жители для государственных нужд. При Республике такого обследования никогда не проводилось, и в результате открывались широкие возможности для несправедливого налогообложения и вымогательства со стороны коррумпированных чиновников. Теперь же каждый дом, поле и дерево были должным образом оценены ответственными чиновниками, так что несправедливые поборы можно было легко обнаружить. Благодаря точному ведению счетов правительство могло определить, какие суммы оно должно получить и сколько потратить; мы

знаем, что на внешнюю политику Августа сильно влияли подобные финансовые соображения. Он сам вел своего рода ежегодный баланс, а его преемник нашел дела империи в идеальном порядке.

Во-вторых, каждая провинция впервые обрела некое корпоративное существование и стала чем-то большим, чем военное командование римского магистрата. Совет провинции собирался раз в год в главном городе и решал определенные дела. Правда, это не давало провинции никакой меры реального самоуправления, но давало некоторые полезные результаты, и не исключено, что Август намеревался, чтобы за этим последовало нечто большее. Собрание провинциального совета приводило каждую провинцию в прямой контакт с правительством страны и, в частности, давало возможность подать жалобу на своего правителя, если он был непопулярен и деспотичен. И одной из самых интересных особенностей этих советов было то, что у них было собственное богослужение, призванное, несомненно, приглушить блеск местных и племенных культов и держать идею Рима и его правителей постоянно перед мысленным взором провинциалов. Божественными объектами поклонения были сам Август или его Гений в сочетании с новой богиней Ромой. Самый известный пример такого поклонения можно найти в Лугдунуме (ныне Лион), где в месте слияния Роны и Саоны стоял алтарь, посвященный Риму и Августу и служивший религиозным центром для трех провинций, на которые Август разделил огромную территорию галльских завоеваний Юлия.

Хотя его целью, несомненно, был мир, Август, конечно, не мог полностью избежать войны на своих границах. Он не смог бы окончательно установить границу по линии Дуная, что было самым ценным военным делом его времени, без войн, которые были и долгими, и опасными. Было совершенно необходимо прикрыть Италию с северо-востока, где перевалы через Альпы низкие и сравнительно легкие, а также оградить греческий полуостров от нападения диких племен к северу от него. Я уже упоминал о великой работе Тиберия (пасынка Августа) в этом квартале, которая характеризует его как третьего из великих полководцев, спасших для нас цивилизацию Средиземноморья. В свое время Август думал продвинуть границу от Рейна до Эльбы и таким образом соединить Эльбу и Дунай в одну непрерывную линию обороны. Но этот план требовал включения всей Германии к западу от Эльбы в состав Римской империи, и вскоре выяснилось, что германцев не превратить в римских провинциалов без длительной борьбы, на которую у Августа не было ни денег, ни желания. Так граница вернулась к Рейну, а Рейн и море обозначили римскую границу на севере и западе, пока Клавдий, третий преемник Августа, не присоединил наш остров, точнее, его южную часть, к империи в 43 году н.э.

На Востоке Август сумел обойтись без войны, доверившись, и справедливо, огромному авторитету, который он завоевал, победив Антония и Клеопатру и присоединив древнее царство Египет. Его слава дошла до Индии и, возможно, даже до Китая, вместе с караванами купцов, которые тогда, как и сейчас, проходили по постоянным маршрутам из Сирии и Египта на Дальний Восток. Мы, англичане, знаем, что может сделать *престиж* среди восточных людей; это слово часто было в опале, но оно означает, что есть способы избежать войны, не отказываясь от справедливых претензий на влияние. Август сумел, опираясь на свой престиж, сохранить почетный мир с парфянами и армянами, граничившими с империей по линии Евфрата, и его преемники тоже сохранили бы его, если бы всегда следовали его политике. Тиберий, его верный ученик и преемник, действительно следовал этой политике и проявил непревзойденное мастерство в ее проведении.

Упоминание о Тиберии, который в конце своей долгой жизни стал преемником Августа, заставляет сказать несколько слов о слабом месте новой системы, которое должно было

доставить некоторые неприятности в будущем. Как должно было осуществляться престолонаследие? Август не создавал новую конституцию, он лишь прикрепил свою власть к старой республиканской. По крайней мере, он хотел, чтобы его положение было понято, и поэтому тщательно описал его в записи своих деяний, которую оставил после себя, выгравировав на стенах большой гробницы, которую он построил для себя и своей семьи. По своему достоинству и значению он хотел считаться первым гражданином; это он выразил словом *Princeps*, то есть первый человек в государстве; именем Augustus, которое наводило римское ухо на мысль о религиозной святости; почетным титулом *pater patriæ* (отец своей страны) и другими способами. Реальная власть в его руках опиралась и гарантировалась армией, в которой его *imperium* делал его (как бы это сказать) главнокомандующим; но армия находилась на границах, выполняя долг империи, практически невидимый для римлянина и итальянца. Таким образом, его *imperium*, хотя и мог легально использоваться в Италии, был прежде всего военной властью, необходимой для охраны границ. Для итальянцев вполне могло показаться, что Свободное государство сохраняется и что никакой новой постоянной власти не было создано; хотя греки и иностранцы могли быть, да и были, более проникательными в том, что произошло на самом деле.

Но когда Август умер в 14 году н. э., как должна была осуществляться преемственность? Да и нужно ли было вообще престолонаследие - не лучше ли было бы позволить государству снова перейти в руки сената и народа? Последний вариант был единственно логичным, и именно этот план был принят в действительности. Должность, подобная той, что занимал Август, не могла перейти к преемнику, если только государство в своей старой конституционной форме не решило назначить такого преемника с теми же полномочиями, что и у Августа. К этому, однако, следует добавить (и это хорошо показывает реальные изменения, произошедшие в результате долгой революции), что никакой выбор сената и народа не мог быть правильным, если не было получено согласие армии.

Разумеется, Август все это учел и разработал свои собственные планы. Он выбрал бы члена своей собственной семьи, то есть того, кто унаследовал имя и славу Сезара по крови или усыновлению, усыновил бы его как сына (ведь своего сына у него не было), сделал бы его своим наследником, связал бы его, насколько это возможно, со своим собственным достоинством и властью и таким образом обозначил бы его как естественного наследника принципата. В этом случае сенату или армии было бы трудно отказать ему; дальше этого Август не мог пойти. Ему не везло, он терял одного за другим молодых людей, которым предназначал преемника, и в конце концов ему пришлось остановиться на пасынке Тиберии: отличном солдате, как мы уже видели, честном и способном человеке, но сдержанном и даже угрюмом, с которым у проникательного и гениального Августа было мало общего.

Когда Август умер, наступил тревожный момент. Не было никаких причин, чтобы княжество принадлежало только семье Сезаров, и не было никаких причин, кроме целесообразности, чтобы вообще иметь *принцепса*. Но, в конце концов, воля умершего правителя возобладала, и Тиберий без сопротивления занял свое место; сенат принял его, как было ясно указано Августом, и армия не вызвала никаких затруднений, хотя его племянник Германик Цезарь был молод, популярен и фактически командовал армией на Рейне. Слышались насмешливые голоса, и на протяжении всего своего двадцатитрехлетнего принципата Тиберий был вынужден терпеть постоянное раздражение со стороны старых республиканских семей, но реальных попыток поссорить его с принципатом как институтом Римского государства не было.

Я подробно остановился на этом вопросе, чтобы показать, каким необычным творением было княжество Августа. Провозгласить монархию прямо было бы, вероятно, смертельно опасно; взять всю работу на себя - значит оставить старые правящие семьи бездействующими и недовольными; с другой стороны, выполнять необходимую работу в качестве ежегодно избираемого магистрата, согласно старой практике, было явно невозможно. Избрание жителями римского города имело бы мало силы в глазах империи, а именно эту империю в целом Август и хотел представлять. Выбранный им курс показывает его проницательным, наблюдательным, тактичным дипломатом, если таковой вообще существовал. Это не тот человек, чей характер вызывает у нас симпатию или энтузиазм; он не вызывает у нас восхищения, как К. Грахх или Сезар; но по сути он был тем человеком, который подходил для своего времени.

Именно ему мы во многом обязаны славой "века Августа" с его поэтами, историками и художниками; Именно "августовский мир", поощрение и покровительство Августа позволили Горацию написать свои совершенные стихи и добродушные комментарии к человеческой жизни, Овидию - излить обильный поток прекрасных стихов, Тибуллу и Проперцию - воспеть итальянскую страну, ее божества и праздники, а Ливию, величайшему из римских историков, - сделать в благородной прозе то, что Вергилий сделал в благородных стихах, - вдохновить римлян и итальянцев на восторженные рассказы о великих деяниях их предков. Но мир обязан Августу еще большим долгом, чем этот; ведь он заложил надежный фундамент имперской системы, достаточно прочной, чтобы сохранить для нас, сквозь века опасностей, бесценные сокровища греко-римской цивилизации.

ГЛАВА IX

ЖИЗНЬ В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Теперь, когда мы увидели, что Империя была сравнительно надежно защищена Августом и встала на путь развития на, казалось бы, рациональных принципах, давайте сделаем паузу и попытаемся получить некоторое представление о социальной жизни, протекающей внутри нее: исключая город Рим, который уже не имел прежнего первостепенного значения. Как жили и чем занимались жители Империи в первые два века нашей эры?

Первое, в чем следует убедиться, - это то, что эта жизнь была в основном жизнью в городах. Римская политика всегда благоприятствовала сохранению существующих городов, за исключением редких случаев, когда они считались слишком опасными. Карфаген и Коринф были разрушены Римом именно под этим предлогом, но Юлий Цезарь основал их заново, и теперь они начали долгую и энергичную городскую жизнь. На Востоке, где было много городов-государств, Рим сохранял и украшал их или строил новые, как это сделал Помпей после сокрушения Митрадата и Тиграна. На Западе, в Галлии и Испании, где их вообще не было, она основала несколько и удивительно мудрой политикой способствовала естественному росту других. Население этих западных провинций жило в основном в своеобразных деревнях, разбросанных по территории, которую мы можем назвать кантоном, часто, возможно, таким же большим, как современное английское графство. Римская политика заключалась в том, чтобы либо основать город, который служил бы центром кантона, и наделить его магистратами и сенатом по римскому образцу: либо дать кантону сенат и магистратов и оставить его развивать свой собственный город-центр.

Эта политика очень хорошо демонстрирует гений Рима, позволяющий цивилизовать, или романизовать, не разрушая при этом группы и привычки людей, которых нужно было цивилизовать, или романизовать. Старая племенная (или кантональная) система сохранилась, и ее должностными лицами были вожди старого населения; но теперь они

носили римские имена, *duoviri, quæstores* и так далее, и заседали в собрании, называемом *ordo-i.e. senate*. Если сразу не был основан город, в котором можно было бы вести дела кантона, он обязательно вырастал сам собой. Чисто сельская местность, где люди живут только в деревнях, противоречила римским интересам и традициям; она была неудобна для сбора налогов и не давала тех возможностей для культуры и развлечений, которых искал римлянин, отправляясь в путешествие или поселяясь в провинции. Провинциалы, таким образом, становились более счастливыми и довольными; городская жизнь значительно способствовала их цивилизации, привлекая из деревень людей получше и побогаче.

Чтобы помочь нам осознать этот городской характер римской провинциальной жизни, мы можем сравнить ее с жизнью наших соотечественников в Индии в наши дни. Индия - в основном сельская страна, и подавляющее большинство ее жителей живут на земле и обеспечивают себя за счет сельского хозяйства. Только около 30 000 000 человек живут в городах, в то время как в сельской местности их насчитывается 235 000 000, а несколько крупных городов являются скорее промышленными и торговыми центрами, чем местами культуры и развлечений. Экономической единицей Индии является деревня, и этого простого факта достаточно, чтобы объяснить, почему Индия никогда не была англоязычной. Инстинктивно римляне понимали, что если провинция должна быть романизирована, то этот процесс нельзя начинать в деревнях; и там, где были только деревни, они давали округам возможность развивать города в своей среде. Эта возможность, как мы можем предположить, редко упускалась, ведь во все времена своей истории римляне обладали удивительной способностью вызывать у своих подданных желание подражать их собственным институтам. Таким образом, Испания, Галлия и даже Британия стали богаты городами по римскому образцу - городами, которые служили для гуманизации людей, делая их послушными подданными.

Давайте посмотрим на нескольких ярких примерах, как ко второму веку нашей эры империя была покрыта городами. Для Италии и Греции нам не нужны иллюстрации - мы и так хорошо знаем этот факт. Но даже далеко на Востоке, в регионах, где греки никогда не селились, если римляне приходили, чтобы остаться, они оставляли после себя города. Посмотрите, например, на карту Сирии или Палестины и обратите внимание на великий караванный путь, ведущий из Дамаска на юг по восточной стороне Иордана. Этот путь был важен для Рима, потому что по нему товары Дальнего Востока доставлялись в Дамаск и на Средиземное море через Персидский залив и Петру. Прежде чем современный путешественник удалится от Дамаска далеко на юг, он наткнется на великолепные руины двух последовательных городов, построенных римлянами в этот период, - Герасы и Филадельфии, где сейчас пасутся овцы среди развалин храмов, театров и бань. Известный английский путешественник^[15] давно писал о них, что они позволили ему составить некоторое представление о величии и мощи Римской империи: "То, что города, расположенные так далеко от столицы и построенные почти в пустыне, должны были быть украшены таким количеством великолепных памятников, служит одним из самых ярких доказательств удивительной энергии и великолепной предприимчивости этого великого народа, подчинившего себе весь мир".

Упоминание о Дамаске может напомнить нам о путешественнике I века н. э., чьи поездки, к счастью, записаны и прекрасно иллюстрируют тот факт, что в Малой Азии и Греции жизнь людей была сосредоточена в больших городах. Святой Павел ходил из города в город, выбирая для своей миссионерской работы самые многолюдные города, такие как Антиохия, Эфес, Фессалоники, Коринф и Афины.

Пройдя на запад и оставив без внимания многочисленные города Египта, мы обнаружим, что все сказанное до сих пор относится и к римской провинции Африка. Эта провинция со

временем стала одной из самых высококультурных и густонаселенных, в основном благодаря многочисленным городам. Останки многих из них до сих пор поражают воображение путешественников. Передо мной лежит фотография одного из них, который до сих пор стоит почти в пустыне, безмолвный и заброшенный, с храмами, улицами и всеми атрибутами великого города, столь же совершенного, как и раскопанные Помпеи, которые были разрушены в этот период великим извержением Везувия. Надпись сообщает нам, что Тхамугади был основан в 100 году н.э. и построен с помощью легиона римских солдат для защиты цивилизации от мародеров пустыни. Другой из этих городов - хороший пример того, как армия способствовала политике создания городов-центров; Ламбесис, ныне называемый Джебель-Аурес, был постоянным местом дислокации военных сил, вокруг которого выросло гражданское население, состоящее из торговцев и лагерников. Большие дороги, как и везде в Империи, соединяли эти города между собой и со столицей провинции, в данном случае Карфагеном.

Если мы пересечем море из Африки в Галлию или Испанию, то обнаружим тот же самый процесс. Испанию мы должны миновать, но в Галлии мы высадимся в древнегреческом городе Массилия, который, как и Марсель, до сих пор является великим портом южной Франции. Немного севернее находится Нисмес (Немаус), который был основан Августом как город из сельских жителей; его огромный римский амфитеатр и изысканно красивый храм относятся ко второму веку и до сих пор стоят в центре современного города. Лион также был основан Августом, как мы видели в прошлой главе, с особой целью. Дальше к северу города, расположенные на больших дорогах, постепенно формировались из племенного населения, жившего в деревнях, и многие из них до сих пор носят названия этих племен: Париж - центр города паризиев, Реймс - ремизиев, Суассон - суассонов, Трир - треверов. Этот последний город на реке Мозель, ныне принадлежащий Германии, может похвастаться более впечатляющими римскими работами, чем любой другой к северу от Италии, и находится в пределах сравнительно легкой досягаемости для посетителей с наших берегов.

Британия, которая была захвачена и превращена в провинцию во времена правления Клавдия, никогда не была так полностью романизирована, как другие провинции, отчасти из-за дикого и упрямого характера ее жителей; но даже в нашей среде римляне оставили явные следы своей веры в городскую жизнь. Лондон был торговым центром еще до прихода римлян, и они сохранили его в этом качестве; но почти все другие их города имели более непосредственное военное происхождение и цель. Самый древний из них - Колчестер, военная колония, которая до сих пор сохранила свои римские стены. Затем появились Сент-Олбанс (Веруламиум), Глостер, Честер, Линкольн и Йорк - стратегически важные пункты, где до сих пор стоят густонаселенные города. В некоторых случаях города исчезли и были восстановлены только путем раскопок, например, Каллеа (Сильчестер, около Бейзингстока), центр города атребатов; но многие из наших провинциальных городов, помимо только что упомянутых, все еще стоят на древнеримских местах и даже без особых раскопок сохранили следы своих римских жителей. Один, и только один, Дорчестер, до сих пор может похвастаться полным маленьким амфитеатром, который стоит прямо за городом между железными дорогами Great Western и South Western, и был использован мистером Томасом Харди для сцены в одном из его романов. Все наши города и деревни, в названиях которых встречается слово *chester* или *cester*, имеют римское происхождение, хотя они, возможно, и не были большими городами, как Глостер (Глевум); ведь *chester* - это всего лишь наша английская форма *castra*, латинского слова, обозначающего военный лагерь.

Если теперь совершенно ясно, что город - это единица цивилизации в Империи, то какова была социальная и политическая жизнь города? Об этом мы теперь знаем гораздо больше,

чем раньше, поскольку она отражена во многих тысячах надписей из всех римских провинций, которые наконец-то были собраны и правильно опубликованы под руководством знаменитого Теодора Моммзена, чье имя нельзя не упомянуть даже в такой неприязнительной книге о Риме, как эта. В записях на камне, действительно, чего-то не хватает, что может восполнить только литература, которая более подробно и искренне передает мысли и чувства людей; а в Империи, кроме Италии и Рима, литературы, которая помогла бы нам, очень мало. Но надписи предоставляют нам необходимые факты.

Во-первых, о политическом состоянии этих бесчисленных городов можно сказать, что оно демонстрирует разнообразие в единстве. Среди них было несколько степеней привилегий. Некоторые были номинально независимы от римского правительства и находились в союзе с ним, но таких было немного; самый известный пример - Афины. Другие были общинами римских граждан; многие имели латинское право, *то есть* низшие привилегии. И наконец, существовало огромное количество городов - большинство от общего числа, - жители которых вовсе не были римскими гражданами, а находились под непосредственным контролем правителя своей провинции, который был ограничен в своей власти над более привилегированными и независимыми городами. Вот вам и разнообразие.

Но на самом деле все города управлялись и организовывались практически одинаково. В каждом из них существовала конституция, очень похожая на римскую, а в большинстве случаев - прямо по ее образцу. Как и в Риме, ежегодно избирались магистраты, которые после вступления в должность переходили в сенат, состоящий из советников и советников; эти магистраты избирались *populus*, или всей совокупностью граждан. Как мы можем догадаться из нашего собственного опыта местного самоуправления, здесь было много полезной работы. Плутарх, писавший в этот период о своем маленьком городке Херонее в Греции, в полной мере осознает это и говорит о том, что работа магистрата - почетная работа, тем более что она сочетается с чувством гражданственности в великой империи.

Однако в этих провинциальных городах, как и в самом Риме, существовала тенденция к тому, чтобы магистрат, который должен быть человеком состоятельным, брал на себя расходы по развлечению народа; тенденция к тому, чтобы поставить народ в зависимость от богатых в плане комфорта, а не от его собственной деятельности и усилий. Магистрат, кроме того, что платил большую пошлину при вступлении в должность, должен был устраивать публичные игры, пировать с народом или одаривать его деньгами со всех сторон. Кроме того, он хотел бы отличиться, возведя несколько общественных зданий - баню, акведук или театр; или же основать школу. Так что со временем оказалось, что его ноша тяжелее, чем он мог вынести, и что весь класс, к которому он принадлежал, сенаторский, был вовлечен в те же трудности. Этот класс не мог быть набран из простого народа, который редко имел средства или, более того, энергию, чтобы подняться к богатству; и с течением времени тенденция заключалась в том, чтобы провести все более резкую границу между достоинствами различных классов. Но разорение сенаторского сословия, или *курулов*, лежит за пределами наших границ.

Низший класс занимался промышленностью, либо на земле, либо в самом городе. Эта промышленность не была в значительной степени занята капиталом и не конкурировала с рабским трудом, о котором в провинциальных городах мы мало что слышим. Представители различных ремесел и профессий работали за свой счет, но почти всегда объединялись в гильдии или ассоциации, и это одна из самых интересных черт в жизни этого периода. Каждая из этих гильдий была лицензирована или должна была быть лицензирована центральным правительством в Риме - хороший пример того, как длинная рука этого правительства дотянулась до каждого провинциального города через посредство губернатора провинции и его чиновников. Незаконное объединение было серьезным

преступлением, и это была одна из причин, по которой правительство с подозрением смотрело на небольшие христианские общины .

Какова была цель этих объединений? Часто задавали вопрос, были ли они в каком-то смысле провиантскими обществами, подобными нашим дружеским обществам, и в целом следователи пришли к выводу, что нет. Если бы у нас было больше литературы, посвященной провинциальной жизни, или такая переписка, как у Цицерона и его друзей, мы могли бы дать более определенный ответ.

Но, по крайней мере, в одном смысле их можно назвать провиантскими обществами. Все или почти все они ставили перед собой главную цель - обеспечить своим членам достойную могилу и достойные похороны. Полностью оценить эту цель можно только после реального изучения общественной жизни и религии той и предыдущей эпохи, но когда она понята, это невыразимо трогательно. Кажется, что жизнь рабочего того времени отнюдь не была несчастной, что он не был загнан или поработен работодателем и не был вынужден жить в мрачной и нездоровой обстановке. Насколько мы можем судить, в этой жизни у него было мало забот, он поклонялся своим богам и выполнял данные им обеты с искренней благодарностью. Но то, что после смерти он будет полностью заброшен и забыт, брошен в общую могилу, чтобы незаметно сгнить, "где ни одна рука не принесет ежегодное подношение вина и цветов", - такая тень, похоже, всегда витала над его жизнью. Мы можем сомневаться, что надежда на бессмертие, как правило, имела отношение к этой тревоге. Скорее, этими несчастными людьми двигал наследственный инстинкт, а не вера или вероучение. Изначально это было желание не скитаться призраком из-за отсутствия должного погребения; теперь же это скорее страх, что они могут быть забыты теми, кто остался позади, или, более того, будущими поколениями.

Человеку свойственен инстинкт объединения, и в огромной империи, где давно наметилась тенденция к уничтожению старых социальных групп, основанных на родстве, реальном или предполагаемом, было бы некоторым утешением принадлежать к клубу друзей с общими интересами, привыкших делить радости и опасности жизни и готовых к достойному погребению, когда смерть настигнет их. Даже в этой жизни они время от времени встречались, чтобы поесть, выпить и развлечься.

В целом можно сделать вывод, что такая жизнь городов была счастливой, пока границы хорошо охранялись и не было вероятности внезапного набега или вторжения врага; пока личность и имущество были надежно защищены римским законом, не подвергавшимся коррупции, а развлечения и удобства доставались за небольшие деньги или вообще даром. Но, несомненно, чего-то не хватало; где-то в социальной системе царил разлад, хотя нащупать его было нелегко. Сок в растениях течет слишком слабо, не хватает острой промышленной энергии и инстинкта самопомощи. Со временем центральное правительство стало слишком отеческим, слишком много вмешивалось в жизнь этих городов и тем самым поощряло тенденцию к "безделью". И все больше и больше, по мере того как на империю оказывалось давление извне, игра жизни в этих некогда счастливых городах превращалась в автоматическое движение машин, центральным колесом которых был Сезар в Риме.

Здесь необходимо упомянуть еще один аспект жизни провинциальных городов, который говорит о том, что тенденция того времени была не совсем здоровой. В начале этой книги я говорил, что великие памятники, оставленные Римом , были в основном полезного и практического характера, *например*, дороги, акведуки, деловые центры. Это верно, но

теперь необходимо добавить, что некоторые из самых впечатляющих сооружений в тот период, к которому мы подошли, были полностью посвящены развлечениям, причем развлечениям не образовательным и не гуманным. В Риме уже давно распространился вкус к зрелищам кровопролития - боям гладиаторов и охоте на диких зверей в ограниченном пространстве; и из Рима этот деградировавший вкус слишком быстро перешел в провинции. В большинстве крупных провинциальных городов были свои амфитеатры, в подражание огромному римскому, который мы знаем как Колизей; и чем более романизированной была провинция, тем больше в ней было этих домов бесчеловечности. Самый величественный из них, до сих пор стоящий за пределами Италии, в Нисме, датируется, как ни странно, мягким и просвещенным веком Антонинов, к которому мы переходим в следующей главе. Греки, правда, никогда не проявляли особого интереса к подобным зрелищам; но в западных провинциях, где сейчас находилось лучшее и наиболее энергичное население империи, их влияние было, без сомнения, пагубным, поскольку они поощряли не только бесчеловечность, но и праздность. День за днем большая часть населения города могла сидеть и лениво наблюдать за этими кровавыми развлечениями, на которые, возможно, какой-нибудь богатый гражданин тратил свой капитал на собственное разорение.

Как, возможно, можно сказать и о нас в наш век, римлян Империи побуждали слишком много жить, наслаждаясь настоящим, не заботясь о будущем. Так и культурные слои постепенно стали оглядываться на прошлое, на великие достижения Рима в войне и литературе, как на все и вся, и потеряли желание прокладывать новые линии, делать новые открытия, пробовать новые эксперименты. "Над всем этим, на наш взгляд, нависла тень, которая преследует жизнь, питаемую лишь воспоминаниями, и которой будущее не посылает зова и не дает обещаний"[16].

ГЛАВА X

ИМПЕРИЯ ПРИ АНТОНИНАХ - ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Главным делом Рима в мире, как уже не раз говорилось в этой небольшой книге, была защита средиземноморской цивилизации от внешних врагов. Эта работа имела двойную природу. Ее нельзя было выполнить, просто наметив и удерживая пограничные линии; необходимо было также так организовать империю в пределах ее границ, чтобы вся она внесла свой вклад в общее дело людьми, деньгами и общественным духом. Последние две главы показали, что со времен Юлиев и Августов римские правители полностью осознавали эту двойственную природу своей задачи. В частности, Август, постепенно обустроив границы по хорошо продуманной и адаптированной к его средствам и опыту системе, также потратил много времени и сил на внутреннюю организацию. Империя представляла собой рыхлое собрание подвластных территорий, каждая из которых управлялась, хорошо или плохо, в зависимости от обстоятельств, должностным лицом, почти независимым от центральной власти; он оставил ее в конце своей долгой жизни на пути превращения в хорошо скомпонованное целое, в котором каждая часть в большей или меньшей степени ощущает силу справедливого центрального правительства; цивилизованное государство, "выделяющееся на фоне окружающего варварства".

В такой империи, конечно, должны существовать расовые и языковые различия, а также различия в привычках, чувствах, образе мыслей; но при справедливом и мудром правлении эти различия не должны быть помехой политическому единству целого. Есть книга этого периода, доступная каждому, которая лучше других иллюстрирует это единство в многообразии Римской империи - Деяния апостолов. Ее следует внимательно изучить, пользуясь картами и другими доступными пособиями, вплоть до последней главы, где святой

Павел покидает Рим, живя в своем собственном наемном доме, в центре средиземноморской жизни и управления.

При ближайших преемниках Августа, Тиберия, Клавдия и Нерона его политика в целом проводилась добросовестно и осмотрительно; а в конце первого века нашей эры Веспасиан и два его сына, Тит и Домициан, сделали не больше, чем улучшили работу механизма его правительства. Правда, конституция все больше превращалась в настоящую монархию; роль, которую играл в ней сенат свободного государства, неуклонно сужалась; но все это делалось в интересах эффективности и, насколько мы можем судить, было необходимо для внутреннего развития империи. Цезари первого века должны похвастаться тем, что мудро правили, опираясь на принципы Августа, с помощью своих советников. Правда, великий литературный гений эпохи, историк Тацит, нарисовав блестящие и яркие портреты некоторых из них, отвлек наше внимание от их работы как проводников великой системы; но рассказать их историю так, как рассказал ее Тацит, здесь не представляется ни возможным, ни необходимым. Я могу обойти их стороной и перейти ко второму веку и эпохе Антонинов, которую историки справедливо считают самой блестящей и самой счастливой во всей римской истории.

То, что в это критическое время у власти сменили друг друга четыре человека, обладавшие, как нам кажется, "правильным суждением во всем", - еще один пример удивительной удачи Рима. Все они были людьми способными и образованными, трудолюбивыми и добросовестными, и, похоже, передали свои хорошие качества подчиненным, поскольку никогда не нуждались в верных помощниках. Сенат, правда, теперь был малопригоден для реальной работы, и большая часть дел уже давно выполнялась Сезаром^[17] и его собственными "слугами", по большей части вольноотпущенниками, часто честолюбивыми и беспринципными греками; но в этот период, как мы увидим далее, гражданская служба, как мы можем ее назвать, была поставлена на прочную и почетную основу. Казалось бы, , если бы идеи долга и дисциплины вновь возобладали во всем римском чиновничьем мире.

Первый из четырех правителей, Ульпий Траян, известный всем нам как Траян, не был ни римлянином, ни даже италиком, а происходил из провинции Дальняя Испания: этот факт знаменует собой рост идеи о том, что любая часть империи теперь может быть обращена на общее благо. Траян был солдатом по воспитанию и склонностям, и его вклад в работу этого периода был в основном военным. Граница вдоль Дуная, последняя (как мы уже видели), которая была заселена, всегда была самой слабой; и все же впредь она должна была стать самым опасным пунктом в линии обороны империи. По всей длине нижнего Дуная уже теснилась огромная масса варварских племен, подталкиваемая сзади другими, на север и восток. А здесь, к северу от реки, королем даков было основано великое королевство, которое примерно соответствует современной Румании. Взглянув на карту империи, можно понять, что такое царство представляло бы постоянную угрозу для Италии, Греции и даже для полуострова Малая Азия, и с точки зрения римлян Траян был вполне оправдан в своем намерении завоевать и присоединить его. Он осуществил эту политику в двух последовательных войнах, проявив непревзойденную смелость и мастерство. Дакия стала римской провинцией и просуществовала в этом качестве достаточно долго (около 200 лет), чтобы стать эффективным подспорьем для имперской обороны в этом регионе. История этих двух войн отражена в удивительной серии скульптур, образующих спираль вокруг колонны Траяна, которая стояла и до сих пор стоит в Риме на построенном им форуме, названном его именем.

Под конец жизни Траян начал новую политику на Востоке и не смог ее осуществить. Проницательный Август, как мы видели, доверился здесь своему престижу, зная, что война в

этом регионе и опасна, и дорога. С тех пор при Нероне здесь были и опасности, и расходы, но никаких определенных результатов достигнуто не было. Однако Траян, спровоцированный шагом парфянского царя, решил захватить Армению, старую кость раздора между Римом и Парфией, и не только сделал это, но и присоединил путем завоевания еще две провинции, Месопотамию и Ассирию. Некоторые историки считают, что здесь он рассудил так же хорошо, как и на Дунае. Лучший способ решить этот вопрос - внимательно посмотреть на карту империи, а затем спросить себя, действительно ли эти территории были необходимы для защиты средиземноморской цивилизации. Для себя я безоговорочно отвечаю на этот вопрос отрицательно; но здесь нет необходимости спорить, поскольку Траян умер, так и не успев закрепить свои завоевания. Иудеи, рассеянные по всем этим регионам, движимые непримиримой ненавистью к Риму, подняли восстание в тылу Траяна с пугающей жестокостью, и в разгар этих волнений он умер на обратном пути в Рим. Его преемник Адриан сразу же отказался от попыток удержать новые провинции.

Было бы несправедливо по отношению к памяти великого человека, если бы мы думали о Траяне только как о солдате. Он был энергичным человеком, не щадящим себя ни в одном из своих дел. Он проводил в Италии политику общественного благосостояния, стремясь, как и Август, поощрять сельское хозяйство и население, а также осуществляя план своего предшественника Нервы по созданию фонда для образования бедных детей. Это последнее учреждение стало важным и хорошо показывает, насколько действительно благожелательными - возможно, даже чрезмерно - и заботящимися о благополучии Италии были цезари II века. Государство ссужало деньги нуждающимся в них итальянским крестьянам, а проценты, составлявшие пять процентов, направлялись на образование юношей до восемнадцати и девушек до четырнадцати лет.

Траян уделял такое же пристальное внимание провинциям. В большинстве из них не было никаких проблем, но в одном случае, в Вифинии, которая находилась под управлением сенаторов, ему пришлось послать специального комиссара для устранения небрежности и беспорядков. К счастью для нас, этим уполномоченным оказался Плиний Младший, племянник великого энциклопедиста того же имени; Плиний был настолько заметной фигурой того времени, что сохранилась его переписка. Та ее часть, в которой содержатся его письма к Траяну и краткие и емкие ответы Траяна, - одно из самых ценных сокровищ, дошедших до нас из античной литературы. Плиний советуется с ним по самым разным вопросам, некоторые из них почти до смешного мелочны, некоторые имеют общее значение, как, например, знаменитый вопрос о его политике в отношении христиан; ответы показывают нам Траяна как проникательного и разумного человека, прекрасно понимающего, что в таком единстве, как Римская империя, должно быть разнообразие, и что правители должны научиться приспособляться к этому разнообразию, не теряя при этом принципов справедливости и равенства. Прежде чем мы оставим эту тему, следует отметить, что постоянный обмен письмами между людьми, находящимися на расстоянии более тысячи миль друг от друга, не должен никого удивлять. В интересах империализма государственные почты были тщательно организованы Августом; дороги были превосходны, судоходство хорошо продумано, и путешествовать было по крайней мере так же легко и быстро, как в Англии менее века назад.

Сильные и довольно грубые черты лица Траяна, знакомые всем изучающим Империю, разительно отличаются от черт трех его преемников. Он был чисто выбрит, но его следующий преемник, Адриан, ввел практику ношения бороды, и ее придерживались. Все императорские портреты этой эпохи, сохранившиеся на монетах и скульптурах, совершенно аутентичны, а сходство с ними неизменно. В Британском музее читатель может увидеть

черты этих великих Сезаров, воспроизведенные так же точно, как и черты британских государственных деятелей в Национальной портретной галерее.

Траяна сменил его двоюродный брат Адриан, без сомнения, один из самых способных и эффективных людей, когда-либо обладавших большой властью. Никто не может изучить его правление и не почувствовать, что в эту эпоху, если удастся найти эффективного человека, лучше, чтобы только его рука была на штурвале. Вероятно, Адриан был лишь одним из многих, кто мог бы добиться таких же успехов, как и он, ведь теперь за рубежом царил дух разумной промышленности, направленной на благо государства; и все же можно с уверенностью сказать, что империя была лучше от того, что в ней не было введено в действие суверенитета. Про Адриана хорошо сказано, что он хотел "видеть сам все, что должно было быть увидено, знать все, что должно было быть известно, делать все, что должно было быть сделано"; и последующие события доказали, что эта разумная деятельность вряд ли могла бы быть проведена через всю императорскую работу с равным эффектом, если бы она была разделена с другими.

Адриан выполнил свою работу за два долгих периода путешествия, каждый из которых длился около четырех лет. Без всякой помпезности и пышности он ознакомился со всеми частями империи и их нуждами, как не делал ни один правитель со времен Августа и Агриппы, разделивших между собой такую задачу. Более насущной задачей было осмотреть границы и обезопасить их, а поскольку Адриан был опытным солдатом, многое испытавшим при Траяне, эта работа была для него привычной. Но он был так полон любопытства, так стремился увидеть все, что могла показать ему империя, что, занимаясь своим неугомонным делом, он мог также удовлетворить свой интеллект. В этом он был больше похож на Юлия Сезара, чем любой другой известный нам римлянин, хотя в большинстве черт характера он сильно отличался от этого великого человека. Здесь невозможно подробно описать пограничную деятельность Адриана, но мы приведем один пример, который должен быть интересен британским читателям.

Британия была захвачена Клавдием в предыдущем веке, и южная часть острова стала римской провинцией. С тех пор граница была отодвинута далеко на север, и пограничными крепостями стали уже не Колчестер и Глостер, а Линкольн, Честер и Йорк. Адриан провел здесь несколько месяцев во время своего первого путешествия, и его визит имел замечательный результат, который мы можем наблюдать в данный момент. Он должен был отметить два факта: во-первых, неустроенность и мятежное состояние коренных жителей Йоркшира и Нортумберленда (бригантов), а во-вторых, узкую талию острова между заливом Солуэй и устьем Тайн. Он, должно быть, рассудил, что если римские войска смогут постоянно находиться на укрепленной линии между двумя морями, то эта линия будет служить сдерживающим фактором для бригантов, а также базой для дальнейшего продвижения на север.

Таким образом, "стена Адриана" остается самым ярким из всех римских сооружений на нашем острове. Ее длина составляет около семидесяти миль, и в конечном итоге она состояла (поскольку мы не можем быть уверены, что она была завершена Адрианом) из каменной стены с северной стороны высотой в двадцать футов, земляного вала с южной стороны и военной дороги между ними. Через определенные промежутки располагались укрепленные пункты, всего семнадцать, включая два, которые соединяли линии с морем; из этих двух восточный, возле Ньюкасла, который сейчас славится своими шахтами, до сих пор известен как *Уолсенд*. Стена позволила римлянам продвинуться на север, и вскоре между Фортом и Клайдом было построено еще одно укрепление меньшего масштаба, о котором только что опубликовал большой том доктор Г. Макдональд из Эдинбурга. Завоевание

Нагорья так и не было осуществлено, но великое дело Адриана оказало огромное моральное воздействие на население к югу от него, и Британия стала очень существенно романизирована. Города и сельские дома (*villæ*) в изобилии возникали вдоль или рядом с военными дорогами. Сейчас, когда я пишу эти строки в Северном Оксфордшире, остатки нескольких таких *вилл* находятся в пределах легкой досягаемости, и за день я могу посетить как минимум четыре значительных римских города: Киренстер, Глостер, Силчестер (Каллева) и, наконец, Бат (*Aquæ Sulis*), где римляне нашли и использовали, как они всегда делали в таких местах, великолепные горячие источники, построив вокруг них знатные бани, которые можно увидеть и по сей день.

Забота Адриана о хорошей работе гражданского правительства была столь же велика, как и его рвение к обороне границ. В этой области он предпринял два шага вперед, и оба способствовали укреплению империи, которое было его постоянной целью.

Во-первых, он организовал и возвел в достоинство гражданскую службу, от которой зависело правильное функционирование всей системы. Доля Сезара в этой работе неуклонно росла, в то время как доля Сената уменьшалась; однако Сезар до сих пор выполнял свою часть работы, как мы только что видели, с помощью только своих личных "слуг", которые в основном были вольноотпущенниками, *то есть* рабами по происхождению, и многие из них были греками. Теперь Адриан учредил государственную императорскую гражданскую службу, членами которой должны были быть римские рыцари, *то есть* люди, имеющие определенное значение в отношении рождения и имущества. Эти новые гражданские служащие были освобождены от военной службы и могли, таким образом, обучаться работе без перерыва, в течение своих ранних лет.

Во-вторых, именно с правления Адриана начинается консолидация римского права и зарождается школа великих юристов, подобных которой мир никогда не знал. Помимо защиты средиземноморской цивилизации, косвенный вклад в которую был немалым, это было самым ценным наследием Рима для современной Европы. Изначально право состояло в основном из старых правовых норм города-государства Рима, воплощенных в Двенадцати таблицах, и нескольких статутов; но со временем, в связи с необходимостью их толкования и адаптации к обычаям других народов Империи, возник огромный массив того, что мы можем назвать *судейским правом*, в виде эдиктов или публичных уведомлений магистратов, изданных как в Италии, так и в провинциях. Поскольку эти обычаи были теперь хорошо известны, а империя достигла своих пределов, стало возможным закрыть и консолидировать этот огромный корпус официальных решений и прецедентов; что и было сделано под руководством Адриана. Два других источника права должны были еще значительно вырасти, прежде чем их можно было сварить в великий "Свод законов" (*Corpus Juris*), составленный по приказу Юстиниана в шестом веке, который до сих пор является главным европейским учебником по правоведению. Этими двумя источниками были высказанные мнения мудрых юристов по вопросам права и решения кесарей в различных формах, которые имели силу закона.

Смерть Адриана в 138 году н. э. приводит нас к третьему из великих цезарей этой эпохи, Титу Антонину, человеку, который в свои пятьдесят два года уже успел отлично поработать на благо империи. Он известен истории как Антонин Пий, и это последнее имя, данное ему, очевидно, при вступлении на престол, может быть воспоминанием об эпитете Вергилия для его героя, а может быть связано с сильным чувством долга, которым отмечена вся его жизнь, общественная и личная. Он, действительно, ярко напоминает идеал римского характера, как мы проследили его в третьей главе этой книги; однако он не был итальянцем по происхождению. Его семья принадлежала к Нисме в южной Галлии, и этот древний город до

сих пор чтит его "Площадь Антонина", на которой стоит его статуя. Черты его лица, как они изображены на портретных бюстах, полностью подтверждают рассказ о нем, оставленный его племянником и преемником. Серьезный и мудрый, мягкий, но твердый, религиозный в истинно древнеримском смысле, чистый в жизни и простой во всех своих потребностях и удовольствиях, он правил мирной и довольной империей, посвятив себя работе по гуманизации и смягчению жизни и участи своих подданных.

Давайте посмотрим, например, на его отношение к рабству, которое, когда мы в последний раз обратили на него внимание, грозило стать смертельным ядом в римской системе. В течение первого века империи, в основном под влиянием стоической философии, а затем и христианства, росло чувство, что раб - это, в конце концов, человек и имеет право на такое же отношение к нему со стороны римского закона, благодетельного по отношению ко всем остальным людям. Антонин следовал этой новой идее как в законодательстве, так и в личной жизни, как и его преемник, который благоговел перед его памятью. Они ограничили права хозяина на своих рабов несколькими способами; постановили, что если жестокость доказана против хозяина, он должен быть вынужден продать раба, с которым плохо обращался. Примечательно, что философ Эпиктет, которым они восхищались больше всего, сам изначально был рабом. Нет лучшего способа понять дух гуманности, которым руководствовались Антонин и его преемник, чем знакомство с моральной философией Эпиктета и *"Размышлениями"* Марка Аврелия. *Золотые изречения Эпиктета* в серии *"Золотая сокровищница"*^[18] и перевод *"Медитаций"* доктора Рендалла будут полезны тем, кто не читает по-гречески.

Адриан оставил империю под надежной охраной, и Антонину, похоже, не пришло в голову убедиться в том, что Адриан не теряет бдительности. Это было единственным слабым местом его правления, и оно дорого обошлось его преемникам. Он лишь однажды покинул Италию, и его мысли никогда не были заняты войнами или слухами о них; он жил спокойно и умер мирно, без проблем и тревог. Но мы знаем, что еще до его смерти на северной границе начали сгущаться тучи; и мы не можем не чувствовать, что прекрасное спокойствие жизни Антонина вряд ли было совместимо с обязанностями императорского опекуна.

Марк Аврелий, автор *"Медитаций"*, сменил своего дядю и приемного отца в 161 г. н.э. Хотя он не был величайшим из четырех правителей, он был самым замечательным человеком и занимает более высокое место, чем остальные, в мировом почитании. Мы можем найти в истории параллели с Траяном, менее легко, возможно, с Адрианом и Антонином; но монарха, подобного Марку, нет даже в истории евреев. Действительно, удивительно, что Рим, Рим жесткого практического темперамента, должен был породить правителя, который был философом и почти святым, но при этом был способен управлять государством. Это последнее яркое проявление старого римского духа долга и дисциплины, который теперь разгорелся в настоящую этическую эмоцию благодаря учению стоиков - самому вдохновляющему вероучению, доступному в то время для человека действия. Без какой-либо помощи со стороны христианства, которое, правда, он не понимал и иногда преследовал, Марк научился не только тому, как сделать свою собственную жизнь чистой, но и тому, как жить и работать для мира своего времени.

Но святость на троне, как в случае со святым Людовиком Французским, имеет свои недостатки в практической деятельности. Возможно, верно, что ум Марка был более активен и находил большее удовлетворение в вопрошании самого себя, чем в беспокойном исследовании состояния империи. Он не принадлежал к тем, о ком наш поэт говорит, что они делают работу долга *и не знают ее*; и, как следствие, его дни не были безмятежными и светлыми. Он был склонен к болезненности и, как все болезненные люди, был серьезен до

грусти. О нем хорошо сказали, что он всегда настаивает на своей вере во вселенную, в которой, тем не менее, не может найти ничего, кроме разочарования.

Его чувствительность к своему долгу иногда искажала его суждения и притупляла проницательность характера. В самом начале он допустил грубую ошибку, разделив императорскую власть со своим братом по усыновлению, Луцием Вером, который не отличался принципиальностью и был склонен к удовольствиям. На него он возложил ответственность за войну с Парфией, которая стала неизбежной, и хотя римское оружие было успешным, это не было заслугой умения или энергии Марка или Веруса. Если бы под его командованием находился сильный научный ум, можно было бы предотвратить или смягчить бедствие, которое теперь обрушилось на средиземноморский мир и сыграло, возможно, большую роль в разложении и падении империи. Легионы принесли с собой с Востока одну из самых страшных чум, известных истории, которая по своим последствиям может сравниться разве что с Черной смертью в XIV веке.

Не только на Востоке, но и ближе к дому Марку пришлось встретиться с грозными врагами, прорвавшимися через границы, о которых так заботился Адриан. Подталкиваемые давлением с тыла, германские племена нехотя пробирались на римскую территорию, захватывали новую провинцию Дакию, пересекали Дунай и даже перебирались через Альпы в Италию. Трудности Марка были велики, но он преодолевал их с терпением и мужеством. Мор так сильно проредил население, что для войны не хватало ни людей, ни денег, и борьба за оттеснение невольных захватчиков затянулась на тринадцать лет. Она все еще продолжалась, когда Маркус умер от лихорадки в лагере под Веной. Закрывая глаза в своей палатке, он, должно быть, чувствовал, что потратил себя напрасно и что Империю ждут плохие дни. Он оставил никчемного сына, Коммода, который не понял опасности и пустил все на самотек.

Нам нет нужды следовать за Империей в ее падении. Мы видели, какой должна была быть работа Рима в мире, и как в конце концов она ее выполнила, несмотря на постоянные опасности и частые катастрофы. Начиная с Марка Аврелия и далее, напряжение самозащиты было слишком велико, чтобы позволить прогресс в любом социальном или политическом смысле. Монархия становилась все более абсолютной, механизм управления - все более сложным; народные массы были обложены чрезмерными налогами, а средние классы разорены. Снова началась депопуляция, и попытки исправить ситуацию путем расселения варваров-захватчиков в пределах границ привели к плачевным результатам. Менее чем через столетие после смерти Марка империя была разделена на две половины - восточную и западную, с новой столицей для восточной половины в Византии (Константинополе). Как и все изменения в поздней империи, это было сделано исключительно для того, чтобы противостоять захватчикам, но, тем не менее, они наконец-то прорвались через все преграды.

Однако это произошло не раньше, чем имя и слава Рима произвели столь глубокое впечатление на их умы, что они стремились заслужить доставшееся им наследство; презирая, правда, вырождающихся провинциалов, которые не нанесли ни одного удара в свою защиту, но преисполненные уважения к величественной державе, которая столько веков противостояла им и наставляла их.^[19] Они никогда не считали цивилизацию Средиземноморья; начиная с Юлия и далее римские правители сделали так много для ее защиты, так высоко подняли ее престиж, так тщательно организовали ее внутреннюю жизнь, что нецивилизованные народы не могли и не хотели ее уничтожить.

Мы все еще наслаждаемся его лучшими плодами - искусством, наукой и литературой Эллады, гением Рима в области права, "справедливым вмешательством государства в интересы и страсти человечества"[20] В наши дни, когда наука открыла перед нами столько новых путей познания и вдохновила нас на их освоение, мы склонны забыть о ценности наследия, которое сохранил для нас Рим. Но это всего лишь преходящая фаза чувств; на самом деле она совершенно не соответствует характеру эпохи, которая признает доктрину эволюции своим великим открытием. Для цивилизованного человека естественно возвращаться к своему прошлому и быть благодарным за любую пользу, которую он может извлечь из изучения своего собственного развития. Поэтому мы можем быть уверены, что притязания Греции и Рима на нашу вечную благодарность никогда не перестанут утверждаться, а их право учить нас тому, чему мы не могли научиться нигде больше, никогда не будет успешно оспариваться.

Ноябрь, 1911.

БИБЛИОГРАФИЯ

Мы предлагаем следующие книги, которые могут оказаться наиболее полезными для студентов, желающих продолжить изучение предмета.

I. Большая история. Моммзен: *История Рима до смерти Цезаря*, с дополнительным томом под названием "*Провинции Римской империи*"; вся книга в английском переводе состоит из семи томов. Хейтланд: *Римская республика* в трех томах (недавняя публикация). Гиббон: *Упадок и падение Римской империи*, под редакцией профессора Бьюри.

II. Малые истории в одном томе. Пелам: *Наброски римской истории* (великолепная работа). How and Leigh: *A History of Rome to the Death of Cæsar*. Бьюри: *The Student's Roman Empire*. Существует множество школьных историй, но эти более полные и интересные.

III. Книги по специальным темам римской жизни и т. д. Гринидж: *Roman Public Life*, in Macmillan's Handbooks of Art and Archæology. Warde Fowler: *Общественная жизнь в Риме в эпоху Цицерона. Жизнь Цицерона* Страчана-Дэвидсона и "*Жизнь Цезаря*" Уорда Фаулера, оба в серии "Герои народов" издательства Putnam. *Завоевание Галлии Цезарем*, Т. Райс Холмс. Дилл: *Римское общество от Нерона до Марка Аврелия*.

IV. Древние авторитеты в переводе. *Римские жития* Плутарха можно с пользой читать в любом переводе, например, в переводе Лэнгхорна. Наиболее ценными являются жизни Катона Старшего, Эмилия Павла, двух Гракхов, Мария и Суллы, Помпея и Цезаря, Брута и Антония. Существует перевод всей переписки Цицерона с его друзьями, выполненный Э. С. Шакбургом и опубликованный издательством Bell & Sons.

ФУТБОЛЬНЫЕ ССЫЛКИ

[1] Самая известная из них и, возможно, самая прекрасная - "Кориолан", перешедшая от Плутарха к Шекспиру и ставшая бессмертной.

[2] Латинские слова, выражавшие эти два взаимных права, *commercium* и *connubium*, до сих пор используются в различных формах в языках современной Европы.

[3] Латинское слово - *fauces*, то есть челюсти, этимологически то же самое, что и *hause* в нашем Озерном крае, что означает узкий проход.

[4] Greenidge, *Roman Public Life*, p. 105.

- [5]За исключением южных самнитов, которые присоединились к Ганнибалу после Канн.
- [6]Это был Фабий Максим, который дал свое имя известному выражению "тактика Фабия".
- [7]Seeley's *Life of Stein*, II. 422.
- [8]*Жития Катона Старшего и Эмилия Павла*, которые можно прочитать в переводе Плутарха, дадут примеры этого лучшего типа образования.
- [9]В "Жизни" Плутарха, особенно в главах v. и vi., где Плутарх явно воспроизводит свидетельство очевидца.
- [10]Он происходил из старинной римской патрицианской семьи.
- [11]См. ниже, с. 184.
- [12]*Георгики* I, 463 и далее.
- [13]См. ниже, с. 206.
- [14]Из версии мистера Джеймса Радса.
- [15]Сэр А. Х. Лэйард.
- [16]Dill, *Roman Society in the Last Century of the Western Empire*, 1st edn., p. 163.
- [17]Под этим титулом в Империи обычно знали *принцепса*; см. напр. Матф. xxii. 17 и далее, или Деян. xxv. 10 и далее.
- [18]By Hastings Crossley: Macmillan & Co.
- [19]Bryce, *Holy Roman Empire*.
- [20]Это определение закона, данное Моммзеном.

Примечания транскриптора

- Сохранена информация об авторских правах из печатного издания: эта электронная книга является общественным доменом в стране публикации.
- Исправлено несколько заметных опечаток.
- Только в текстовых версиях текст, выделенный курсивом, отделен _нечетными_ знаками.